

1 2011
309 в 3 к

К.Ш. ХУСАИНОВ

ЗВУКО·
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ
В КАЗАХСКОМ
ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К. Ш. ХУСАИНОВ

ЗВУКО-
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ
В КАЗАХСКОМ
ЯЗЫКЕ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1988

Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. —
Алма-Ата: Наука, 1988. — 232 с.

Исследуются основные аспекты звукоизобразительности в казахском языке. Посредством фонетико-морфологического анализа и сравнительно-типологического сопоставления определяется звукоизобразительная функция компонентов фонетической структуры казахской звукоподражательной лексики. Впервые на материале казахского языка рассматриваются вопросы звуко-символизма, а также номинативный и этимологический аспекты звукоизобразительных слов.

Книга предназначена для специалистов казахского и других тюркских языков, аспирантов, студентов филологических факультетов, а также для тех, кто интересуется вопросами теории и истории языка тюркских народов.

Ответственный редактор

академик АН КазССР

А. Т. КАЙДАРОВ

X $\frac{4602000000-036}{407(05)-88}$ 136.88

ISBN 5-628-00136-8

©Издательство
«Наука»
Казахской ССР,
1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном казахском языке, как и во многих других языках мира, существует пласт лексики, который в лингвистической литературе называется по-разному: звукоподражания, идеофоны, подражательные слова, мимемы, изобразительные слова, имитативы, звукоизобразительные слова, оноματοпы и т. д. Хотя разноречивостью в наименовании данных слов не способствует успешному их исследованию, все же главное, очевидно, заключается не в выборе термина, а в понимании сущности и механизма их происхождения, места в историческом процессе становления и развития лексической системы языка, их связи с процессом формирования конвенционального обозначения, языковым знаком и проблемой глоттогенеза в целом.

В языкознании к звукоизобразительным словам, как и вообще к феномену звукоизобразительности, давно сложилось двойное отношение. Одни исследователи, чрезмерно преувеличивая роль звукового символизма и звукоподражания в формировании языковых единиц, пытались в каждом слове найти естественную связь формы с содержанием. Другие относились к ним скептически и, отрицая возможность мотивации значения слова его формой, происхождение языка объясняли стихийной договоренностью членов древнейшего общества. Субъективизм, малочисленность фактов и отсутствие системности в трудах сторонников естественного происхождения языка вызвали недоверие к идее примарной мотивированности языкового знака.

Но, видно, слишком заманчива идея естественного происхождения языка, примарной мотивированности

языкового знака, если периодически, несмотря на большое число оппонентов, ученые на протяжении всей истории языковедческой науки, собирая все новые и новые факты и аргументы, совершенствуя методику исследования и привлекая материалы смежных наук, возвращаются к данной проблеме.

В связи с этим более полвека назад Д. Вестерман писал: «Отношение между звуком и значением в языках пытались установить часто, но не всегда успешно. Языкознание сопротивлялось подобным попыткам, подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство. Все это не мешает, однако, тому, что подобные отношения действительно существуют, и при определенных условиях можно это доказать»¹. Примерно в те же годы О. Есперсен утверждал, что «звуковой символизм в развитии языков играет более значительную роль, чем это принято считать большинством лингвистов»².

В настоящее время, хотя традиционный скептицизм в отношении теории звукоизобразительности преодолен не полностью, В. И. Абаев все же считает, что «идеофоны — это «кратпловская» (т. е. фонетически мотивированная. — К. Х.) часть человеческой лексики. Не следует ли этот весьма своеобразный разряд слов сделать предметом особой науки „идеофонологии“?»³. Судя по исследованиям современных лингвистов, в указанном В. И. Абаевым направлении проделана значительная работа: собран богатый фактический материал, определены психофизиологические основы звукоизобразительности, выработаны принципы научного изучения звукоизобразительности как универсального языкового явления и т. д. Несмотря на это, как применение результатов исследований, так и дальнейшая разработка основных положений теории звукоизобразительности встречает ряд трудностей, среди которых не последнюю роль играет преодоление традиционного подхода к языковым фактам и явлениям. В этом отношении автор фундаментального исследования по фоносемантике С. В. Воронин пи-

¹ Вестерман Д. Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках // Африканское языкознание. М., 1963. С. 94.

² Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // Jespersen O. Linguistica. Selected papers. Copenhagen; London, 1933. P. 283.

³ Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология, 1984. М., 1986. С. 20.

шет: «Вступая в сферу звукоизобразительности, исследователь, подобно Алисе в Зазеркалье, делает шаг в мир, где многие привычные представления «не работают», где многое «не так», где многое «иначе». Изучая звукоизобразительность, приходится быть готовым отказаться от многих привычных, освященных вековой языковедческой традицией представлений, и быть готовым к выработке новой системы ценностей»⁴.

В казахском языкознании изучению звукоизобразительных слов как самостоятельной части речи посвящены разделы нескольких монографий, две кандидатские диссертации и ряд статей. Мы попытаемся значительно расширить масштабы сопоставительного анализа, рассмотреть звукоизобразительные единицы как в функциональном, так и в историческом отношении, выявить новые лексические факты звукоизобразительного происхождения, определить моменты взаимодействия звукоизобразительности с фонетическими, морфологическими и семантическими особенностями развития лексики современного казахского языка.

⁴ *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 4.

ВВЕДЕНИЕ

При выявлении основных закономерностей языка и его сущности исследователи обычно исходят из его знаковойности. Слова, словосочетания, высказывания и сообщения рассматриваются как «условные раздражители, создаваемые обществом, обладающие системным характером, сознательно употребляемые каждым членом социального коллектива, выполняющие не только сигнальную, но и сигнификативную функцию, являющиеся средством обобщенного контекстуального отражения действительности и служащие целям коммуникации»¹. Язык же в целом определяется как знаковая система особого рода, отличающаяся от других знаковых систем прежде всего принципом своей структурной организации, как система средств, обобщенных знаков и моделей их связи и как его реальное выражение.

Функция обозначения (наименования, названия) рассматривается как одна из основных функций полнозначных номинативных знаков, а первичное обозначение — как результат познавательно-отражательной деятельности языкового коллектива. При этом звуковой или графический комплекс языкового знака является материальной оболочкой, необходимой для выражения значения и сообщения его другим, а также для его возникновения, формирования, существования и развития. В плане происхождения языка данное положение сводится к постулированию произвольности, условности языкового знака².

¹ Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964. С. 143.

² См.: Соссюр Ф. Де. Труды по языкознанию. М., 1977; Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2 изд. М., 1977; и др.

Вместе с тем практика лингвистических исследований приводит многих языковедов к убеждению, что тот или иной звукокомплекс не случайно используется для выражения того или иного значения. Так, проблема мотивированного использования знака для выражения определенного значения получила отражение в учении Гумбольдта — Потебни³ о внутренней форме слова.

В наши дни проблема мотивированности языкового знака исследуется целым рядом лингвистов⁴.

Существует мнение, согласно которому «каждая понятийная единица через ее ассоциации с какими-либо физически наблюдаемыми явлениями может быть с той или иной степенью точности «выделена наружу» путем внешнего воспроизведения этих явлений: образов, жестов, поз, мимики, рисунков, звукоподражаний и т. п. В частности, некоторые из этих способов воспроизведения прямо или косвенно ассоциированы со звуковыми артикулируемыми знаками, и такие звуковые знаки-звукообразы можно использовать как средство обозначения соответствующих понятийных единиц⁵. Часто употребляемые и имеющие унифицированный состав компонентов звукообразы называются идеофонами и рассматриваются как мотивированные не по смыслу, а по форме⁶.

Наличие в языке подобных единиц предполагает естественную связь формы и содержания хотя бы в период первоначальной номинации.

По мнению И. Н. Горелова, «процесс использования готового знака в речи следовало бы отличать от момента примарной номинации или — что психологически довольно близко — момента осознания индивидом новой для него звуковой формы в связи с мыслимым в ней содержанием... Моменты «вникания в форму» или ее изобретения характеризуются вмешательством активных подсознательных и сознательных импульсов, направляемых

³ Потебня А. А. Мысль и язык. Одесса, 1922. Т. 1. С. 83.

⁴ См.: Горелов И. Н. О возможности примарной мотивированности языкового знака // *Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака*. Л., 1969. С. 18—21; Шахнорович А. М. Проблемы мотивированности языкового знака в оптогенезе речи // *Общая и прикладная психоллингвистика*. М., 1973. С. 81—87; Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982; и др.

⁵ Мельников Г. П. Типы мотивированности языковых знаков // *Материалы...* С. 8.

⁶ Там же. См. также: Завадовский Ю. Н. Система и метасистема в языке // *Материалы...* С. 8.

на выявление причинно-следственных связей, обусловивших то или иное оформление содержания»⁷.

Возможность примарной мотивированности языкового знака, как известно, лежит в основе ономастической теории происхождения языка, согласно которой все или большинство древнейших слов были мотивированными, т. е. их звуковая форма моделировала более или менее явно некоторые акустические эффекты, производимые объектами номинации. Противники данной теории, основываясь на том, что множество предметов и явлений объективной действительности не производят акустических эффектов, утверждают, что «стихийно-исторически сложившееся социальное закрепление некоторых звуков за некоторыми значениями приобрело характер социального императива, от которого люди не могут отклониться по своему произволу»⁸.

По И. Н. Горелову, «звуковая форма некоторых номинаций является объективно закономерной для данного или для различных языков и мотивирующей звуковое выражение для зрительцо, осязательно и т. п. воспринимаемых объектов. В основе такой закономерности находятся, предположительно, механизмы синестезии... В механизме синестезии принимает участие подкорковый уровень, где ближе всего объединяются импульсы, идущие от разных рецепторов. Можно предположить, что эти импульсы взаимно индуцируются, в результате чего сначала в подсознательной сфере, а затем и в сознании возникают симультанные образы, объединяющие зрительные ощущения с обонятельными, слуховыми, осязательными и др.»⁹.

В лингвистическом плане мотивированность слова — это закономерная историческая обусловленность его значения в момент наименования или на определенном этапе эволюции его формой или значением исходного слова.

В современной семаснологии различают три вида мотивированности слова: морфологическую, семантическую и фонетическую.

⁷ Горелов И. Н. О возможности примарной мотивированности языкового знака // Материалы... С. 17—18.

⁸ См., напр.: Солицев В. М. Язык как системно-структурное образование. С. 101.

⁹ Горелов И. Н. О возможности примарной мотивированности // Материалы... С. 19.

Под морфологической мотивированностью¹⁰ понимается наличие определенной связи между значением данного слова и его морфологической структурой. В этом случае переход одного наименования к другому осуществляется с помощью словообразовательных средств: аффиксации, словосложения, повтора, сдвигания разных лексем.

Под семантической мотивированностью подразумевают релевантную для данного среза языка обусловленность значения данного наименования значением имени другого предмета, т. е. наличие в слове образности, основанной на метафорических, метонимических и тому подобных явлениях. В данном случае переход от наименования одного предмета к наименованию другого осуществляется с помощью семантической деривации.

Морфологическая и семантическая мотивированность, объединенные одним общим термином «вторичная мотивированность», свойственны только производным в широком смысле слова (т. е. словам, образованным от других слов) и возникают как следствие наименования явлений действительности по какому-либо их признаку (свойству, качеству, действию), отношению к другим обозначенным явлениям, с которым данное явление имеет ту или иную связь. Иначе говоря, вторичная мотивированность является следствием того, что слова как наименования явлений создаются на базе других слов, называющих признаки этих явлений. Мотивированность делает в определенной степени понятным, почему данное явление называется именно так, а не иначе, и почему данное слово имеет то или иное значение. Связь между мотивированным и мотивирующим словами является, таким образом, отражением связи между явлениями действительности¹¹.

Признаковое соотношение между мотивированным и мотивирующим словами формируется в процессе номинации, так как новые слова возникают не как простые структуры, лишённые какого-либо значения, а как образования, способные выражать определенные идеи, сформировавшиеся на базе других слов и требующие самостоятельного словесного выражения.

¹⁰ Ср.: Супрун А. Е. Вопрос о мотивированности языкового знака // Общее языкознание. Минск, 1983. С. 162.

¹¹ Языковая номинация: (Общие вопросы). М., 1977. С. 274; и др.

Соотношение между мотивированностью и значением слова исторически меняется и преобразуется вплоть до появления противоречий между ними и разрушения мотивированности, утраты ее словом; при этом происходит семантическое и структурное опрощение.

Вместе с тем в языке имеются и немотивированные для данного языка слова. Они возникают не только в результате утраты ими мотивированности, но и вследствие заимствования из других языков и создания так называемых искусственных, выдуманных слов. Искусственные слова отличаются тем, что они не мотивированы вообще, в то время, как заимствованные слова мотивированы только в языке своего первоначального образования. При этом первые крайне редки (например, англ. *нейлон*), вторые же могут превалировать над исконными, и в древнейших пластах их часто трудно выделить.

В основе каждого наименования, его значения лежит определенный признак, принадлежащий денотату, и выбор признака определяет само наименование. В отношении того, какой признак — существенный или не существенный — служит основой для номинации, имеется двоякое мнение. Отдельные авторы приходят к выводу, что мотивирующий признак, по которому дается наименование предметов и явлений действительности, — не случайный, а наиболее характерный и существенный. Так, В. И. Георгиев считает, что «слова возникают на основе абстрагирования самых характерных, отличительных признаков предметов и явлений»¹². Как утверждает М. Н. Захарова, в акте номинации «обычно представляет существенный признак предмета»¹³. По мнению П. М. Шанского, «предметы и явления называются по тому признаку, который оказывается достаточно характерным для того, чтобы отличить их от других предметов и явлений»¹⁴. «Познакомившись с новым предметом или явлением, — пишет Б. А. Серебренников, — человек подмечает из массы имеющихся у данного предмета признаков, выбирает только какой-либо один, кажущийся ему характерным, признак, уже имеющий в дан-

¹² Георгиев В. И. Проблемы возникновения индоевропейских языков // Вопросы языкознания. 1956, № 1. С. 58.

¹³ Захарова М. Н. Из наблюдений над возникновением наименований // Уч. зап. Кншневск. ун-та. 1959. Т. 37. С. 72.

¹⁴ Шанский П. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 151.

ном языке наименование, и использует его для наименования нового предмета»¹⁵.

Вместе с тем, как известно, само представление о существенности и несущественности признаков предметов и явлений изменяется в связи с развитием человеческого познания, и то, что на определенном этапе казалось несущественным, со временем может оказаться весьма существенным, и наоборот. Поэтому более правильным было бы говорить о существенности и несущественности мотивирующих признаков не вообще, а с точки зрения определенного человеческого коллектива, создающего те или иные наименования явлений действительности, с учетом конкретной ситуации и целей наименования. «Представление... составляет непременную стихию возникающего слова», — писал А. А. Потебня. Уточняя данное положение, он утверждал: «Общий закон языка состоит в том, что всякое новое слово имеет представление, т. е. что значение общего слова заключает в себе один признак, общий со значением, ему предшествующим»¹⁶.

Таким образом, каково бы ни было реальное значение слов и каков бы ни был путь, пройденный ими в своем историческом развитии, базой для их возникновения и исходным пунктом формирования и дальнейшей эволюции их значения всегда является мотивация, предшествующая первичному и вторичному наименованию.

Мотивация представляет собой раздел теории языковой номинации. «Задачи и сфера приложения такой теории — исследование и вывод закономерностей того, как действительность, отраженная в категориях мышления, воплощается в значениях языковых форм, какое влияние оказывают мышление и практическая деятельность людей на становление и принятие обществом языковых знаков, на их семантическую структуриацию и правила функционирования»¹⁷.

Кроме того, «в общую теорию номинации (ономатологию), наряду с разделом лексикологии, трактующим наименования отдельных элементов внешнего и внутрен-

¹⁵ Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: (Общие вопросы). С. 160.

¹⁶ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958. С. 19, 34.

¹⁷ Уфимцева А. А. и др. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: (Общие вопросы). С. 13.

него опыта человека, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения целостных событий»¹⁸.

Цели и задачи мотивологии уже и заключаются в исследовании причинно-следственного механизма образования слова, а также степени мотивированности слова на конкретном этапе эволюции языка¹⁹. В отличие от этимологических исследований, изучение лексики в плане ее мотивированности позволяет выявить некоторые закономерности типологического характера, моменты языковых универсалий, способствующие более глубокому пониманию процесса формирования лексических единиц и языкового знака в целом. Этимологическое исследование предполагает объект как непрерывный процесс закономерных изменений, начинающийся актом образования и кончающийся современным состоянием. Мотивация же как бы сегментирует данный процесс на отдельные отрезки, выявляя причинно-следственную сторону образования новых слов и степень мотивированности слова на конкретном этапе развития.

Морфологический и семантический типы мотивированности сами по себе в современной лингвистической литературе не вызывают споров. Относительно системы словообразования они характеризуют явление причинности в процессе образования таких единиц номинации, какими являются производные слова, в то время как словообразование определяется как область моделирования особых единиц номинации — производных²⁰.

В случае с фонетической мотивированностью дело обстоит гораздо сложнее. Фонетическая мотивированность, относительно морфологического и семантического типов мотивированности исторически представляющая собой примарную мотивированность, лежит в основе ономатопеической и междометной теорий происхождения языка.

Проблема происхождения языка, эта «проблема проблем», охватывает ряд вопросов, в частности условия генезиса и собственно генезис. Условия генезиса могут рассматриваться в биологическом и социальном аспектах. Собственно генезис включает генезис содержания

¹⁸ Арутюнова Н. Д. Синтаксис. «Общее языкознание». М., 1972. С. 209.

¹⁹ Ср.: Гинатулин М. М. К исследованию мотивации лексических единиц: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972. С. 19.

²⁰ Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977. С. 224.

языка, генезис его формы и связи между звуком и значением в основе. На необходимость разграничения разных сторон проблемы происхождения языка одним из первых указал А. Г. Спиркин²¹, предложивший различать биологические предпосылки, объективные условия, исходный материал и способы образования связи между звуками и образами. Звукоподражательную и междоментную теории он относит к выяснению механизма образования речи, а не условий ее проявления.

«Эти теории, — писал А. М. Газов-Гинзберг, — занимаясь вопросом о происхождении материала языка, механизма образования речи, не занимались в сущности проблемой условий появления языка. С другой стороны, в трудах классиков марксизма-ленинизма, дающих известное определение условий появления речи, вопрос о происхождении материала языка, о механизме образования связи звука со смыслом непосредственно не затрагивается... Поэтому не вполне правомерным является практиковавшийся в нашей популяризаторской и учебной литературе... способ противопоставления названных домарксистских теорий «марксистским взглядам на происхождение языка», когда на вопрос о происхождении материала языка, об образовании связи звука со смыслом позитивного ответа вообще не дается»²².

Последовательное разграничение различных сторон проблемы происхождения языка приводит к заключению, что такие домарксистские теории, как звукоподражательная, междоментная и жестовая, трактуя проблему с разных сторон, не противоречат марксистской теории происхождения языка.

И все же в отношении проблемы происхождения языка, в определенных случаях сводимой к проблеме мотивированности конвенционального языкового знака, ученые делятся на две группы. Противники звукоподражательной и междоментной теорий происхождения выдвигают ряд аргументов. Так, В. И. Абаев считает, что «точка зрения фюсей (т. е. сторонников мотивированности. — К. Х.) полностью опровергается тем простым фактом, что один и тот же предмет в разных языках

²¹ Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М., 1957. С. 3—72.

²² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 4.

называется разными звуковыми символами. Это было бы невозможно, если бы природа вещи допускала для нее только одно «правильное» наименование»²³. «Если слова действительно вытекали из природы и свойств вещей, — пишет А. В. Востриков, — то тогда все названия вещей и все понятия о них в разных языках были бы одинаковыми и в таком случае не было бы необходимости в существовании множества различных языков»²⁴. Следовательно, против связи между звуком и значением в слове выдвигаются такие аргументы, как существование в языке синонимов и омонимов, неодинаковость фонетического облика звукоизобразительных слов по различным языкам и, наконец, само существование различных языков, что можно объединить одним термином «множественность номинации».

В связи с этим интересно отметить, что различные значения одних и тех же подражаний, отражающие «в себе целый ряд явлений, иногда имеющих между собою лишь довольно отдаленное сходство», Н. И. Ашмарин объяснял тем, что «все многообразие окружающей природы первоначально выразилось у человека лишь в немногочисленных мимемах», при этом он уточняет, что «несходство однозначных подражаний в языках может иногда объясняться также и тою причиною, что один народ воспринял слуховую, а другой — зрительную сторону явления: в первом случае мы имеем акустический, во втором — зрительный тип подражания»²⁵. Рассуждения Н. А. Ашмарина, как видим, не опровергают аргументы противников мотивированности, но в то же время наталкивают на мысль о том, что связь между звучанием и значением звукоизобразительного слова не во всех случаях может быть однозначной, одинаковой.

Многообразие значений одних и тех же подражаний, по мнению Г. Е. Корнилова, «являет собой заурядный случай омонимии на уровне имитативов, передающих часто не звучание тела, а исключительно ритмический рисунок движения, акустического или оптического эффекта и т. д., отсюда, например, в чувашском: 1) *пал* —

²³ *Абаев В. И.* О термине «естественный язык» // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 79.

²⁴ *Востриков А. В.* Теория познания диалектического материализма. М., 1965. С. 178.

²⁵ *Ашмарин Н. И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Общ. науки. 1925. Вып. 3—5. С. 83.

подражание вспышке пламени лампы, 2) *пал* — подражание пульсу родника, 3) *пал* — подражание выходу дыма из-под крышечки курительной трубки, 4) *пал* — подражание особого характера суетливой болтовне, 5) *пал* (перен.) — о плавном повороте, завороте, выступании, проступании и т. д.»²⁶. Подобное указание на омонимию, на наш взгляд, не определяет причин мотивированности, а лишь иллюстрирует известную точку зрения Н. А. Ашмарина по данному вопросу.

Как утверждает С. В. Воронин, «понятие множественности номинации само по себе еще ничего не говорит о произвольности/непроизвольности знака (и примарная, и секундарная номинация — «множественны»). Здесь мы приходим к необходимости решительно выступить против одного чрезвычайно распространенного заблуждения — против того, что можно назвать мифом «одно-однозначной связи». Аргументация сторонников произвольности языкового знака основывается «...на подмене общего, широкого понятия «связи» (между звуком и значением) частным, узким понятием «однозначная связь»; при этом последнее молчаливо предполагается единственно возможным средством примарной мотивированности. Получается так, что, справедливо выступая против пресловутой «однозначной связи», выплескивают с мыльной водой этой связи и ребенка — саму возможность примарной мотивированности. «Однозначной связи» действительно не существует. Это не дает, однако, оснований вообще отрицать принципиальную отприродную связь между звуком и значением в слове»²⁷.

Отрицая возможность существования однозначной связи, С. В. Воронин считает множественность номинации закономерной, так как «один и тот же объект (денотат) может быть обозначен («замещен», репрезентирован) более чем одним знаком, и один и тот же знак может обозначать («замещать», репрезентировать) более чем один объект (денотат)». Данная закономерность обусловлена тем, что «в основу названия одного и того же объекта-денотата могут быть положены разные признаки, и один и тот же признак может быть положен в основу названия разных объектов-денотатов»²⁸.

²⁶ Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 26.

²⁷ Воронин С. В. Основы фоносемантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. С. 40.

²⁸ Там же. С. 39.

С законом многозначности номинации, по Воронину, органически связан закон гомоморфности, сущность которого заключается в том, что «отражающее никогда не повторяет отражаемое в каждой детали; отражающее есть всегда лишь приближение к отражаемому, аппроксимация; модель всегда беднее оригинала (а знак, как и образ, в определенном смысле — всегда модель отражаемого объекта). Поэтому речь здесь может идти не о простом изоморфном (одно-однозначном) соответствии, а о соответствии гомоморфном (одно-многозначном)»²⁹. В свете изложенных объяснений множественности номинации данный аргумент против мотивированности языкового знака, на наш взгляд, не состоятелен.

Следующим аргументом, выдвигаемым сторонниками немотивированности языкового знака, является конвенциональность, сущность которой наиболее лаконично выражена Ф. де Соссюром: «Языковой знак произволен»³⁰. Ту же самую мысль В. М. Солнцев выразил следующим образом: «Говоря, что связь между знаком и тем, что он обозначает, является конвенциональной или, что то же самое, условной, я имею в виду отсутствие природной, естественной связи между знаком и обозначаемым, а также отсутствие детерминированности знака тем, что он обозначает... Если значения... детерминированы внешним миром, то выражающие их знаки (звучания) не детерминированы ни внешним миром, ни самими значениями»³¹.

Однако подобная точка зрения на происхождение и сущность языкового знака противоречит философскому принципу всеобщей взаимосвязи явлений и объектов реальной действительности, принципу детерминизма³².

В лингвистическом плане очень важным при изучении данной проблемы представляется утверждение Г. П. Мельникова: «Установлена неточность в формулировке... семиотического постулата, выявленная еще Ч. Пирсом: требования универсальности звуковой системы приводят к желательности немотивированной

²⁹ Там же. С. 38, 39.

³⁰ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. С. 100.

³¹ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. С. 101.

³² См.: Степанов Ю. С. Принцип детерминизма в современном языкознании // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970. С. 110.

связи, между означаемым и означающим, а требования надежности делают необходимой «зацепку» за любые виды мотивированности, так что в любой реально существующей функционирующей знаковой системе, в том числе и языковой, устанавливается динамическое равновесие этих противоположных тенденций, и понять истинную природу такой системы без учета компонента мотивированности принципиально невозможно»³³.

Здесь необходимо выделить два момента: во-первых, коммуникативная функция знаковой системы требует отвлечения от разобщенного восприятия значения и формы, знак выступает как единство означающего и означаемого, во-вторых, происхождение, формирование, становление и развитие знака невозможно без определенной детерминированности, связи конкретного значения с конкретной формой на определенном этапе, особенно в период образования.

В связи с этим «сторонники произвольности в языке отнюдь не отрицают существования произвольности. Речь идет не об альтернативе «произвольность или непроизвольность», а о принципиальной постановке вопроса: «произвольность, доминирующая над непроизвольностью, или же непроизвольность, доминирующая над произвольностью». Представляется, что справедливо последнее: в конкретном акте номинации выбирается некий признак объекта-денотата, полагаемый в основу номинации, — и в этом главном, определяющем, принципиальном моменте номинация не произвольна, мотивированна, выбор же данного конкретного признака во многом случаен и в этом более частном моменте номинация во многом произвольна, немотивированна»³⁴.

Примарная мотивированность тесно связана с первоначальным актом номинации, и если сопоставить роль фонетической, морфологической и семантической мотивированности в системе словообразования языка, то прежде всего необходимо отметить неодинаковость их производительности на различных этапах исторического развития языка. Если в начале акт номинации был связан с фонетической мотивированностью, то в дальнейшем значение этого типа мотивированности постепенно

³³ Мельников Г. П. Орфоимия и мотивированность знака // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976. С. 5.

³⁴ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 14.

ослабло, а морфологической и семантической усилилось. «Таким образом, положив начало человеческой речи, имитативы (подражания, звукоизобразительные слова.— К. Х.) в дальнейшем все более и более уходили на задний план и уже на стадии письменных литературных языков древности (древности условной, потому что последние пять-шесть тысячелетий в чисто хронологическом плане составляют ничтожную долю по отношению ко всему времени эволюции человека на земном шаре) подражания ограничены в употреблении рамками отдельных стилей, сокращается их число вообще и падает употребительность не только в высоких стилях, но и в обыденной речи»³⁵.

Третьим аргументом, выдвигаемым противниками звукоподражательной теории происхождения языка, является ограниченность возможностей, т. е. неспособность звукоизобразительных слов выражать абстрактные понятия. С последним связаны и два других аргумента, заключающиеся якобы в ограниченности сферы применения и малочисленности звукоизобразительных слов.

Отрицая объективность аргумента об ограниченности возможностей, укажем на то, что звукоизобразительные слова передают не только конкретные понятия, но и в своем семантическом развитии могут подниматься до самых больших высот абстракции. Так, типологическое изучение звукоизобразительных корней перодственных языков позволяет обнаружить семантическую непрерывность корневых основ: *бар, қан, шап* и многих других с абстрактными значениями, рассматриваемых нами в соответствующих разделах работы.

Утверждения об ограниченности возможностей употребления и малочисленности звукоизобразительных слов прежде всего основаны на том, что большинство исследователей данной проблемы чаще всего ограничивается выделением так называемых «чистых» звукоподражаний, не учитывает процесса денатурализации, возможности отнесения к звукоизобразительным и звуко-символическим тех корневых, чаще моносиллабических, основ, которые выявляются только после скрупулезного этимологического анализа. Кроме того, во многих даже специальных исследованиях по звукоизобразительности,

³⁵ Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. С. 32.

как ранних, так и поздних, фонетическая мотивированность, звуковая изобразительность понимается весьма узко, в рамках возможностей слухового восприятия, без учета явлений синестемии, представляющей собой психофизиологическую основу звукоизобразительности³⁶.

Что касается количественных характеристик подражательных слов в различных языках, то здесь в дополнение к вышеотмеченным моментам укажем на то, что аргумент малочисленности основан на недоразумении, являющемся в свою очередь следствием неудовлетворительной регистрации их в словарях и в работах этимологов, отражающих, как правило, лишь незначительную часть этих образований. Во многих специальных исследованиях отмечается значительное количество звукоизобразительных слов. Так А. Йоханнессон из рассматриваемых 2200 общендоевропейских корней около 530 определяет как звукоизобразительные³⁷. По мнению А. М. Газова-Гинзберга, «...из 181 случая глагольных корней, признаваемых исконно общесемитскими, 115 конкретно объясняются... как изобразительные, относительно 26 то же предполагается...»³⁸. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортяна приблизительно 1/4 часть всех этимологизированных слов можно квалифицировать как звукоизобразительные. О количестве интересующей нас категории слов в различных языках говорится почти во всех исследованиях, приведенных в разделе, посвященном истории изучения вопроса.

Количество подражательных слов в казахском языке определяется по-разному: одни располагают фактическим материалом данных слов до 2000 единиц³⁹, другие доводят их число до 3000⁴⁰. Если учесть, что большинство подражательных слов образует несколько производных и если включить в их число ранее не выявленные (с учетом явления синестемии) звукоимеющие, то их общее число в казахском языке может возрасти в несколько раз.

Таким образом, отметим, что звукоподражательная

³⁶ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 174.

³⁷ Johannesson A. Origin of language. Reykjavik, 1949. P. 32.

³⁸ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 169.

³⁹ Сарыбаев Ш. Ш. Еліктеуіш сөздер. Алматы, 1982. 7-б.

⁴⁰ Катембаева Б. Ш. Подражательные слова в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. С. 3.

теория происхождения языка не противоречит основным философским и методологическим положениям материалистической диалектики. Последовательно изучая механизм образования языка, обосновывая его изобразительное происхождение, подражательная теория фактически делает попытку объяснения эволюционного процесса от первосигнальной системы к второсигнальной, пытается восполнить разрыв между дочеловеческой и человеческой стадиями. При этом на современном этапе развития лингвистической мысли подражательная теория уже не ограничивается только языковыми фактами и закономерно привлекает данные онтогенеза, приматологии, психологии и нейрофизиологии. Разработанные современными учеными основы теории звукоизобразительности формируют новую языковедческую дисциплину — фоносемантику, объединяющую звукоподражание и звукоимовизм в единую звукоизобразительную систему и позволяющую «совершенно по новому взглянуть на языковую реальность, на природу и происхождение языкового знака и языка в целом»⁴¹. Фоносемантический анализ опирается не только на новую методикку, но и на богатый фактический материал, собранный многими поколениями ученых.

* * *

Изучение звукоизобразительности, как известно, ведется издавна. Первые наивные представления людей о происхождении языка, о его сущности отражены в мифах различных народов. Для архаического мышления слово как имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем⁴². Попытку постановки вопроса о связи звука и значения можно найти в древнеиндийских ведах. Древние индийцы были убеждены в существовании изначальной связи между вещью и ее наименованием. В Древней Греции рассмотрением связи между вещами и их наименованиями занимались философы, положившие начало спору, не потерявшему свою остроту и в наши дни. Вопрос о том, имеют ли слова свои значения вследствие вмешательства человеческой воли, по «установлению», по «закону» или

⁴¹ Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 198.

⁴² Тронский И. М. Из истории античного языкознания // Советское языкознание. Л., 1936. Т. 2. С. 24.

вследствие их естественного происхождения, от природы, был поставлен еще до Платона в связи с общими вопросами теории познания⁴³. Гераклит в своей философской системе отмечал связь между отношениями понятий и их названиями. Иначе рассуждал Демокрит, выступавший против теории естественного происхождения языка. Он указывал на полисемию многих слов, чему, по его мнению, соответствует многочисленность некоторых вещей, на развитие значений в некоторых словах и на отсутствие названий у некоторых предметов. Следовательно, рассуждал Демокрит, «названия далеко не совершенно соответствуют вещам вследствие погрешностей человеческого разума»⁴⁴, создавшего язык. Платон утверждал, что вещи обладают своей собственной природой, и поэтому с ними нельзя обращаться по нашему произволу, а стало быть, нельзя их называть так, как нам вздумается, «имя есть выполнение, осуществление идеи названия в звуке»⁴⁵. По Платону, имена делятся на сложные и первичные. Правильность последних заключается в том, что они обнаруживают сущность вещи. Следовательно, такое первичное слово должно быть признано в плане соответствия существу вещи, ее объяснением, определением. Сводя первоначальные слова к подражаниям, Платон предложил естественное, мотивированное происхождение имен. Таким образом, Платон, по-видимому, был одним из первых, кто высказал идею об ассоциациях между отдельными звуками и теми или иными качествами вещей⁴⁶.

В последующем проблема связи звука со значением рассматривалась в трудах таких ученых, как Августин, Фома Аквинский, Ж. Ж. Руссо, Р. Декарт, М. В. Ломоносов и др.⁴⁷ В XII—XIX вв. изучение звукоподражания и звукоименизма в значительной мере было связано с обоснованием ономастической и междоименной теорий происхождения языка. Данные вопросы исследовались в

⁴³ *Погодин А. Л.* Язык как творчество // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1913. Т. 4. С. 366.

⁴⁴ Там же. С. 367.

⁴⁵ Там же. С. 368.

⁴⁶ *Перельмутер И. А.* Платон // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980. С. 149.

⁴⁷ Руссо Ж. Ж. Опыт о происхождении языков... // Избранные сочинения. М., 1961. Т. 1. С. 221, 226, 227; Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89—378.

трудах Г. В. Лейбница⁴⁸, В. Гумбольдта⁴⁹, Г. Штейн-
ля⁵⁰, В. Вундта⁵¹, Г. Пауля⁵².

Начало теоретическому изучению звукосимволизма в 20-х гг. XX в. положил О. Есперсен своей работой о символизме в английском, французском и немецком языках гласного «i», в которой он, в частности, писал: «В развитии языков звуковой символизм играет значительную роль — более значительную, нежели это признается большинством лингвистов»⁵³. Глубокому и систематическому рассмотрению проблема звукосимволизма подверглась в трудах Э. Сепира⁵⁴ и ряда других ученых, исследовавших это явление преимущественно с позиций психолингвистики. Вопрос о звукосимволизме и в настоящее время представляет собой, по выражению Р. Якобсона, «одну из важных и увлекательных проблем языкознания»⁵⁵.

Вопросы связи между звуком и значением изучались и изучаются по материалам самых различных языков: в немецком — Е. А. Глухаревой⁵⁶, В. Т. Косовым⁵⁷ и др., в шведском — А. Нуреном⁵⁸, в датском — К. Ниропом⁵⁹, во французском — М. Грамоном⁶⁰ и Е. Е. Корди⁶¹, в

⁴⁸ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1936.

⁴⁹ Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1876.

⁵⁰ Steinthal H. Der Ursprung der Sprache. Berlin, 1858. 142 S.

⁵¹ Wundt W. Völkerpsychologie. Die Sprashe. Leipzig, 1900. Bd. 1. 644 S.

⁵² Paul H. Der Ursprung der Sprache // Beilage zur Allg. Zeitung. Ig. 1907. N 13.

⁵³ Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // Jespersen O. Linguistica. Copenhagen, 1933. P. 283.

⁵⁴ Sapir E. A study in phonetic symbolism // J. Experim. Psychol. 1929. Vol. 12. P. 225—239.

⁵⁵ Jacobson R. [Diskussion] // Zeichen und System der Sprache. Berlin, 1962. Bd. 2. S. 51.

⁵⁶ Глухарева Е. А. Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (семантические особенности) // Глагол в германских языках. Тула, 1976. С. 77—94.

⁵⁷ Косов В. Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. С. 30.

⁵⁸ Noreen A. Vårt Språk. Lund, 1904. Bd. 5. 128 S.

⁵⁹ Nyrop K. Ordenes Liv. Kobenhavn, 1927. 210 S.

⁶⁰ Grammont M. La psychologie et la Phonétique. III. La phonétique impressi ve / J. psych. norm. et pathol. 1930. Vol. 27. P. 544—613.

⁶¹ Корди Е. Е. Значение, образование и употребление междометий во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. С. 19.

румынском — И. Йордан⁶², А. Росетти⁶³, в испанском — В. Диего⁶⁴, в литовском — А. Лескином⁶⁵, в славянских языках — Р. Смаль-Стоцким⁶⁶, С. М. Толстой⁶⁷, в русском языке — А. И. Германовичем⁶⁸, В. Н. Добровольским⁶⁹, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильниковой⁷⁰, С. А. Карпухиным⁷¹ и др.

В отечественном языкознании лишь в последние два-три десятилетия усилился интерес к проблемам звукоизобразительности и звукоимовидности⁷².

Пионером в изучении звукоизобразительности в тюркских языках был Н. И. Ашмарин⁷³, труды которого по чувашской мимологии, хотя и написаны более пятиде-

⁶² *Jordan I. Lingvistica romanica: (Evolutie. Curente. Metode)*. Bucuresti, 1962. 439 p.

⁶³ *Roselli A. Introdurre in fonetica*. Bucuresti, 1957. 113 p.

⁶⁴ *Diego V. de. Etimologias naturales // Revista de dialectologia y tradiciones populares*. 1965. Vol. 20. N 1/2. P. 3—39.

⁶⁵ *Leskien A. Schallnachalmung und Schallverba im Litauischen // Indogerm. Forschungen*. 1902—1903. Bd. 13. S. 165—212.

⁶⁶ *Смаль-Стоцкий Р. Примитивный словотвір*. Варшава, 1929. 200 с.

⁶⁷ *Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономатопеей с суффиксом -ot в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1971. С. 272—280.

⁶⁸ *Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Симферополь, 1961. С. 59.

⁶⁹ *Добровольский В. Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение*. 1894. Т. 22. № 3. С. 81—96.

⁷⁰ *Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Жест в разговорной речи // Русская разговорная речь*. М., 1973. С. 469—481.

⁷¹ *Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Саратов, 1979. С. 19.

⁷² См.: *Штерн А. С. Объективное изучение субъективных оценок звуков речи // Вопросы порождения речи и обучения языку*. М., 1967. С. 114—117; *Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. М., 1969. С. 307; *Газов-Гинзберг А. М. Символизм прасемитской флексии*. М., 1974. С. 122; *Левитский В. В. Семантика и фонетика*. Черновцы, 1978. С. 103; *Журавлев А. Т. Фонетическое значение*. Л., 1974. С. 160; *Горелов Н. И. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе*. Челябинск, 1974. С. 116; *Журинский А. Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания // Проблемы африканского языкознания*. М., 1972. С. 95—124; *Гурджиева Е. А. Элементарный звуковой символизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 1973; *Воронин С. В. Основы фоносемантики*. Л., 1982.

⁷³ *Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Обществ. науки*. 1925. Т. 2—3. С. 143—157; Т. 4—5. С. 75—99; *Его же. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке*. Казань, 1928. С. 160.

сяти лет назад, не утратили своего значения в настоящее время. Наблюдения и выводы Н. И. Ашмарина нередко выходят за рамки одного конкретного языка и даже за рамки тюркологического исследования. В тюркских языках дальнейшему исследованию подражательные слова подверглись в трудах Н. К. Дмитриева⁷⁴. Звукосимволизм и подражательные слова в турецком⁷⁵ языке изучали А. Н. Кононов, М. Биттнер, Х. Марчанд и др. Подробно останавливается на анализе мимем каракалпакского языка Н. А. Баскаков⁷⁶. Подражательные слова обследованы и в таких тюркских языках, как якутский, киргизский, туркменский, узбекский, азербайджанский, башкирский⁷⁷.

Из работ, посвященных общим проблемам звукоизобразительности и опубликованных в последние годы, хотелось бы особо выделить исследования таких ученых, как А. М. Газов-Гинзберг, Г. Е. Корнилов и С. В. Воронин.

В указанной выше книге «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» (М., 1965) и других исследованиях А. М. Газов-Гинзберг, не ограничиваясь фактами семитских языков, анализирует звукоизобразительные корни более десятка языков четырех неродственных языковых семей, что позволяет ему выдвинуть веские аргументы в пользу положения об исконной, отприродной связи звука со смыслом при возникновении человеческого языка. Предложенная ученым классификация звукоизобразительных корней основана на их первичной

⁷⁴ *Дмитриев Н. К.* К изучению тюркской мимологии // Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 52—84; и др.

⁷⁵ *Кононов А. П.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 569; *Bittner M.* Die onomatopoetischen Verba des Türkischen // Wiener Z. f. d. Kunde des Morgenlandes. 1902. Bd. 26. S. 263—269; *Marchand H.* Die Bildung der Lautsymbolischen Wörter im Türkischen // Oriens. 1953. Bd. 6. S. 50—62.

⁷⁶ *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2, ч. 1. С. 411.

⁷⁷ *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954; *Кудайбергенов С.* Подражательные слова в киргизском языке. Фрунзе, 1957; *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1957; *Кунгуров Р.* Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1962; *Householder F.* Azerbaijani onomatopes // American studies in Altaic Linguistics. Bloomington, 1962. P. 115—121; *Ишмухамедов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа 1970. 21 с.; и др.

звукоизобразительности и состоит из четырех групп: 1) «внутреннее» звукоизображение (воспроизведение звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков-междометий); 2) «внешнее» звукоизображение (собственно звукоподражание); 3) озвучивание первоначально беззвучных «подражательных» жестов рта и носа, подражающих движению или форме предметов; 4) «лепетные» (детские) слова. Разделение изобразительных слов на «внешние» и «внутренние» является важнейшим моментом в классификации данной категории слов, впервые достаточно ясно сформулированным в советском языкознании. Сопоставительный и диахронический анализ звукоизобразительных корней семитских языков выявил их устойчивость, архаичность, а также их семантическое развитие в течение длительного исторического периода.

Проблеме звукоизобразительности чувашский языковед Г. Е. Корнилов посвятил монографию и серию статей⁷⁸. В своих исследованиях Г. Е. Корнилов не ограничивается анализом основных теоретических положений и богатого фактического материала своих предшественников Н. И. Ашмарина и А. М. Газова-Гинзберга, а пытается значительно дополнить его материалами в основном из диалектов и общенародного чувашского языка, а также данными из этимологических исследований по русскому и другим славянским языкам. Чрезвычайно важным в наблюдениях Г. Е. Корнилова является определение взаимоотношений между этимологией и имитативикой. По мнению ученого, этимологический анализ не позволяет, во-первых, углубиться в историю происхождения слова далее односложной корневой морфемы, во-вторых, ограничивает возможности при исследовании истории происхождения языка и примарной мотивированности языкового знака. Имитатив, по Корнилову, — это музыкальный образ, включающий в себя понятие о характерном признаке, свойстве, качестве отображаемого; это результат мысленного и художественно-эмоционального восприятия объекта, явления одновременно. Под термином «имитатив» предлагается подразумевать «не подражание звукам и звучаниям, а подражание

⁷⁸ Корнилов Г. Е. Теория имитативов и данные чувашских диалектов // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1977—1981. № 5—9; Его же. Имитативы в чувашском языке Чебоксары, 1984.

объектам, процессам, состояниям, качествам с помощью звуков и звучаний».

В отличие от Г. Е. Корнилова, С. В. Воронин⁷⁹ в своих исследованиях значительное внимание уделяет теоретическим вопросам звукоизобразительности и главную задачу видит во введении и теоретической мотивировке на основе типологического анализа большого количества языков новой самостоятельной языковедческой дисциплины — фоносемантики. Принципиально различные подходы этих исследователей к пониманию основного объекта звукоизображения. Так, если Г. Е. Корнилов пытается найти генетическую связь смыелоразличительной функции фонем в современных национальных языках со смысловыразительной функцией звуков в древнейшие периоды становления и первоначального развития человеческой речи, то С. В. Воронин в качестве важнейшего инструмента исследования звукоизобразительности, позволяющего найти выход в область экстралингвистики, вводит понятие фонемотипа — акустического или артикуляторного типа фонем. Классификация ономатопов С. В. Ворониным дается на основе различия фонемотипов. Другим важным моментом в исследованиях С. В. Воронина является четкое разграничение звукоизобразительной системы языка на звукоподражательную и звукосимволическую подсистемы. Глубокое обобщение в работах С. В. Воронина получили и такие проблемы, как роль звукоизобразительности в происхождении и эволюции языка, связь приматологии, онтогенеза, психофизиологии и психолингвистики с фоносемантикой.

В целом же, исходя из результатов ранних и позднейших исследований звукоизобразительности, можно заключить, что к настоящему времени собран значительный фактический материал, разработана классификация подражательных слов, самыми различными методами доказано существование звукосимволизма в ряде языков мира, определены закономерности в характере соотношения между звукоизобразительным словом и его

⁷⁹ Воронин С. В. Английская ономатопея: некоторые итоги перспективы изучения // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976. С. 61—65; *Его же*. Английские чисто шумовые континуанты и некоторые лингвистические универсалии // Исследования структуры английского языка. Ижевск, 1978. С. 38—46; *Его же*. Основы фоносемантики. Л., 1982; и др.

денотатом, доказана системность подражательных слов, начато изучение типологии звукоизобразительных систем и фоносемантических универсалий.

В казахском языке изучением звукоподражательных и образоподражательных слов занимались такие ученые, как А. И. Искаков⁸⁰, Ш. Ш. Сарыбаев⁸¹, А. Т. Кайдаров⁸², Б. Ш. Катембаева⁸³ и С. Р. Ибраев⁸⁴. На конкретных положениях о подражательных словах казахского языка, выдвинутых названными учеными, мы остановимся ниже. Здесь же отметим, что в их трудах дается анализ лексико-семантических, фонетических, морфологических и синтаксических особенностей этой группы слов, выделяемой ими в отдельную часть речи.

В нашем исследовании с целью определения звукоизобразительной функции элементов корня, основы и других частей звукоподражательных слов и звуко-символизмов анализируются их фонетико-морфологические особенности и метатезная вариативность корневой морфемы. Впервые в казахском языкознании на материале более чем пятидесяти языков проводится типологическое сопоставление звукоподражательных слов и выделяются общие моменты их звукоизобразительности. Элементы звуко-символизма, встречающиеся в лексике казахского языка, описываются с учетом явления синестемии — психофизиологической основы звуко-символизма. При изучении признаков аспектов номинации в изобразительной лексике основное внимание уделяется нахождению фоносемантического этимона, от которого берет начало часть так называемой изобразительно-нейтральной лексики современного казахского и других языков.

⁸⁰ *Искаков А. И.* Еліктеуіш сөздер // Халық мұғалімі. 1948. № 6; *Его же.* О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951; *Его же.* Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1964.

⁸¹ *Сарыбаев Ш. Ш.* Подражательные слова и их отношение к междометиям // Известия АН КазССР. № 135. Сер. филол. и искусств. 1954. Вып. 1—2; *Его же.* Еліктеуіш сөздер. Алматы, 1982.

⁸² *Кайдаров А. Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.

⁸³ *Катембаева Б. Ш.* Подражательные слова в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965; *Ее же.* Еліктеуіш сөздер оқыту. Алматы, 1974.

⁸⁴ *Ибраев С. Р.* Фонетические особенности подражательных слов казахского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Морфологический анализ звукоизобразительных слов казахского языка, как и тюркских в целом, имеет ряд специфических моментов. Поскольку мы исходим из того, что данная категория слов является обозначением реально существующих в объективной действительности денотатов, т. е. конкретных звуков природы, производимых человеком и животными, то, очевидно, морфологический анализ помимо выделения корневых и аффиксальных морфем должен быть направлен на выявление той связи, которая существует между денотатом и его обозначением. Естественно, что средством обозначения такого своеобразного денотата, как и любого другого, в языке может служить фонема, материально реализованная в форме звуков, качественно и количественно ограниченных в каждом языке. Сам факт того, что материально выраженный звук речи может служить основой для обозначения такого денотата, каким является естественный звук, уже говорит о том, что между ними вполне возможна конкретная связь, что при типологическом анализе вполне реально определение оптимальных вариантов звуко сочетаний, с той или иной степенью точности передающих звуковой денотат. Следовательно, при морфологическом анализе подражательных слов очень важно раскрыть именно звукоизобразительную функцию корневой морфемы и основы, несущих в этом плане, как будет показано ниже, определенную нагрузку.

Вместе с тем при морфологическом анализе необходимо учитывать, что звуковой состав подражательных слов в целом подчиняется фонетическим закономерностям каждого отдельно взятого языка, а структура соот-

ветствует давно сформировавшимся моделям. Несмотря на это, в звукоизобразительных словах казахского языка, как и любого другого, проявляется определенная системность, обусловленная связью подражательной формы с природным, естественным звучанием.

Так как в казахском языке звукоизобразительность наиболее последовательно проявляется в корне и односложной основе, то это обуславливает следующий порядок рассмотрения вопросов: фонетическая структура и звукоизобразительная функция элементов корня, метатеза и вариативность звукоизобразительного корня, морфологический состав звукоизобразительных основ.

Фонетическая структура и звукоизобразительная функция элементов корня

Данный вопрос в той или иной степени затрагивали все исследователи, посвятившие отдельные статьи или монографии изучению подражательных слов в тюркских и других языках.

В казахском языке в синхронном плане фонетические и морфологические особенности подражательной лексики описаны А. И. Искаковым, Ш. Ш. Сарыбаевым, Б. Ш. Катембаевой. С. Р. Ибраев в своей диссертации при анализе звуковой структуры применил субъективный и экспериментально-фонетический методы. А. Т. Қайдаров проанализировал подражательные слова в их звукоподражательных и образоподражательных разновидностях с помощью метода поморфемного членения, основное внимание направив на раскрытие процесса морфологического развития звукоизобразительных форм от простого к сложному.

Целью нашего исследования является определение особенностей изобразительной функции анлаута, инлаута и ауслаута корневых морфем казахского языка, проявляющихся как в зависимости от дистрибуции фонем, так и их фонемотипной выразительности. Для этого необходимо провести сопоставительный анализ трех указанных позиций в гомогенных и звукоизобразительно близких корнях одного и нескольких тюркских языков.

В современном казахском языке звукоизобразительные корни не в структурно-абстрактной, а в реально выраженной форме, с семантической соотнесенностью с

тем или иным звуком объективной действительности встречаются в трех разновидностях: ГС, СГ и СГС.

Однозвучные подражания звукам и различным образам, по наблюдениям А. Т. Кайдарова, как самостоятельные единицы в казахском языке не сохранились, как не сохранились в тюркских языках однофонемные корневые морфемы¹.

Односложные звукоизобразительные корни типа ГС в казахском языке представлены в незначительном количестве: *ыр-ылда* 'рычать', *ың-ылда* 'тихо напевать', *ық-ылық* 'икота', *ыз-ылда* 'жужжать', *аң-қылда* 'говорить громко, простодушно; сильно дуть (о ветре)', *ар-ылда* 'громко злобно лаять', *иш* 'междометие, возглас, которым побуждают детей мочиться', *ыс-ылда* 'шипеть', *ің-гәле* 'плакать (о поворожденном)', *үу-леген* 'дующий, завывающий (о ветре)' и др.

Подражательные корни типа СГ Б. М. Юнусалиев отмечает в киргизском, казахском, узбекском и других тюркских языках: *ба-қыр* 'кричать, орать', *қа-қыр* 'харкать', *ке-кір* 'рыгать, отрывивать', *тү-кір* 'плевать'². Однако, как будет показано в разделе, посвященном морфологическому анализу звукоизобразительных основ, данные формы имеют несколько иную сегментацию и их корневая морфема исторически восходит к типу СГС. При этом аффикс *-қыр/-кір* относится не к простым, а к сложным. В первых трех примерах восстановим выпавший корневой согласный *p*, а в последнем — корневой ауслаутный *k* (подробнее см. ниже).

Этот же тип корней (СГ) в подражательных корнях казахского языка выделяет А. Т. Кайдаров, по мнению которого гипотетический корень **шы*, в отличие от первородного корня подражания **ы*, благодаря сочетанию с согласным (*ш > *шы*) приобрел некоторую определенность в своей семантике: выражает уже не звуки вообще, а звуки с шипящим, свистящим оттенками. Надо полагать, что звукокомплекс *-*шы*, когда-то ассоциировавшийся с определенными звукопредставлениями, на следующем этапе развития языка послужил производящей основой для образования ряда новых подражательных слов: **шы > шыр* подр. чириканью воробья, сильно-

¹ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С. 171.

² Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1958. С. 161.

му плачу ребенка; *шы > шый > шыйқ подр. пisku, скрипу (дверей), *шы > шын подр. свисту при ударе нагайкой, прутом, *шы > шық подр. стрекотанию сороки и др. Так возникали вторичные основы подражательных (преимущественно звукоподражательных) слов от СГ, ГС, СГС, СГСС³.

Подобная интерпретация исторического развития корневой морфемы звукообразовательных слов как результат поморфемного анализа вполне закономерна. Существование ныне гипотетического корня в далеком прошлом в качестве конкретной реальности возможно. Подтверждается фактами и дальнейшая последовательность формального развития корневой морфемы подражательных слов, предложенная исследователем. Вместе с тем некоторые сомнения вызывают два обстоятельства, связанные с начальным этапом в формировании звукоизобразительного корня. Во-первых, если предполагать, что первоначальной, исходной формой, образующей определенное звукопредставление — ту сущность, от которой происходят последующие образования, явился отдельный тот или иной гласный звук, то тем самым мы будем противоречить известному факту, в соответствии с которым в природе отсутствуют звуки чистого тона. Все звуки, производимые в естественных условиях, отличаются шумовым характером, диссонантностью. Во-вторых, гипотетический звукоизобразительный корень типа СГ в большинстве примеров казахского языка при сопоставлении с целым рядом однотипных образований приобретает чрезвычайно широкий спектр значений, не позволяющий обнаружить определенную семантическую соотнесенность с конкретным звуком или типом звучаний. Исходя из этого, очевидно, можно утверждать, что большая часть структурно выделяемых гипотетических корней типа СГ в звукоизобразительных словах относится к типу СГС. Структурный же тип СГ в корневой морфеме подражательных слов в казахском языке встречается крайне редко и представлен, например, в таких междометных словах, как *мә* подр. мычанию (коровы, быка, теленка), *мә* подр. бляению (овец, коз).

Наиболее распространенным структурным типом звукоизобразительных корней в казахском языке, как и в других тюркских языках, является модель СГС. В дан-

³ См.: Кайдаров А. Т. Структура односложных корней... С. 171.

ном разделе мы рассматриваем 134 выявленных нами звукообразительных корней этого типа. Представление о фонетической структуре звукообразительных корней казахского языка типа СГС дают статистические данные по дистрибуции гласных и согласных звуков:

Звуки Анлаут Иллаут Ауслаут

		36	
а		2	
э		8	
о			
е		5	
ы		47	
і		11	
ү		7	
ү		18	
п	4		23
т	13		3
к	13		4
қ	15		13
с	15		3
ш	19		4
б	11		
д	17		
г	5		
ғ			
ж	7		10
з	5		3
м	3		2
н			
ң			22
у			9
й			2
л			7
р			29

Как видим, для анлаута казахских звукообразительных корней типа СГС наиболее типичны: плоскощелевой *ш*, переднесмычный *д*, увулярный *қ*, щелевой *с*, среднесмычный *к*, переднесмычный *т* и взрывной *б*. Сопорные *н*, *ң*, *у*, *й*, *р* в анлауте не встречаются. Для иллаута наиболее характерны: узкий, негубной заднего ряда *ы*, широкий, негубной заднего ряда *а* и узкий губной переднего ряда *у*. В ауслаутной позиции своей частотностью резко выделяются вибрант *р*, глухой смычный *л* и сонорный *ң*, за которыми следуют увулярный *қ*, плоскощелевой звонкий *ж* и др. В этой позиции не встречаются такие согласные, как *б*, *д*, *г*, *ғ*, *н*.

Приведенные данные позволяют рассмотреть не

только количественную сторону дистрибутивных особенностей в фонетической структуре звукоизобразительных корней, но и качественную характерность звуков, употребляемых в одной или разных позициях. Если, например, взять комбинаторные варианты анлаутных *л* и *б*, различающихся по силе лабиальной смычки, т. е. по напряженности артикуляции, то можно заметить, что частотность звонкого *б* гораздо выше, чем глухого *л*. Чем это объяснить?

В лингвистической литературе широко дискутируется вопрос о первичности/вторичности одного из вариантов указанной пары. По известному закону Рамстедта—Пельо, в масштабе алтайских языков имел место процесс исчезновения анлаутного *л*, охвативший и пратюркские формы⁴. Из этого следует, что звонкий *б* более характерен для тюркского анлаута с древнейших времен.

Противоположную точку зрения по данному вопросу занимает А. М. Щербак, по предположению которого «ослабление (озвончение) *л* началось, по-видимому, на уровне праязыка и поэтому охватило почти все языки... Только чувашский, хакасский и шорский языки сохранили относительно сильный глухой *л*... Небольшие группы слов с глухим *л* в анлауте встречаются и в других тюркских языках. В основном это довольно поздние заимствования из персидского, русского и других языков. В собственно же тюркских языках начальный *л* выступает в виде исключений»⁵.

А. Мамедов, подтверждая закон Рамстедта—Пельо значительным количеством шумерско-тюркских параллелей, а также примерами со звонким начальным *б* среди общеалтайских соответствий, приходит к выводу, «что в пратюркском в начале слов из лабиальных употребляется только слабый полувзвонкий *б*, который после выпадения прототюркского сильного глухого *л* оказался без соответствующего коррелята, что компенсировалось постепенной (уже вторичной) фонологизацией глухого и звонкого аллофонов медиального по природе пратюркского *б*»⁶.

⁴ Подробно о законе Рамстедта—Пельо см.: Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 55—60.

⁵ Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.; Л., 1970. С. 93, 191.

⁶ Мамедов А. Тюркские согласные: анлаут и комбинаторика. Баку, 1985. С. 61.

В звукоизобразительных корнях ряда тюркских языков анлаутные *п*, *б* имеют следующие соответствия: кирг. *быш* 'сопение, шмыгание носом', *бышқыр*- 'фыркать, чихать'; тув. *бышқыр*- 'чихать (о козе и овце)'; каз. *пысқыр*- 'фыркать (о животных)'; туркм. *пыш-пыш* подр. шипению черепахи, пыхтению паровоза и т. д.; як. *пыс* подр. звуку струи воздуха, пробившегося через узкое отверстие; шипению; узб. *пихилла*- 'пыхтеть, задыхаться, отдуваться'; хак. *пысхыр*- 'фыркать (о животном)'; в значении 'говорить непонятно, неразборчиво, тараторить, болтать' в тюркских языках встречаются следующие формы с *п* ~ *б* в начале: каз. *балдыраа*-; як. *баллыгыраа*-; узб. *бидирла*-; тув. *палыра*-; хак. *пулбыри*- и т. д. Как видим, чередование анлаутных *п* и *б* в семантическом плане на межъязыковом уровне индифферентно. В рамках одного языка данное чередование проявляет себя несколько по-иному. Например, в казахском языке *бар* — *пар*, *бырс* — *пырс* различаются силой звучания, быстротой, энергичностью действия. Вместе с тем это сходные, близкие по значению подражания. Так как они относятся к «наиболее древним слоям лексики»⁷, то можно предполагать, что в прошлом глухость/звонкость согласного в анлауте подражательных слов могла быть релевантным признаком. Со временем дифференцирующее значение глухости/звонкости в тюркских языках стало утрачиваться не только на межъязыковом уровне, но и в системе одного языка⁸.

Аналогичные факты единства и дифференцированности звукоизобразительной функции анлаута корневых морфем типа СГС встречаются и в случае с фрикативными *с*, *ш* и аффрикатой *ч*: каз. *шыр*; кирг. *чыр* подр. щебетанию птиц; каз. *сар*, *шар*; туркм. *жар*, *шар*; як. *сар*, *чар*; узб., тув., кирг. *шар* подр. журчанию, бурлению, шуму потока воды; каз. *сак*, *шак* подр. резкому, отрывистому, щелкающему или трескучему звуку; кирг. *шак* подр. резкому отрывистому звуку; узб. *чак*- 'колотить, дробить; чиркать', *шак* подр. треску, щелканью; тув. *шак*- 'чиркать (спичкой), высекать кресалом огонь' и т. д. Эти соответствия наблюдаются и в звукоизобразительно нейтральных словах не только современных языков, но

⁷ Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984. С. 92.

⁸ Ср.: Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1: Фонетика. М., 1955. С. 270.

и в древнетюркском, например в текстах рунических памятников Кюль-Тегина, Могилян-хана, Тоньюкука, Кули-Чура, Моюн-Чура и в тексте Онгинского памятника⁹.

В. В. Радлов причину возникновения данного явления объяснял «орфографической особенностью». По его мнению, в большинстве тюркских языков звуки *c* и *ш* тонко различаются, а переход *ш* в *c* является особенностью только западной группы тюркских языков и языков, находящихся под их влиянием¹⁰.

А. С. Аманжолов в результате анализа памятников уйгурского письма, материалов, содержащихся в известном труде Махмуда Кашгарского и фактов сарыг-югурского языка, приходит к вполне обоснованному выводу, по которому «колебания в написании знаков для переднеязычных щелевых согласных *c* и *ш* в древнетюркских письменных памятниках обусловлены не столько «орфографической особенностью», сколько влиянием на письменную традицию местных говоров, живой разговорной речи. Корни соответствия *c/ш*, очевидно, уходят к общетюркскому языковому состоянию»¹¹.

С точки зрения фоносемантики, глухие фрикативные *c* и *ш* относятся к одному психоакустическому фонемотику, вследствие чего выполняют одну и ту же звукоизобразительную функцию и взаимозаменяемы¹². Глухая аффриката *ч*, характерная для анлаута в киргизском, узбекском, туркменском и других тюркских языках, в казахском встречается лишь диалектально и поэтому глухой фрикативный фонемотип, отражающий указанные звуки, включает два элемента. Типизация звукоизобразительной функции рассматриваемых элементов возможна как на общетюркском уровне, так и в отдельно взятом языке. При этом в каждом из тюркских языков сходные в акустико-артикуляторном отношении согласные анлаута могут передавать те или иные семантические оттенки.

Общность звукоизобразительной функции анлаутных согласных в рамках фонемотипа в тюркских языках

⁹ Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии *c/ш* в древнетюркском диалекте // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. С. 167.

¹⁰ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei: Neue Folge. SPb., 1897. S. 19.

¹¹ Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии *c/ш*... С. 169.

¹² Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 68, 69.

наблюдается и у смычных *д* и *т*: в значении подражания дребезжанию, тарактенню и т. д. каз., кирг., як. *тыр*, *дыр*, тув. *дир*, хак. *тыр* и т. д. Как и в случае с анлаутными *б* и *п*, в этих подражательных корнях в масштабе одного языка некоторая дифференциация значений происходит на основе глухости/звонкости начальных смычных.

Отдельные авторы считают, что смыслоразличительная функция данного признака в древности была в значительной степени продуктивней и использовалась в словообразовательных целях. Как утверждает А. А. Нагаев, «дифференциация лексических значений в киргизском языке в ряде случаев оказывается основанной на чередовании глухой аффрикаты (*ч*) со звонкой аффрикаторф. *ж*). Об этом свидетельствует наличие в киргизском языке отдельных лексических образований, характеризующихся вполне очевидной близостью как в звуковом отношении, так и с точки зрения семантической, ср.: *чак*- 'грызть, колоть' и *жаак* 'челюсть'; *чыр* 'свара, ссора' — *жыр*- 'разрывать, раздирать'; *чак*- 'высекать огонь' — *жак*- 'жечь, зажигать'; *чура*- 'бежать' — *журчу*- 'двигаться, ходить, ездить' и т. д.»¹³

Такое образование новых слов, на наш взгляд, вполне возможно, однако для его доказательства необходимо наличие большего количества фактов, иллюстрирующих данное явление в ряде тюркских языков. При этом если звукообразовательные корни можно логически связывать с глухим или звонким вариантом в плане отражения денотата, то здесь необходима другая мотивировка.

В отличие от анлаута звукоизобразительных корней типа СГС инлаут в семантическом отношении более систематизирован. Дифференциация значений в случае чередования инлаутных гласных происходит по признаку вертикальной вариации. Ср: туркм. *зырң* подр. звону высокой тональности (напр., колокольчика) — *зарң* подр. звону большого колокола, *шар* подр. шуму сильного бурного потока воды — *шыр* подр. слабому журчанию родника, ручейка и т. п., *зоңк* подр. резкому вздрагиванию — *зиңк* подр. тому же действию, но более слабому, легкому, *лакыр* подр. звуку выливания жидкости из широкогорлого сосуда — *лыкыр* подр. звуку

¹³ Нагаев А. А. Чередование звуков как средство словообразования (на материале узбекского и некоторых других тюркских языков).: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Самарканд, 1969. С. 23, 24.

выливания жидкости из узкогорлого сосуда, *мо* подр. мычанию коровы — *мө* подр. мычанию теленка; як. *лоп* подр. громкому звуку от удара двух плоскостей твердых предметов — *лип* подр. глухому звуку хлопания плоскостью тяжелого предмета (напр., двери, чугунной плиты, ступки и т. п.), *лаң* подр. открытому раскатистому звуку колокола, медного таза при сильном ударе — *луң* подр. глухому стуку от удара по слабо резонирующей поверхности (напр., при ударе кулаком в грудь, спину), *дар* подр. громким открытым дребезжащим звукам (напр., треск расколотой доски) — *дор* подр. звуку бубна, выстрелу, звонкому дребезжанию — *дыр* подр. ощущению мелкой дрожи, резкого нервного возбуждения — *дэр* подр. приглушенному дребезжанию; узб. *нар* подр. шуму крыльев птицы, звуку вентилятора, пропеллера и т. д. — *пир* подр. шуму крыльев мелких птиц при вспархивании, *таракла-* 'грохотать, трещать, стучать, тарабанить' — *тириқла-* 'стучать (тихо, негромко)', *хур-хур* подр. храпу, храпению — *хир-хир* подр. хрипу, хрипению; хак. *сың* подр. бренчанию (напр., на рояле), звону (напр., стаканов, монет и т. п.) — *саң* подр. звону, звучанию колокола, *тукли-* 'стучать, биться, колотиться (о сердце)' — *тохлат-* 'стучать, барабанить, колотить, хлопать', *тырсыла-* 'шелкать, издавать шелкающие звуки (пальцем, языком), давать шелчки' — *тарсылат-* 'бить, ударять, бухать'; тув. *ток* подр. звукам сильного удара. громкого стука — *таккылат-* 'шелкать, прищелкивать языком', *дарыла-* 'тарыхтеть (напр., о тракторе)' — *дириле-* 'гудеть, шуметь (о моторе), стучать, шуметь (о станке)' и т. д.

В киргизском языке возможны восемь вариантов одного и того же подражательного корня со всеми основными гласными в инлаутной позиции: *даң* подр. сильному и чистому звуку от удара, например, по барабану, *дең* подр. гулу слабо натянутого барабана, *доң* подр. более сильному звуку барабанного боя, чем при *дең*, но приглушенному, *дөң* подр. приглушенному звуку барабанного боя (редко употребляемое), *дуң* подр. сильному, но приглушенному звуку (напр., от удара по барабану), *дуң* — чаще встречается в паре с *даң*: *даң-дуң* подр. звукам барабанного боя различной силы (то сильный, то слабый), *дың* подр. звуку, возникающему при слабом щелчке по барабану (чаще употребляется как подр. звуку слабо натянутой струны, напр. комуза),

диң редко употребляемое подр., близкое по значению к *дың*. «Все эти варианты, — утверждает Б. М. Юнусалиев, — в той или иной мере встречаются в живой речи не только для подражания гулу барабанного боя, но и для подражания различным звуковым явлениям, сходным по звучанию с гулом барабана или со звоном других гулких предметов... Наиболее активными в речи оказываются контрастные варианты: *даң* для самого сильного звука, *диң* для слабого по тону звука и *дуң* для подражания сильному, но приглушенному звуку»¹⁴.

В приведенной в начале раздела таблице инлаут звукоизобразительных корней казахского языка представлен всеми гласными за исключением широкого переднего лабиального *ө*. Причем наибольшая частотность наблюдается у гласных *а* и *ы*, резко отличающихся друг от друга в плане вертикальной вариации. Подобная контрастность гласных в казахском языке, так же как и в других тюркских языках, используется для семантической дифференциации целого ряда подражательных корней, т. е. выполняет определенную звукоизобразительную функцию; ср. *тақ* подр. резкому стуку, отрывистому звуку, *тоқ* подр. более приглушенному стуку, звуку, *тық* подр. еще более тихому стуку, звуку и т. д.

Данное явление характерно не только для тюркских языков. Аналогичные случаи встречаются и в хинди, в котором «произношение некоторых звукоподражательных глаголов весьма сильно варьируется, хотя в основе каждого из них лежит общая звуковая модель... Варьируемые определяется по большей части тем, что в составе звукоподражательной группы выступают различные гласные: вместо «а», как правило, выступает «и», реже «і», отражая соответственно звонкость или приглушенность звучания: *cahcahānā-* 'чирикать (звонко)' — *cihcihānā-* 'чирикать (тихо)', *pharpharānā-* 'хлопать (громко)' — *phurphurānā-* 'хлопать (тихо, приглушенно)' и т. д.»¹⁵.

В русском языке казахским глаголам *қорылда-* и *қырылда-* в звукоизобразительном отношении полностью соответствуют глаголы *хрпать-* и *хрипеть-*.

В казахском и киргизском языках семантика вариан-

¹⁴ Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959. С. 166.

¹⁵ Чернышев В. А. Звукоподражательные глаголы хинди // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 259, 260.

тов односложного звукоизобразительного корня *дар/дыр/дир/дур* тесно связана со звуком, производимым предметами в результате дрожащих, вибрирующих действий, движений. Это может быть звук разрывания материи или бумаги, гул работающего мотора, станка, само мелко дрожащее действие и т. д. При этом предпоследний из вариантов звукоизобразительного корня в большей степени передает особенности движения, а не звука. Последний односложный корень *дур* наряду с указанным общим значением одинаково часто употребляется и в переносном смысле — 'иметь громкую славу, быть популярным'. Одной из причин того, что *дур* в этих языках стал употребляться в переносном значении, т. е. подвергся денатурализации, очевидно, явилось ослабление его выразительности в градационном ряду однотипных форм. Из этого следует, что наиболее устойчивыми являются те звукоизобразительные корни, в которых гласные наиболее контрастны в качестве членов вертикальной вариации.

В хакасском языке сохраняется звукоизобразительный ряд *топлааны* 'топот', *тепкілен-* 'топать', *типси-* 'топтать', которому в казахском языке соответствуют *топыр* 'топот', *теп-* 'пинать, лягать', *тыпырла-* 'топтать', не стоять на месте, волноваться, быть в смятении', в киргизском — *топура-* 'топать', *теп-* 'пинать, лягать', *тып* подр. тихому, отрывистому звуку (напр., звуку упавшей капли) и т. д. В хакасском звукоизобразительный ряд сохраняет одно значение, правда в рамках глагольной и именной форм, т. е. чередование способствует образованию другой части речи. В киргизском и казахском средняя форма *теп* образует хотя и смежное, но все же новое значение. Возможно, что именно среднее положение, отсутствие контрастивной выраженности у гласного послужило причиной образования нового слова, нейтрального в звукоизобразительном плане.

Чередование звуков, связанное с дифференциацией значения слов, распространяется на многие односложные слова, по отношению к которым сингармонический критерий применяться не может. Рассматриваемые как явление внутренней флексии в тюркских языках чередования звуков связаны не только с изменением гласных, но и согласных, так как имеется немало случаев, когда альтернатива последних отражает семантическое развитие гомогенных корней.

В связи с тем, что чередование звуков может встречаться не только в различных формах одного слова, но и в различных словах одного корня, возникает необходимость их разграничения с точки зрения выполняемых ими функций. Другими словами, необходима дифференциация чередований, обусловленных позиционными факторами, используемых как средство словоизменения, и чередований, выступающих в качестве специального словообразовательного средства. «Установление характера взаимодействия между указанными разновидностями звуковых чередований имеет, — считает А. А. Нагаев, — ...весьма важное значение и для постановки вопроса о генезисе звуковых чередований вообще»¹⁶.

При изучении фонетических процессов и определении причин их возникновения, очевидно, недостаточно ограничиваться анализом чисто фонетических факторов, необходимо рассматривать эти процессы с учетом других языковых изменений, а именно лексико-семантических. Не случайно Дж. Бонфанте, предлагая отказаться от младограмматической трактовки звуковых изменений всецело с фонетических позиций, писал: «Для младограмматиков звуки и звуковые изменения — механические бессознательные акты, в то время как вся фонематическая теория строится и неизбежно должна строиться на идее фонемы как сознательного акта, сознательно противопоставленного другим... Только теперь мы можем сказать, что вся фонетика, ранее отдаленная от языка как его бессознательная часть, ныне вступила в область семантики»¹⁷.

Критику младограмматического тезиса о всецело фонетической природе звуковых чередований встречаем и в исследовании А. В. Десницкой, в котором она не только делает попытку установить известное равновесие при анализе фонетических и семантических явлений, но и намечает новую трактовку вопроса о генезисе звуковых чередований. Автор убедительно доказывает семантически обусловленный характер звуковых чередований, наглядно демонстрируя на материале германских языков многочисленные случаи дифференциации значений слов, когда при наличии несомненного сходства в значении

¹⁶ Нагаев А. А. Чередование звуков как средство... С. 4.

¹⁷ Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // Звягинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 316—317.

сопоставляемых лексических единиц и при одинаковой согласной части корня определенное семантическое различие создается за счет различия в огласовке. «Лучшим примером такой дифференциации, — пишет А. В. Десницкая, — является сохранившееся до сих пор в немецком языке противопоставление мужского и женского рода в словах *Hahn* 'петух' — *Huhn* 'курица'»¹⁸.

В исследованиях по тюркским языкам на основании зафиксированных в памятниках и современных фактов агглютинация рассматривается как единственный и универсальный способ словообразования и выражения грамматических значений. «Способ агглютинации, — считает А. М. Щербак, — следует признать единственным способом выражения грамматических значений как в древних, так и в современных тюркских языках»¹⁹. Случаи дифференциации значений слов при определенной трансформации составляющих их звуков он рассматривает как случайное нерегулярное явление, возникающее «...в условиях тесных диалектных взаимоотношений, взаимовлияний родственных языков и т. д.»²⁰.

Н. А. Баскаков исследуемые в данном разделе случаи предпочитает называть «ложной флексией», обусловленной «обычной фонетической закономерностью»²¹.

Одной из немногочисленных работ, посвященных изучению внутренней флексии в тюркских языках, является статья А. Г. Гулямова «Словообразование путем внутренних изменений слова в узбекском языке», где рассматривается вопрос о функциях и происхождении звуковых чередований, выступающих в качестве средства дифференциации лексических значений²². По Гулямову, обнаруживаемые в узбекском языке примеры внутренней флексии указывают на «...былую возможность словообразования путем чередования гласного или согласного корня»²³. Произвольное выделение чере-

¹⁸ Десницкая А. В. Чередование гласных в германских языках. М.; Л., 1937. С. 124.

¹⁹ Щербак А. М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 26.

²⁰ Там же.

²¹ Баскаков Н. А. Уйгурский вокализм // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1. С. 119.

²² Гулямов А. Г. Словообразование путем внутренних изменений слова в узбекском языке // Научная сессия Академии наук УзССР, 9—14 июня 1947 г. Ташкент, 1947. С. 382—392.

²³ Там же. С. 382.

дующихся пар гласных и согласных приводит к тому, что этимологически допустимыми, по его мнению, являются сближения таких слов, как *куз* 'глаз' — *кул* 'озеро', *кулон* 'дикий осел' — *булон* 'животное, похожее на лошадь' и т. д. Вместе с тем встречается и ряд примеров, иллюстрирующих последовательную связь в семантическом и фонетическом развитии слов с чередующимися гласными или согласными.

Вслед за А. Г. Гулямовым чередование гласных и согласных как специфический способ словообразования в тюркских языках, как выражение явления внутренней флексии рассматривает А. А. Нагаев²⁴. Он считает, что «дифференциация лексических значений во многих случаях осуществляется в тюркских языках за счет установления отношений чередования как между гласными, так и между согласными звуками, причем это явление имеет место не только в звукоподражательных словах, но и в стилистически нейтральной лексике». Однако этот способ словообразования, по его мнению, «не является каким-либо универсальным средством, способным заменить собою все многообразие словообразовательных средств тюркских языков... звуковые чередования, связанные со словообразованием, имеют сравнительно ограниченную сферу распространения... Оно с течением времени стало вообще непродуктивным, причем самый факт существования в прошлом указанного способа словообразования можно установить лишь с помощью специальных этимологических разысканий»²⁵.

Сложность выявления определенной закономерности чередований звуков в односложных корнях и основах как способа словообразования заключается в том, что в случае с нейтральной лексикой не прослеживается системность, сохраняющаяся в звукообразовательных словах.

Несмотря на это, очевидно, можно предполагать, что данный тип словообразования существовал в древности и основывался на контрасте между фонемами по одному из дифференциальных признаков (как известно, на этом основывается образование некоторых редупликаций во многих языках, в том числе и тюркских). Семантически связанные слова с чередующимися фонемами в этом случае являются реликтами не дошедшего до нас спосо-

²⁴ Нагаев А. А. Чередование звуков как средство... С. 26.

²⁵ Там же.

ба словообразования, при котором чередование использовалось «для филиаций значений слов и их оттенков»²⁶.

Возвращаясь к вопросу о фонетической структуре звукоизобразительных корней казахского языка, заметим, что приведенные в начале главы статистические данные в определенной степени отражают и фонетические особенности ауслота корней типа СГС. Наибольшую частотность имеют дрожащий сонорный *p*, за которым следует частота глухого взрывного *n*, сонорного *ŋ*, увулярного *q* и звонкой аффрикаты *ʃ*. Высокая частотность этих согласных в ауслоте подражательного корня не случайна. Она объясняется тем, что в результате длительного исторического развития фонетической системы казахского языка именно на них часто приходится основная звукоизобразительная функция, отражающая те или иные признаки денотатов. Причем акустические и артикуляторные особенности этих согласных, в какой-то мере соответствующие параметрам естественных звуков и других объектов номинации, мотивировали их звукоизобразительную функцию, регламентированную для типологического ряда звучаний и других признаков денотата. В связи с этим совершенно закономерным и естественным является то, что в казахском языке и, как видно из типологического анализа, в других родственных и неродственных языках большинство ауслотных согласных подражательных корней имеет свою звукоизобразительную спецификацию: вибрانت *p* чаще встречается в корнях со значением дрожащего, дребезжащего, гремящего, грохочущего действия и звучания; глухой взрывной *n* — в корнях со значением краткого, отрывистого, резкого, в различной степени приглушенного удара, прерывного звучания; увулярный *q* по своей выразительности близок с глухим взрывным *n*, но вместе с тем он чаще употребляется при обозначении более громкого, сильного звучания, удара; сонант *ŋ* широко применяется во многих языках как показатель длительного резонирующего звука, образующегося от удара по металлическим предметам, при пении и т. д. Ср.: каз. *gүрілде-* 'гремять, гроыхать, гудеть'; кирг. *даркыра-* 'говорить громко и грубо, горланить'; туркм. *гур* подр. тарахтению трактора; тув. *дарыла-* 'тарахтеть'; узб. *гур* подр. гулу,

²⁶ Бертагаев Т. А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков: (Тезисы докладов). Л., 1961. С. 18.

грохоту, шуму; каз. *топыр* 'топот, стук обуви при ходьбе'; узб. *дулпир* подр. топоту, глухим прерывистым звукам; каз. *тақ* подр. стуку; туркм. *дикир-дикир* подр. топоту множества ослиных копыт; кирг. *дук* подр. сильному биению сердца; тув. *шаң* 'гонг, литавры'; як. *чаң* подр. звону массивного металлического предмета и т. д.

Итак, рассмотрев фонетическую структуру односложных звукоизобразительных форм и их звукоизобразительную функцию, можно заключить, что в казахском языке встречаются три типа корней: ГС, СГ, СГС, из которых наиболее распространенным является тип СГС. Анлаут данных корней по сравнению с инлаутом и ауслаутом менее выразителен, при этом во всех трех позициях звукоизобразительная функция зависит от акустико-артикуляторных характеристик гласных или согласных фонем. Дифференциация значений в случае чередования инлаутных гласных происходит по признаку вертикальной вариации. В звукоизобразительном корне типа СГС возможны и другие чередования и позиционные изменения, которые рассматриваются ниже.

Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня

В предыдущем разделе мы попытались определить звукоизобразительную функцию анлаута, инлаута и ауслаута подражательных корней типа С¹ГС²; здесь же рассмотрим случаи их метатезной вариативности в казахском и других родственных и неродственных языках, определим причины ее возникновения.

Как известно, любая языковая единица, несмотря на то, что она в процессе своего образования и функционирования в той или иной степени подвергается унифицированию, способствующему эффективной коммуникации, в дальнейшем может проявлять определенную неустойчивость как формы, так и содержания. Это свойство живого, функционирующего языка. Причины конкретных изменений могут быть как лингвистическими, так и экстралингвистическими. При этом все изменения формы в принципе можно дифференцировать на глубинные и поверхностные, т. е. образующие новые значения и новые варианты материального выражения прежних значений.

Вариативность языковых единиц, заключающаяся в

связи двух разных (чаще всего сходных) форм с одинаковым содержанием, в лингвистической литературе рассматривается как избыточность формы и как способ реализации возможностей языка в процессе его развития, при образовании новых единиц²⁷. В плане избыточности формы вариативность противоречит основному закону коммуникации²⁸, так как нарушает единство звучания и значения, фонематические отношения между разнооформленными образованиями, и принципу экономии²⁹, так как способствует множественности формального выражения семантической постоянной.

Изменения вариативного характера могут происходить на всех уровнях языка. Классификация в пределах тождества значения только лексических вариантов охватывает несколько типов: акцентный, фонетический, фонематический и морфологический³⁰. Фонетические варианты, как наиболее распространенный тип формального расхождения, могут отличаться значительным многообразием (до десяти разновидностей и более)³¹. В основе фонетического варьирования лежат многочисленные звуковые модификации самого различного характера, в целом обусловленные позиционно-комбинаторными изменениями звучания и территориальными особенностями

²⁷ Крушевский Н. А. Очерки науки о языке. Казань, 1883. С. 74; Виноградов В. В. О формах слова // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1944. Т. 3, вып. 1; Смирницкий А. И. К вопросу о слове // Труды Института языкознания. М., 1954. Т. 4; Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; Филлин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 132—138; Рогожников Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966; Башнев Т. Г. Башкирские диалекты и их отношение к литературному языку. М., 1955; Болганбаев Э. Қазақ тіліндегі синонимдер. Алматы, 1970; Бизаков С. Фонетические варианты слов в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972; Уйықбаев И. К. Қазақ тіліндегі варианттылық проблемасы. Алматы, 1976; Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. 2 изд. М., 1977; Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

²⁸ Ахманова О. С. Очерки ... С. 193; Смирницкий А. И. Звучание слова и его семантика // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 112.

²⁹ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960; Мартинс А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3; Поливанов Е. Д. Где лежат причины языковой эволюции // Избранные работы: Статьи по общему языкознанию. М., 1968; и др.

³⁰ Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. С. 20—22.

³¹ Бизаков С. Фонетические варианты слов ... С. 11.

разговорной речи. Этот тип варьирования может быть связан с особенностями редукции безударных гласных, выпадением или появлением безударного гласного, воздействием сингармонизма — аттракции гласных и согласных, а также многими другими звуковыми изменениями, происходящими на ассимилятивной и диссимилятивной основе. При этом звуковой параллелизм может наблюдаться как в корневой, так и аффиксальной части слова.

Рассматриваемый в данном разделе тип вариативности встречается в корневой морфеме, при этом в разносистемных языках выполняет разные функции. Поскольку интересное нас явление наблюдается в корне, прежде чем перейти к анализу конкретных фактов, остановимся на некоторых общих положениях о константности/вариативности данной морфологической единицы в тюркских языках.

Тюркский корень, по мнению большинства тюркологов, представляет собой односложное, моносиллабическое образование³². Несложность его выделения из дериватов объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев он параллельно имеет самостоятельное употребление в качестве значимой единицы лексической системы³³. В отношении корня можно утверждать, что в агглютинативных языках он более прозрачен и устойчив, чем во флективных. Вместе с тем относительность этого положения становится вполне очевидной при обособленном изучении морфологических особенностей агглютинативных языков. В частности, в тюркских языках наряду

³² *Deny J.* Principes de grammaire turque («Turc» de Turquie). Paris, 1955. P. 93; *Рамstedт Г. И.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957. С. 141; *Котвич В. А.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962. С. 36—38; *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 71; *Clauson G.* Turkish and Mongolian studies. London, 1962. P. 137; и др.

³³ *Егоров В. Г.* Введение в изучение чувашского языка. М., 1930. С. 39; *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М., 1948. С. 62; *Исхаков Ф. Г.* Лексно-грамматическая классификация слов или частей речи в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М., 1956. С. 72; *Баскаков Н. А.* Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках // Советское востоковедение. 1957. № 1. С. 72, 74; *Его же.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979. С. 114; и др.

с устойчивостью наблюдаются случаи, отрицающие данную характерность корневой морфемы, выраженной не только сложной, но и моносиллабической формой.

На консервативность, прозрачность тюркского корня указывали В. В. Радлов, И. А. Бодуэн де Куртене, Н. С. Трубецкой, Н. А. Баскаков и др., на его фонетико-фонологическую вариативность, изменчивость — А. Зайончковский, А. Н. Кононов, Э. В. Севортян, А. Т. Кайдаров и др. Так, Н. С. Трубецкой пишет: «Следует признать, что часто агглютинирующие языки алтайского типа с небольшим инвентарем экономно использованных фонем с *неизменяющимися корнями* (курсив мой. — К. Х.), отчетливо выделяющимися благодаря своему обязательному положению в начале слова и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными аффиксами и окончаниями, представляют из себя технически более совершенное орудие, чем флектирующие языки...»³⁴. Сущность противоположной точки зрения достаточно полно выражена А. Т. Кайдаровым: «Варьирование в тюркских языках приобретает порою столь сложный и глобальный характер, что об «устойчивости» и «прозрачности» тюркского корня уже не приходится говорить. Вариативность, свойственную тюркскому корню, нельзя рассматривать как результат случайных изменений. Наоборот, варьирование как исторический процесс реализуется по строгим законам общей и частной фонетики тюркских языков в определенной хронологической последовательности, в рамках фономорфологических закономерностей конкретных языков»³⁵. Среди фактов варьирования структуры односложных корней в тюркских языках отмечаются случаи внутриязыкового и межъязыкового соответствия и чередования гласных и согласных звуков, образования односложных и двусложных вариантов гомогенных единиц, протезы, метатезы и долготы как факторов образования внутриязыковых вариантов односложных корней и основ, а также процесс омонимизации и деомонимизации в их системе.

Исследуемый тип вариативности, представляющий собой взаимное перемещение анлаутного и ауслаутного согласных в корнях C¹ГC², встречается в целом ряде

³⁴ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. С. 77.

³⁵ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. С. 32.

современных тюркских языков в виде соответствующих пар с одинаковыми или сходными значениями, например: як. *батыгыраа*- 'производить учащенный топот' — *табыгыраа*- 'производить учащенный легкий стук', *таптай*- 'сплющивать ударами, отбивать, пошлепывать, хлопывать'; *бачыгыраа*- 'производить резкие трескучие звуки, громко трещать' — *чабыгыраа*- 'учащенно издавать резкие трескучие звуки' (перен. 'самоуверенно разглагольствовать'); *бычыгыраа*- 'чирикать, тонко пищать, заливаться трелью' — *чыбыгыраа*- 'свистеть, щебетать, многоголосно пищать'; *балкый*- 'болтать, взбалтывать, плескаться; балакать, болтать языком' — *лабыргаа*- 'хлопать, захлопать; болтать языком'; *кылыкынай*- 'загоготать, издавать короткие крики (о гусе)' — *лыксый*- 'клокотать, клетотать, издавать глухие отрывистые крики (о гусях на кормежке)'; *битигирээ*- 'производить глухой дробный стук, учащенно забиться (о сердце)' — *тибигирээ*- 'учащенно производить легкий стук, учащенно топая, тукать'; *кычырдаа*- 'производить раздельно повторяющиеся резкие скрипы' — *чыкырдаа*- 'выливать, наливать маленькими порциями (о жидкости); поскрипывать' и т. д.³⁶; каз. *тасырла*- 'стучать, шуметь, грохотать' — *сатырла*- 'трещать, хрустеть, стучать'; *шықырла*- 'хрустеть, скрежетать' — *қышырлат*- 'хрустеть, скрежетать, хрупать'; *тысырлат*- 'шуршать, шелестеть, потрескивать' — *сытырлат*- 'хрустеть, шуршать, потрескивать, постукивать'; *тақылда*- 'стучать, постукивать по твердому деревянному предмету' — *қатай*- 'затвердевать, твердеть'; *бал-бұл жан*- 'пылать, ярко гореть' — *лапылда*- 'пылать, полыхать'. Аналогичные перестановки анлаутной и ауслаутной согласных наблюдаются в односложных основах типа С¹ГС²С³: *шалпылда*- 'плескаться, хлюпать' — *балшық* 'грязь, жидкая глина'; *тырсылда*- 'постукивать, тихо стучать' — *сыртылда*- 'постукивать, тихо стучать, потрескивать' и т. д.

Случаи взаимоперемещения корневых согласных не редки и в других языках тюркской семьи, например: тув. *кыжыра*- 'скрипеть, хрустеть' — *шыгыра*- в том же значении; хак. *тырсыла*- 'щелкать, издавать щелкающие звуки, давать щелчки' — *сирте*- 'щелкать, давать щелчки'; *пасха* 'молоток' — *саба*- 'молотить'; уйг. *жугимэк*—

³⁶ Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954. С. 265—283.

гужимэк- 'кишеть, кишмя кишеть, быть во множестве'³⁷; *пек* 'как, подобный, подобно' — *кап* в том же значении (от *кеп* < алт., ойрот., ног. *кап* 'форма, модель, подобие'); тефсир XII—XIII вв. *каби*—*бики*/*биги* 'как, словно, подобно'³⁸.

Перестановка согласных, характерная для приведенных пар односложных корней и основ, реальна не только для современного состояния тюркских языков, но и для древнетюркского, что подтверждают пары корневых морфем из словаря Махмуда Кашгарского: *pat* подр. звуку падения тяжелого предмета (МК I, 320) — *tap-tap ur-* 'шлепать' (МК III, 145); *qis-* 'сжимать, сдавливать, стискивать' (МК II, 11) — *siq-* 'давить, жать, выжимать' (МК II, 18) и др. Последняя пара корневых морфем с указанными значениями встречается в большинстве тюркских языков. В древнетурецком, по Дени, в значении 'как, словно, подобно' параллельно употреблялись две формы: *гиби* и *биги*³⁹.

Фронтальное исследование лексического состава тюркских языков, возможно, значительно увеличит количество примеров, иллюстрирующих данное явление, однако, на наш взгляд, приведенные факты достаточно убедительно доказывают его существование в этих языках.

Как видно из примеров, односложные корни и основы, составляющие сравниваемые пары, в подавляющем большинстве представляют собой звукоизобразительные формы с семантикой различного рода звучаний и движений. Согласные, подвергшиеся взаимной перестановке, образуют следующие пары: *с—к*, *к—с*; *т—п*, *п—т*; *к—ч*, *ч—к*; *к—ш*, *ш—к*; *т—к*, *к—т*; *т—с*, *с—т*; *п—ш*, *ш—п*; *с—п*, *п—с*. Эти согласные, отличающиеся друг от друга по месту образования, при перемещении либо подвергаются озвончению, либо сохраняют исходную форму. В семантическом плане наблюдается определенная градация степени возможного тождества, при которой значения одних корней и основ совершенно идентичны,

³⁷ Талипов Т. Т. Метатеза гласных в тюркских языках // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. Кн. 2. С. 83; *Его же*. Уйгур тили фонетикиси. Алмута, 1984. С. 87, 88.

³⁸ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 153.

³⁹ См.: *Deny J. Grammaire de la Langue turque (dialect osmanli)*. Paris, 1921. § 886.

других — близки друг к другу, третьих — сходны, четвертых — несколько отдалены, пятых — логически сопоставимы, т. е. происходит определенная филиация значений, способная привести к значительным семантическим сдвигам.

Рассматриваемые перестановки возможны и в односложных корнях типа СГ. Например, в уйгурском языке, наряду с широко распространенной морфемой *су* 'вода', в производных *уссимак*- 'жаждать, хотеть пить', *уссулук* 'жажда' встречается семантически тождественная форма *ус*⁴⁰. В языке хотанов — тюркоязычной народности, проживающей на территории Монголии, Б. Я. Владимирцов обнаружил форму *усху* и определил ее как производную от *су*, *усу* 'вода'⁴¹. У Махмуда Кашгарского встречаются обе формы данной морфемы: *сувсатты* (МК II, 388) и *усытты* (МК I, 216).

Прежде чем делать какие-либо выводы относительно природы и происхождения исследуемого явления, отметим, что перестановка корневых согласных имеет место не только в тюркских, но и в других языках. По утверждению А. М. Газова-Гинзберга «спорадические перестановки двух близкородственных по артикуляции согласных фонем широко распространены в самых различных языках. Пожалуй, наиболее известны случаи перестановки двух переднеязычных, так называемых плавных (второй из них не всегда плавен): *l* и *r*. В семитских языках классическим примером является имя *RGL* 'нога': в древнеарамейском рядом с этой формой известна *LGR* с расподоблением (мандейский диалект) → *NGR* в арабском диалекте Сирии (арамейский субстрат?) — *'GR*, как и в эфиопском. Взаимная перестановка глоточного с зевным наблюдается в случае *HLK* (араб.) — *GLH* (евр.) 'брить', с другим плавным *QLH* (евр.) 'быть лысым, быть гладким'. Закономерная перестановка (в отличие от прочих спорадических) происходит в определенных позициях с элементами былой переднеязычной

⁴⁰ *Талипов Т. Т.* Метатеза гласных в тюркских языках; *Его же.* Уйгур тили фонетикиси.

⁴¹ *Владимирцов Б. Я.* Турецкий народец хотаны // Записки Вост. отд-ния имп. русск. археол. об-ва. Т. XXIII, вып. III—IV. Пг., 1916. С. 273.

аффрикаты типа *ts*, разлагающейся в семитских языках на две самостоятельные фонемы»⁴².

В семитских корнях, как видим, взаимная перестановка согласных носит межъязыковой характер, т. е. если в одном языке дистрибуция начального и конечного согласных имеет одну последовательность, то в другом родственном языке — обратную. Аналогичные факты встречаются и в тюркских языках: туркм. *лап-лап* подр. полыханию пламени; узб. *пал-пал ён-* 'ярко гореть неровным пламенем (о свече, светильнике)'. Последний корень по дистрибуции согласных идентичен с гомогенными корнями индоевропейских языков: рус. *пламя, па-лить*; ст.-слав. *пламы*; литов. *pelėnāi*; латыш. *pēlni* 'зола'; др.-прусс. *relanno* 'очаг'⁴³. Ср. также тюрк. *қ/хор* подр. храпу; нем. *rochen* 'храпеть' и др. На уровне алтайской языковой общности в плане рассматриваемого явления характерны следующие соответствия: обще-тюрк. *су* 'вода'; монг. *ус*⁴⁴; маньчж. *усих'а-/усих'э-* 'хлебать'⁴⁵.

В русском и французском языках случаи метатезной вариативности корня чаще всего наблюдаются в диалектах: рус. диал. *ведмедь* < *медведь*; *долонь* < *ладонь*; франц. диал. *sèche* < *chêssé*⁴⁶; диал. уральских казаков *бирёжа/бирёжна* < *жерёбая*; *бандра* < *домбра*; *кута-меть* < *текеметь* (от тюрк. *текемет* 'орнаментированный войлочный ковер'); *жыздитцъ* < *зиздется*; *чикмиш* < *кишмиш*; *чикирёжка* < *кочерыжка*; *равловый* < *лавровый*; *гамазин* < *магазин*; *видьмижонок* < *медвежонок*; *намастырь* < *монастырь*; *рыля* < *лира* и т. д.⁴⁷; в детской речи *хассир* < *сахар*; *ливка* < *вилка*; *редевя* < *деревья*; *тяка* < *ката*⁴⁸.

Из приведенных примеров можно заключить, что

⁴² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 152.

⁴³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. 3. С. 273.

⁴⁴ Базылхан Б. Қазақша-монғолша сөздік. Уланбатыр, 1977. 288 б.

⁴⁵ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. 2. С. 291.

⁴⁶ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 47, 231.

⁴⁷ Малеча Н. М. О перестановке звуков в словах. (По материалам диалекта уральских казаков). Уральск, 1963. С. 84—103.

⁴⁸ Рыбникова Н. А. Язык ребенка. М.; Л., 1926. С. 30; Ладыгина-Котс Н. Дитя обезьяны и дитя человека. М., 1935. С. 429.

исследуемое явление имеет ряд характеристик, присущих одновременно вариативности (наличие у двух или нескольких сходных форм одного значения), метатезе (перестановка компонентов звукового комплекса) и анастрофе (обратная перестановка звуков).

О вариативности как свойстве живого, развивающегося языка мы говорили в начале раздела. Здесь уместным будет следующее дополнение: «Возникающая при варьировании слова парадигматическая избыточность не должна рассматриваться лишь как несовершенство языковой системы. Избыточность формы представляет собой и необходимый этап перестройки элементов языковой системы, который поддерживает преемственность речевых навыков и обеспечит в будущем более рациональный способ выражения. В этом смысле вариативность служит как бы компромиссом между вечным стремлением к обновлению языка и оборонительной реакцией на все новое, необычное. Стадия варьирования и постепенная замена конкурирующих способов выражения обеспечивают менее ощутимый и не столь болезненный сдвиг нормы, в немалой степени способствуя существованию известного парадокса: язык изменяется, оставаясь самим собой»⁴⁹. Следствием указанной вариативности является также постепенная дифференциация семантики параллельно функционирующих сходных форм, т. е. образование новых корневых морфем на базе уже существующих.

Метатеза (количественная, смежная, несмежная и т. д.) в лингвистической литературе объясняется как уподобление нестандартной, непривычной последовательности звуков слова структуре, наиболее часто встречающейся в данном языке. Само же уподобление происходит на ассимилятивной и диссимилятивной основе, мотивированной артикуляторными навыками носителей конкретных языков⁵⁰.

⁴⁹ Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. С. 9.

⁵⁰ Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkssprachen. Erster Theil: Phonetik der nördlichen Türkssprachen. Leipzig, 1882. S. 270—272; Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 69; Пальмбах А. А., Исхаков Ф. Г. Явление метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1: Фонетика. М., 1966. С. 293—297; Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 82—84; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984. С. 92, 321, 333; и др.

По С. Буличу и А. Томсону, метатеза чаще всего встречается в случае с сонорными со слогообразующими функциями; при этом отдельные факты обусловлены субъективным толкованием (народной этимологией), а также особенностями восприятия элементов звукового комплекса и его декодирования в опережающей последовательности⁵¹.

В. А. Головин рассматривает метатезу как способ возникновения и развития корневых морфем, имевший место в начальном этапе происхождения и формирования языка, т. е. связывает данное явление с антропогенезом. При этом он опирается на положение И. П. Павлова о второй сигнальной системе, по которому слово является раздражителем, а «в связной системе клеток процесс раздражения движется туда и обратно, т. е. в двух направлениях». Исходя из этого, В. А. Головин считает, что «метатеза, т. е. обратная коренная связь букв, слов, мыслей, и есть следствие, своеобразное отражение обратного движения раздражения словом в двух направлениях в коре головного мозга»⁵². В трехфонемных односложных корнях, по утверждению автора, перемещение согласных обусловлено ассоциацией: а) по сходству (*долонь* — *ладонь*, *мутно* — *туманно*, *ложбина* — *желоб*); б) по смежности (*весна* — *сев*, *нежный* — *женский*); в) по противоположности (*путь* — *тупик*; *бары* — *рабы*)⁵³.

Как видим, ученые по-разному объясняют возникновение метатезной вариативности согласных в корне. Одни причину данного явления видят в действии фонетических закономерностей, другие — в специфике артикуляторных навыков, третьи — в способности корня отражать психофизиологические процессы, происходящие в мозгу человека. Учитывая, что в приведенных примерах перемещению подвергаются не только сонорные как в смежной метатезе, но и многие другие согласные с самыми различными дифференциальными признаками,

⁵¹ Булич С. Метатезис // Энциклопедический словарь Брокгауза — Эфрона. Спб., 1896. Т. 19. С. 163; Томсон А. Общее языкознание. Одесса, 1910. С. 264.

⁵² Головин В. А. Отражение колебаний жизни во второй сигнальной системе. М., 1956. С. 3.

⁵³ Поскольку гомогенность представленных пар корней (кроме *долонь*—*ладонь*) автором не доказана, для нас в данном случае больший интерес представляет теоретическое обоснование, чем факты.

выходящими за рамки интерпретации на ассимилятивной и диссимилятивной основе, а также принимая во внимание относительность понятия об удобстве/неудобстве произнесения тех или иных сочетаний согласных, очевидно, более приемлемым объяснением природы данного явления необходимо признать гипотезу, основанную на закономерностях психики восприятия звука/звукокомплекса и охватывающую исследуемое явление в целом.

На наш взгляд, возможность параллельного функционирования первоначально однозначных, фонетически равносоставных корней с характерной перестановкой анлаутных и ауслаутных согласных обусловлена объективными закономерностями рецепторного поведения человека. В рассматриваемом случае два звуковых комплекса с взаимоперемещающимися согласными при равенстве значений могли восприниматься как фонетическое единство, как варьирующий в пределах равнокомпонентного состава цельный звуковой образ (в случае со звукоизобразительными корнями — фоносемантический вариант).

Дальнейшее параллельное функционирование равнозначных корней с разной последовательностью звуков в одном языке противоречит статусу разнооформленных единиц, вследствие чего один из корней каждой пары подвергается определенным семантическим изменениям. Наконец, развитие корней с взаимоперемещенными согласными приводит их к значительному удалению друг от друга и образованию двух разных слов, фонетико-семантическая связь между которыми может быть обнаружена только при тщательном диахроническом исследовании.

Так как наблюдаемое явление встречается не только в тюркских, но и в семитских и индоевропейских языках, по-видимому, можно утверждать, что оно имеет не случайный, а вполне закономерный, обусловленный характер. В семитских языках метатезная вариативность указанного типа рассматривается как один из способов обогащения корневого фонда⁵⁴. Возможно, что и в тюркских

⁵⁴ Сыромятников Н. А. О метатезе в ностратических соответствиях // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 178—185; Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.

языках в период господства односложных корней⁵⁵ метатезная вариабельность выполняла корнеобразующую функцию, которая в последующем в отношении звукоизобразительно нейтральной лексики в основном перешла к чередованию и другим фонетическим способам, при этом в сравнительно большей степени сохранилась в корневых морфемах звукоизобразительных слов.

Морфологический состав звукоизобразительных основ

Проблема выделения корня или основы звукоизобразительных слов и обычной лексики тесно связана с определением аффиксальной морфемы как в синхроническом, так и диахроническом планах. Вместе с тем, как считает А. М. Щербак, «совершенно очевидно, что для раскрытия истории аффиксальных морфем важное значение имеет учет их структурных особенностей, состава вариантов и выражаемых ими значений, а также выяснение типических линий развития в пределах каждого парадигматического ряда. Являются ли аффиксы односложными или двусложными, как соотносятся разновидности морфем с одинаковыми или близкими значениями в чисто формальном плане, что характерно для их содержания и каковы модели конструкций, лежащих в основе форм разных парадигматических рядов, — вот основные вопросы, которые... должны больше всего интересовать этимолога и от ответов на которые зависит результативность поисков»⁵⁶.

Однако «этимологические разыскания в области морфологии мало эффективны из-за того, что достоверность морфемных этимологий обычно недоказуема. Вследствие этого целесообразность сплошного, фронтального этимологического исследования аффиксов, наподобие исследования лексического состава, сомнительна. Вместе с тем не требует доказательств то, что морфологические элементы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках

⁵⁵ Бергагаев Т. А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков: (Тезисы докладов). Л., 1961. С. 18.

⁵⁶ Щербак А. М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках // Советская тюркология. 1974. № 1. С. 33.

сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных конкретных случаях»⁵⁷.

Попытаемся провести морфологический анализ звукообразительных слов и некоторых их производных в казахском языке в сравнении с другими родственными языками.

В тюркских языках аффиксальный способ образования звукообразительных глаголов достаточно четко отражает исторически сложившееся своеобразие морфологического строя.

Широко применяемые модели в большинстве случаев характеризуются большой устойчивостью и постоянством, что, несомненно, говорит об их значительной древности, очевидно, уходящей к прототюркской или даже протоалтайской эпохам. О последнем весьма убедительно свидетельствуют факты структурного сходства звукообразительных слов тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Сравнение тюркских моделей с однозначными формами алтайских языков помимо определения типологических связей способствует изучению морфологического состава ряда подражательных основ, выделению их корневых и аффиксальных элементов, затемненных в современных производных образованиях.

В тюркских языках к ним относятся звукообразительные основы типа каз. *бахыр-* 'кричать, орать', *түкір-* 'плевать', *кекір-* 'рыгать, отрывивать', *сарқыра-* 'шумно течь, бурлить (о реке, водном потоке)', *жарқыра-* 'сверкать, сиять, блестеть', *куркіре-* 'греть, гроыхать (о громае)' и т. д.

Рассматривая тюркские и монгольские звукообразительные глаголы с аффиксами *-кыр, қыр(а)*, Г. Рамстедт отмечал их сложносоставность и выделял два элемента *-gi-/ki-* и *-ra-*: при этом последний отождествлял с монгольским *-ra-* обычных, незвукообразительных глаголов, а первые *-gi-* с монгольским глаголом *ge-* 'говорить, сказать', *-ki-* с глаголом *ki-* 'делать'⁵⁸.

После Г. Рамстедта исследованием морфологического состава тюркских звукообразительных глаголов на *-kir* занимался В. Банг. Он разделял рассматриваемые

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprache // JSFOu. 1912. XXVII 3. S. 36, 55, 56.

мые глаголы на подражательные корни и аффикс побудительного залога *-γur-/gür-*⁵⁹. Связь между *-qir-* и *qira-* В. Банг считал очевидной, так как многие моносиллабические основы с ауслатными согласными восходят к диссиллабическим с гласным в ауслате⁶⁰. Указывая на то, что *-qira-/kirā-* является архаичной формой аффикса *-qir-/kir-*, он относил его к тюркским аффиксам.

По мнению Э. В. Севортяна, звукоизобразительные глаголы типа *бақыр-*, *шақыр-* и т. д. являются производными формами, образованными при помощи аффикса *-kur-/kür-/ur-* с различными фонетическими вариантами, сходного с глаголообразующим аффиксом *-γur-/qir-*, т. е. он обнаруживал определенную связь между глаголообразующими аффиксами *-γur-/ur-* и показателями вторичных подражательных основ в той же форме. Объяснял он это тем, что «явление грамматического синкретизма глагольных и именных показателей наблюдается и в ряде других случаев»⁶¹. В алтайском, хакасском и шорском языках рассматриваемый аффикс Э. В. Севортян разделял на два простых морфологических элемента: аффикс глагольного имени *-ku* и глаголообразующий аффикс *-r*: хак. *хатхыр-* 'хотать' (*хатхы* 'смех'), *хысхыр-* 'кричать' (*хысхы* 'крик'); шор. *қыйғыр-* 'кричать' (*қыйғы* 'крик')⁶². Аналогичной точки зрения относительно морфологического состава звукоизобразительных глаголов указанного типа придерживаются М. Худайкулиев⁶³ и Э. К. Ишмухаметов⁶⁴.

До Э. В. Севортяна типы глагольных основ исследовал Л. Н. Харитонов, который при выделении аффикса *-қыра*, *-кіре* конечный гласный характеризовал как выражающий длительность, протяженность⁶⁵.

Рассматривая морфологический состав ряда звукоизобразительных глаголов тюркских и монгольских языков,

⁵⁹ *Bang W.* Vom köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. 2. Mitteilung: Über einige Schallnachahmende Verba // ABAW. 191. Berlin. S. 12.

⁶⁰ *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 263.

⁶¹ Там же. С. 20.

⁶² Там же. С. 264.

⁶³ *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962. С. 98.

⁶⁴ *Ишмухаметов Э. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1976. С. 17.

⁶⁵ *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы... С. 188.

Б. М. Юнусалиев выделяет аффиксальную морфему *қыр-* (с фонетическими вариантами *кир-*, *кур-* и т. д.), что в свою очередь позволяет ему обособить три типа односложных корней, состоящих из одной гласной, согласной+гласной и гласной+согласной, например: 1) кирг. *ө+кур-* 'реветь, сильно плакать по умершему; реветь (о быке)', каз. *ө+кир-*, туркм. *ө+гир-*, башк. *у+кер-*, уйг. *hө+кир-* 'реветь', бур.-монг. *у+хэр-* 'реветь (о быке)', чув. *а+хяр-*, башк. *а+қыр-* 'реветь'; 2) кирг., каз., узб. *ба+қыр-*, туркм. *баа+ғыр-*, аз., алт. *ба+ғыр-* 'кричать, орать', кирг., каз., узб. *қа+қыр-*, туркм. *ға+ғыр-* 'харкать', кирг., каз., узб. *ке+кир-*, алт. *ке+гир-*, чув. *кă+кăр-* 'рыгать, отрыгивать', монг. *хэ+хэрэ-* 'отрыгивать', кирг., алт. *тү+күр-*, каз. *тү+кир-*, туркм. *туй+кир-* 'плевать', монг. (халх.) *тү+хирэ-* 'плевать'; 3) кирг., алт. *ши+қыр-*, каз. *ыс+қыр-* 'свистеть, шипеть', бур.-монг. *ши+хирэ-* 'свистеть'⁶⁶.

Относительно аффикса *қыра-* (*кире-*, *кура-*, *курө*) Б. М. Юнусалиев предполагает, что он «исторически разложим на отличители *қ+р* и глагольный аффикс *а*» и при этом отмечает, что «в современном языке основы типа *қырқыр-*, *шарқыр-* и т. д. самостоятельно неупотребительны, в то время как первообразный корень (основа) *шар*, *қыр* бытует в качестве подражательных слов. Поэтому с практической стороны кажется целесообразным в глаголах типа *шарқыра-* 'бурлить, гудеть (о реке)', *қырқыра-* 'хрипеть', *куркурө-* 'греть (о грома)', *ырқыра-* 'рычать' и т. д. выделять употребительные корни *шар*, *қыр*, *күр*, *ыр* и глаголообразующий элемент *қра/кре/крө*: ср. бур.-монг. *бархирэ-* 'реветь' < *бар+хирэ-*; *хирхирэ-* 'хрипеть' < *хир+хирэ-*; *шархирэ-* 'бурлить', *хурхэрэ-* 'греть', *эрхирэ-* 'рычать'⁶⁷.

По наблюдениям М. Рясанена, звукоизобразительные глаголы типа *бақыр-*, *шақыр-* состоят из подражательного корня (*ба-*, *ша-*) и суффикса ономастических слов *-қыр* (с вариантами)⁶⁸, сложносоставность которых (в историческом плане) он не рассматривает.

Иную трактовку морфологического состава звукоизобразительных глаголов предлагает А. М. Щербак, который считает, что эти глаголы представляют собой

⁶⁶ Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. С. 161.

⁶⁷ Там же. С. 174.

⁶⁸ Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969. S. 58, 96.

исторически составные образования, включающие образное слово и вспомогательный глагол *ur-*. Фонетическое слияние компонентов аналитического образования автор объясняет полным семантическим объединением глагола *ur-* с приглагольными словами. Причины указанного развития звукообразовательных глаголов А. М. Щербак видит в следующем: «Широкое участие глагола *ur-* в образовании устойчивых сочетаний является выражением тенденций развивающихся в тюркских языках с давних времен. Вместе с тем в некоторых тюркских языках расширение границ употребления *ur-* в качестве вспомогательного глагола связано с действием внешних факторов. Не исключено, что здесь сказалось влияние персидского языка, в котором глагол *zadan* имеет то же значение и выполняет те же словообразовательные функции, что и глагол *ur-* в тюркских языках»⁶⁹.

Одной из последних работ, посвященных изучению морфологического состава звукоизобразительных глаголов на *-қыр-*, *қыра-*, является статья Т. Текина «О структуре алтайских звукоподражательных глаголов (*echoic verbs*) на *-kira*». В ней отмечается, что для выяснения морфологического состава исследуемых глаголов необходимо сопоставление тюркских форм с аналогичными образованиями в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках. В связи с этим автор утверждает, что «несмотря на удивительное сходство между... тюркскими и монгольскими звукоподражательными глаголами, тюркологи до сих пор не уделяли большого внимания монгольским формам. Вместо того, чтобы рассматривать эти тюркские и монгольские глаголы вместе, они старались объяснить тюркские глаголы, о которых идет речь, независимо от их монгольских соответствий. В результате этого тюркские звукоподражательные глаголы на *-kir-* и *kra-* до сих пор не имеют удовлетворительного объяснения и нет ясности в их отношениях к монгольским звукоподражательным глаголам на *kira*»⁷⁰.

Согласно Т. Текину, происхождение и развитие рассматриваемых звукоизобразительных глаголов имело

⁶⁹ Щербак А. М. О морфологическом составе образных глаголов типа *bakyr-*, *sakyr-*, *hajkyr-* // Советская тюркология. 1971. № 3. С. 9, 10.

⁷⁰ Tekin T. On the structure of the Altaic echoic verbs in *kira* // Acta Orientalia / Academiae Scientiarum Hungaria. 1982. Tomus XXXVI (1—3). P. 504.

определенную последовательность: аналитические образования типа монг. *čer ki-* 'чирикать, щебетать; потрескивать, хрустеть', *bur bur ki-* 'булькать, пузыриться, кипеть' и як. *barqin-* 'производить резкий неожиданный шум', *sir qin-* 'свистеть' (где *ki-* 'делать', *qi-* 'делать', соответствующие общетюркскому *qil*, выступающие в качестве вспомогательного глагола, выходящего к алтайскому **kina*) со временем слились и образовали глагольные основы типа монг. *barqi-* 'производить хриплый звук', *čarqi-* 'производить резкий звук, трещать, грохотать', *čiski-* 'чирикать, щебетать', уйг. *pürkü-* 'бить струей, хлынуть, фонтанировать', каз., кирг. *bürkü-* 'прискачать, разбрызгивать', эвенк. *kiŋqi-* 'звенеть, звучать', *kerqi-* 'храпеть': в прото-тюрко-монгольскую, если не в прото-алтайскую эпоху к звукоподражательным глаголам на *-ki* был присоединен суффикс *-ra-* обычных (т. е. незвукоподражательных) глаголов, при этом «новый суффикс *-kira-* в монгольском языке не претерпел особых изменений», а в тюркских языках в большинстве случаев наблюдается выпадение конечного гласного, а иногда — илаутного гласного⁷¹. Очень важным для последовательного выделения корневой морфемы ряда звукообразительных слов представляется наблюдение Т. Текина, по которому в определенной части подражательных слов рассмотренного типа происходит выпадение конечного корневого вибранта *r*, в связи с чем он пишет: «По-видимому, конечный *r* в ...ономатопеических корнях выпал перед аффиксом *-kira* в период прототюркского языка. В результате этого предшествующая гласная стала долгой (вторичная долгота). Это видно из туркменских форм аналогичных глаголов, которые и сейчас сохраняют свои долгие гласные, а также из озвончения ранее глухих веллярных в суффиксах огузских языков в целом»⁷².

Как известно, корневой согласный *p* вследствие определенной неустойчивости как при самостоятельном употреблении корневой морфемы, так и при образовании производного слова может регулярно или спорадически выпадать не только в туркменском, но в других тюркских языках. Наиболее последовательны случаи выпадения *p* в уйгурском языке, где подобные явления могут оказывать влияние не только на фонетическую, но

⁷¹ Там же. С. 507, 508.

⁷² Там же. С. 509.

и морфологическую структуру и семантику слова. Например, «в результате выпадения *p* появляется долгота, или так называемое компенсирующее удлинение гласного, стоящего перед *p*, иногда наблюдается расширение гласного и удваивается начальный согласный следующего слога: ср. уйг. *ба*; *ма*: *жан*, *көмө*; *қоссақ* — каз. *бар*, *маржан*, *көмір*, *құрсақ*»⁷³. Вместе с тем выпадение согласного *p* не во всех случаях приводит к указанным изменениям в слове. «В лексическом составе уйгурского языка наличествуют звуко- и образноподражательные слова с конечным *p* типа *вар* (подр. крику), *гур* (подр. гулу), *пар* (подр. блеску), *пир* (подр. быстрому вращению), *пур* (подр. порханию), *шар* (подр. грохоту, шуму) и т. д. Глаголы, образованные на их основе посредством аффикса *-кира*, *-кирэ*, оформлены в виде *вақира*- 'кричать', *гүкирэ*- 'гудеть', *пақира*- 'блестеть', *пеқира*- 'вращаться', *шақира*- 'грохотать, течь с шумом (о воде)'. *P* в конце основы приведенных слов давно исчез, а граница между *ва* (*вар*), *гү* (*гүр*), *па* (*пар*), *пе* (*пир*), *ша* (*шар*) и аффиксами *-кира*, *-кирэ* стерлась. Теперь только исследователь, знакомый со свойством уйгурского *p*, может догадаться, что слова, например *пеқира*- (пронзн. *пе*: *қира*-), *пуқира*- (пронзн. *пу*: *қира*-), этимологически восходят к *пир+қира*-, *пур+қира*-... Число таких слов в современном уйгурском языке довольно велико»⁷⁴.

По мнению А. Т. Кайдарова, развитие структуры подражательных основ прошло ряд этапов. Характерностью первого этапа является то, что «наидревнейшее, самое элементарное звукопредставление в далеком прошлом, вероятно, реализовалось наличными в каждом языке гласными звуками, так как другой возможности он не имел и не мог иметь. Следовательно, реализация самых простейших звукопредставлений практически могла осуществляться нашими предками только на основе гласных */a/*, */ə/*, */o/*, */ə/*, */e/*, */ʏ/*, */y/*, */ы/*, */i/*... первоначальные звукопредставления были весьма обобщенными и обязательно содержали элементы указанных выше

⁷³ Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *p* в современном уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Кн. 2. Алма-Ата, 1970. С. 71—75; см. также: Дмитриев Н. К. Неустойчивое положение сонорных *p*, *л*, *н* в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1: Фонетика. М., 1955. С. 279, 280.

⁷⁴ Там же. С. 76.

звуков речи. Например, звукосимволика **ы* могла передавать всякий звук внешнего мира, который в известной степени соответствовал гласному звуку — фонеме человеческой речи, произносимому обычно при неполном открытии рта. Что означало это звукопредставление в свое время? Об этом можно судить теперь только по значениям производных от него образований в казахском языке»⁷⁵. Приведя в качестве примеров казахские звукообразительные формы **ы* > *ыс* подр. шипению змей или звуку, подобному свисту; **ы* > *ыр* подр. рычание собак; **ы* > *ың* подр. звуку, произнесенному через полости носа или рта; **ы* > *ыз* подр. жужжанию пчел, комаров и других насекомых, А. Т. Кайдаров пишет: «Несмотря на то, что эти первичные производные основы, выражая вполне конкретные звукопредставления, все же сохраняют определенную семантическую преемственность с корневой морфемой **ы*, сумма значений этих производных основ подражаний, по существу, и определяет то общее, свойственное значению этой корневой морфемы»⁷⁶. Так как в казахском языке, как и в других тюркских языках, вследствие длительного агглютинативного развития однофонемные звукообразительные формы самостоятельного употребления не сохранились, дальнейшую эволюцию первоначальных звукопредставлений автор видит «в постоянном обрастании гласных согласными звуками в зависимости от характера, природы и значения подражаемых явлений»⁷⁷. На следующем этапе «развитие структуры подражательных слов происходит путем наращивания на первичные корни подражания типа СГ и ГС регулярно функционирующих в языке абстрагированных грамматических формантов *р*, *л*, *с*, *т*, *н*, *ш*, *к* и др.», придающих в системе определенных словообразовательных моделей первоначальным «звукопредставлениям конкретное семантическое содержание, подвергая их материализации»⁷⁸.

Первичные корни и основы подражательных слов служат основой для образования вторичных и последующих производных основ. При этом «каждый вновь прибавляющийся к первичной основе грамматический формант (модификатор. — К. Х.) придает ей новое

⁷⁵ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней... С. 170, 171.

⁷⁶ Там же. С. 171.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 172.

значение, материализует и конкретизирует выражаемое ею явление, образное представление, приближая ее к обычным лексическим единицам языка»⁷⁹.

Эта концепция исторического развития морфологической структуры первичных корней и основ подражательных слов фактически отражает процесс денатурализации звукоизобразительных форм, не раскрывая механизм и природу этого процесса, тесно связанного с лексико-грамматической системой конкретного языка. Эту связь мы рассмотрим несколько позже, а сейчас попытаемся обобщить наблюдения ученых.

Различные точки зрения относительно морфологического состава звукоизобразительных глаголов на *-қыр*, *-қыра* можно свести к следующему: корневая морфема выделяется либо как звукоизобразительная единица СГ(С), либо без указаний на таковую с фонетическими типами СГ или СГС; аффиксальная часть рассматривается либо как сложное образование, возникшее в результате присоединения двух морфем, произошедших от вспомогательных глаголов, либо как односложный аффикс, имеющий неясный источник образования или берущий начало от глагольной формы. Принципиальным различием двух вариантов интерпретации корня является отнесение его к изобразительным словам или к обычным, а аффиксальной части — к сложным или простым.

Наиболее вероятной, последовательной в привлечении переходных форм и определении истоков происхождения и развития сложного аффикса представляется точка зрения Г. Рамстедта, частично сходная с ней позиция М. Рясина и Б. М. Юнусалиева, обобщенная Т. Текином.

Результаты исследований этих ученых позволяют выделить корневую морфему не как абстрактную структурную единицу, обособляемую путем сопоставления сходных по форме образований и имеющую неясную общую семантику, а как реальное для данного языка звукоизобразительное слово, занимающее конкретное место в системе слово- и формообразования. Последовательное разложение аффиксальной морфемы на исторические составляющие как в формальном, так и в семантическом плане дает возможность определить процесс развития звукоизобразительного корня от условно исходного к вторичному и далее до лексикализованного образования.

⁷⁹ Там же. С. 175.

Следовательно, при морфологическом анализе структуры звукоизобразительных (обычных) слов необходимо исходить из возможности существования реального или реконструируемого подражательного (обычного) корня. При этом, очевидно, возможность выделения реального звукового комплекса определяется наличием последовательной звукоизобразительной системы в общей структуре морфологических моделей конкретного языка. Гибкость системы звукоизображения в тюркских языках (а так как это свойство, вероятно, носит типологический характер, то соответственно и других генетически близких и отдаленных языков) основана на сочетании возможностей денотативной обусловленности форм и актуальной репрезентации морфологической структуры, отраженной в системе моделирования. Возможности звукоизобразительной системы на любом из этапов ее существования, как отмечалось выше, ограничены составом фонем, закономерностями их дистрибуции и ограниченностью морфологических моделей каждого языка. Для того чтобы показать, что звукоизобразительные глаголы на *-қыр(a)* в тюркских языках подчинены также определенным, ранее сформировавшимся моделям, рассмотрим несколько примеров.

Корневая морфема звукоизобразительного глагола *бақыр-* в казахском языке может быть восстановлена с помощью сопоставления с гомогенными глаголами как казахского, так и других тюркских и алтайских языков. Поморфемный анализ приводит к выделению гипотетического корня *ба-*, совпадающего по форме с якутским *ба-ба...* подр. крику филина, тетерева, летяги. Однако якутское подражательное *ба-ба* имеет междометный характер, лексикализованной формой которого в тюркских языках являются *бар, бак, баж* (ср. каз. *мә* подр. бляению овец, коз > *мақыра-* 'блеть', *мө* подр. мычанию > *мөңіре-* 'мычать' и т. д.). Из этих трех корней в слове каз. *бақыр-*, азерб., туркм. *багыр-* Э. В. Севортян находит второй, т. е. *бақ*, который в свою очередь, по его мнению, восходит к гипотетическому *баң*⁸⁰.

Если корень в слове *бақыр-* определить как *бақ*, то в каком отношении данный глагол находится с такими образованиями, как каз. *барылда-, барқылда-* 'издавать громкие, грубые, неприятные на слух звуки', кирг. *бар-*

⁸⁰ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования... С. 235.

кылда- 'громко кричать (о человеке, птицах)', *барқыра-* 'реветь, издавать рев', *барылда-* 'издавать, клокочущие звуки, говорить громким низким голосом', як. *барылаа-* 'производить мощные рокочущие и дребезжащие звуки', *баккыраа-* 'кричать, вопить', монг. *бархирах-* 'кричать, плакать, вопить'? Очевидно, что *барқ*, *барх* являются производными от *бар*, при этом модификатор *к/х*, как указывают Г. Рамстедт и Т. Текин, происходит от монг. *ки-* и тюрк. *қыл-* 'делать'. Так как в киргизском языке *баркира-* 'реветь, издавать рев' имеет конкретное значение, относящееся к реву животных, что вполне объяснимо и фоносемантически, а в монгольском *бархирах-* 'кричать, плакать, вопить' — более общее, то в соответствии с закономерностью семантического развития от конкретного к общему можно предполагать, что исходным значением было все-таки то, которое сохранилось в киргизском языке. Вторичное звукоизобразительное слово *барқ*, встречающееся как именная часть глагола в якутском и казахском языках, представляет собой **усеченную** форму либо результата опрощения аналитического глагольного образования (*барқы*), либо более позднего производного *барқыл-* (*барқ* < **барқы*-/*барқыр*/*барқыл* < *бар қыл*-). Интересно, что значение краткости, отрывистости, одноразовости производимого звука в звукоизобразительной основе *барқ* могло сформироваться уже в период его функционирования в форме аналитического образования, которое еще более усилилось и закрепилось за модификатором с появлением усеченной формы с кратким смычным на конце. В фоносемантическом плане превращение краткого смычного в модификатор с указанным значением вторичного звукоизображения объективно согласуется с акустическими свойствами звука, передаваемого данным согласным.

Как видно из приведенных выше примеров, звукоизобразительный глагол *бақир-* 'кричать, вопить' и гомотипные с ним формы других тюркских языков являются одним из видов производных от подражательного корня *бар*. В казахском языке с присоединением к данному корню модификатора *п* образуется новая вторичная звукоизобразительная основа *барп*, редуцированная форма которой функционирует как подражание пустой, непрерывной болтовне. Если исходить из того, что морфологическое развитие вторичного звукоизобразительного образования *барп* происходило аналогично рас-

смотренному *барқ*, то, очевидно, данному производному предшествовала двухсоставная глагольная единица, именная часть которой была представлена подражательным корнем *бар*, а вспомогательный глагол, исходную форму которого восстановить трудно (возможно, *бол- 'быть'*), в результате слияния с именной частью и последующего опрощения в наше время сохранился в виде модификатора *п*. Косвенным доказательством возможности функционирования модификатора *п* в качестве вспомогательного глагола являются переходные формы императива в казахском языке типа *желпі-* 'развейся, обмахивай (напр., веером)', *тарпы-* 'бей передними ногами (о лошади)', *серпі-* 'отбрасывай, отшвыривай', *сүмпи-* 'имей ничтожный жалкий вид', *тымпи-* 'сиди молча, тихо, безропотно' и др. Значит, вторичное подражательное слово *барп* является усеченной формой императива *барпы-* или именного производного *барпыл* 'громкие звуки низкого тона (о голосе)', от которого, в свою очередь, образуется вторичный императив *барпылда-* 'болтай чепуху, что попало (грубым голосом)'. Вторичное звукоизобразительное *барп*, являясь результатом сокращения указанных форм, приобретает статус имени и может выступать в роли именной части аналитического глагола *барп-барп ет-* (*сөйле*), представляющего собой экспрессивную форму тождественного по значению агглютинативного образования *барпылда-*.

В казахском языке от корня *бар* помимо описанных образуется еще одна вторичная подражательная основа с модификатором *т* на конце: *барт* подр. звукам лопающегося предмета (напр., при жарении зерен кукурузы). Звукоизобразительная функция модификатора *т* в принципе аналогична предыдущим модификаторам и передает значение краткости, отрывистости звучания, которое достигается за счет фонетических особенностей глухих смычных или взрывных согласных. Формирование морфологической структуры вторичной подражательной основы *барт*, очевидно, так же как и в случае с основами *барқ* и *барп*, происходило по известной схеме, когда сначала образовался составной глагол со звукоизобразительным корнем в качестве именной части, затем произошло слияние именной части со вспомогательным глаголом *п*, наконец, вследствие усечения аффиксальной части новых именных или глагольных производных сформировалась вторичная звукоизобразительная

основа *барт*. Каково же происхождение модификатора *t*, представленного в основе *барт*, какой вспомогательный глагол послужил источником для его образования?

Б. Аталай приводит ряд производных на *-ты*, представляющих собой оморфные формы, образованные от именных основ: тур. *akti* 'невинный' от *ak* 'белый', *ekli* что-либо, связанное или присоединенное к другому предмету от *ek* 'приставной кусок', *yantu* 'окно' от *yan* 'бок', *yalti* 'склонный' от *yaltu* 'блестящий' от подражательного корня *yal/yil*, лежащего в основе ряда производных *yil-d-tr-in*, *yal-d-iz-li* и др., *yoktu* 'ненмуший' от *yok* 'отсутствие'⁸¹. Э. В. Севортян рассматривает эти производные как оморфные существительные, образованные от именных основ, при этом утверждает, что «значение аффикса *-ты* в этих примерах не улавливается, но можно заметить, что в некоторых случаях семантически он смыкается с показателем *-лы*»⁸².

Действительно, примеры из турецкого языка не однотипны в плане соотношенности с какой-либо из частей речи и в большинстве случаев по значению совпадают с именным аффиксом *-лы*. Однако обратим внимание на один пример, а именно на *yaltu* 'блестящий', образованный от подражательного корня *yal* и соответствующий в исходной форме каз., кирг. *жалт-жылт*, узб. *ялт*, как. *чалт* подр. неожиданному яркому блеску, сверканию. Выделение модификатора *t* в данных подражательных основах не представляет особой трудности. Происхождение же его, вероятно, аналогично происхождению предыдущих основ: исходной формой является аффикс императива глаголов типа каз. *бурти-* 'рассерженно надуться, быть недовольным', *қамты-* 'охватить, объять', *кірти-* 'иметь усталые, впалые глаза' и т. д., который, в свою очередь, в случае с вторичной звукоизобразительной основой *барт* образован от вспомогательного глагола **тук-* 'кончилось'⁸³ или *tä-* 'говорить'. О последнем глаголе В. Котвич пишет: «Каузативные суффиксы образуют основы, которые выражают законченное действие

⁸¹ *Atalay B. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir denem.* İstanbul, 1942. P. 258—260.

⁸² *Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966. С. 286—287.

⁸³ *Кузнецов П. И.* О происхождении форм второго лица повелительного наклонения в тюркских языках // Вопросы советской тюркологии: Тезисы докладов и сообщений IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ашхабад, 1985. С. 63.

или состояние, совершившееся вследствие непосредственного распоряжения лица — подлежащего... Подобные суффиксы очень распространены во всех алтайских языках, поскольку здесь мало самостоятельных глаголов со значением «приказать, просить, позволить» и т. д. и употребляются они только в специальных случаях. Этот недостаток можно преодолеть, употребляя глагол «говорить»: тюрк. *tā-*, монг. *qe*, маньчж. *se-*, тунг. *qin-* с формой повелительного наклонения глагола, обозначающего действие или состояние»⁸⁴. Возможно также, что рассматриваемый модификатор *t* как аффиксальная единица в звукоизобразительной основе *барт* берет свое начало от широко распространенного в тюркских языках вспомогательного глагола *et-* 'делать, производить какое-либо действие', с помощью которого и в современных тюркских языках образуется целый ряд составных глаголов, например: каз. *бар-бар et-* 'издавать громкие, грубые неприятные на слух звуки', *dip et-* 'вздрагнуть, внезапно задрожать'; кирг. *бык эт-* 'произвести звук глухого шлепка (напр., ударом о ладонь без участия пальцев)', *шап этип-* 'вдруг, моментально'; узб. *тўқ эт-* 'стучать, постукивать', *тўп эт-* 'бухнуться, хлопнуться, шлепнуться, топтать' и т. д. Впоследствии аффикс *-t*, выступающий во вторичных звукоизобразительных основах типа *барт* в качестве показателя прерванности, отрывистости, неожиданности звучания с присоединением других аффиксов, образовал сложный аффикс понудительности. Так, аффикс *-дыр/-тыр* некоторыми авторами рассматривается как «сращение древних форм понудительности *-t* и *p...*; он является более новым, чем показатели *-t* и *p*, хотя эпоха его сложения теряется в глубине истории так же, как и эпоха образования его исходных элементов. Не случайно, что в словаре, приложенном к «Памятникам древнетюркской письменности» С. Е. Малова, глаголов на *-дыр-* в три с половиной раза меньше, чем глаголов на *-t*, и в полтора раза меньше, чем глаголов на *-p-*»⁸⁵.

Количество звукоизобразительных основ с глухим смычным *t* в ауслaute в современных тюркских языках достаточно велико, что, очевидно, является свидетельством большой продуктивности аффикса понудительности

⁸⁴ Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962. С. 197.

⁸⁵ Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования... С. 514.

-т в древности, например: каз. *сарт* подр. звуку при резком ударе, стуке, *кірт* подр. хрусту, *парт-пұрт* подр. звукам разрывания бумаги, материи и т. п.; кирг. *шырт* подр. резкому хрусту, шуршанию, треску; узб. *портла* 'взрываться, разрываться (о бомбе, снаряде и т. п.)'; як. *курт* подр. отрывистому хрусту, звуку падения грубой кожаной одежды; хак. *чырт*- 'сечь, бичевать, щелкать бичом, хлестать', *сирте*- 'щелкать, давать щелчки' и т. д. Как видно из примеров, количество которых можно было бы значительно увеличить, и как отмечалось выше, модификатор *т* в звукоизобразительных основах передает отрывистость, резкость, неожиданность звука, характерную для хруста, треска, взрыва, щелканья и т. д. Другими словами, пройдя путь развития от самостоятельного глагола к вспомогательному, а от последнего к аффиксу, после сокращения последующих аффиксов модификатор *т*, как и предыдущие, выполняет в образовавшейся основе звукоизобразительную функцию.

Аналогичная картина наблюдается в верхнелужицком языке, 190 звукоизобразительных глаголов и около 90 существительных которого исследовала С. М. Толстая. Автор выделяет звукоизобразительные существительные и соотносимые с ними в семантическом и словообразовательном плане глаголы с суффиксом *-ot* типа *dupot* 'топот' — *dupotač*- 'топать, тяжело ступать', проводит статистический анализ употребляемости различных согласных и гласных в анлауте, инлауте и ауслауте. Ее выводы интересны с точки зрения интерпретации морфологической, словообразовательной функции конечных согласных в односложных звукоизобразительных образованиях типа СГС(С). Многообразие согласных в анлауте и их значительная ограниченность в ауслауте, т. е. усиление фонетических ограничений именно по направлению к концу слова, по наблюдениям автора, объясняются флективностью, актуальным словообразовательным составом основы и исторически сложившейся структурой корня. Губные и заднеязычные согласные, наиболее часто встречающиеся в ауслауте исследованных звукоизобразительных корней, она рассматривает «как достаточно древние детерминативы глагольных корней, первоначально служивших источником отглагольных производных с суффиксом *-ot*. Впоследствии эти детерминативы, утратив свою словообразовательную роль, сохранились только как фонетическая примета (выделено мной. — К. Х.) ос-

нов определенного словообразовательного типа. Самое любопытное заключается в том, что несомненно поздние ономотопеические образования с этим суффиксом, возникшие на западнославянской почве в период вторичной продуктивности суффикса (уже, по-видимому, преимущественно в сфере внутриглагольной деривации), все еще ориентированы на фонетическую структуру корней, первоначально присоединявших суффикс *-ot*, и в полной мере соблюдают ограничения, наложенные в древности исконной словообразовательной моделью на фонетический состав производящих основ»⁸⁶. В целом же можно сказать, что в верхнелужицком «...фонетическая невыразительность (монотонность) поствокалического компонента корня, в частности, на фоне разнообразия превокалического компонента свидетельствует, по всей вероятности, о скрытых реликтах словообразовательных отношений»⁸⁷. В тюркских языках данное явление более характерно для модификатора, чем для поствокалического согласного.

В казахском языке, судя по имеющимся у нас лексическим материалам, к звукоизобразительному корню *бар* присоединяются такие модификаторы, как *к, к, п, т*, как бы дифференцирующие обозначение звучания, отраженного в подражательном корне. В киргизском языке встречается вторичная звукоизобразительная основа с тем же корнем, что и в казахском, но уже с другим модификатором, еще не рассматривавшимся нами, например: *барс-барс* подр. сильному хрусту, сильным ударам и т. д. В якутском языке киргизской подражательной основе *барс* соответствует основа глагола *барчыгынаа* 'громко трещать, сильно храпеть'. Модификаторы *с* и *ч* соответственно в киргизском и якутском примерах наряду с плоскощелевым *ш* в других звукоизобразительных словах являются коррелятами одного модификатора не только в разных, но иногда и в одном из тюркских языков. Модификатор *с/ш/ч* в тюркских языках встречается довольно часто и в звукоизобразительном плане в целом соответствует ранее рассмотренным модификаторам, т. е. также обозначает резкость, отрывистость подражаемого звука, при этом если аффриката обозначает более высо-

⁸⁶ Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономотопеическими образованиями с суффиксом *-ot* в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 277.

⁸⁷ Там же. С. 278—279.

кую степень указанного качества, то щелевые — относительно меньшую, с незначительным отзвуком, ср.: каз. *былш ет-* 'плюхаться, распластаться, шлепать, шмякать', *тырс* подр. отрывистому тихому стуку, треску, *қорс* подр. звуку, производимому при вонзании, втыкании острого предмета в мягкий; хрюканью; кирг. *бырс* подр. тихому отрывистому смеху, *карч* подр. скрипу, хрусту; узб. *гурс* подр. глухому сильному удару; туркм. *дарс-дарс* подр. отрывистому сильному звуку, издаваемому при ходьбе; хак. *палчах'* 'грязь (напр., дорожная)' и т. д.

Чтобы определить происхождение модификатора *с/ш/ч*, очевидно, необходимо рассмотреть ряд суффиксальных морфем, содержащих данный элемент и функционирующих или функционировавших в тюркских, монгольских или тунгусо-маньчжурских языках со звукообразительными и обычными корнями. При этом очень важно выделить переходные формы, отражающие стадии превращения самостоятельного слова во вспомогательный глагол, который затем стал выполнять функцию аффикса.

По Рамstedту, аффикс *-са* восходит к тунгусскому глаголу *са-* 'намереваться, желать, хотеть, говорить, делать', представляющему собой своего рода универсальный глагол типа немецкого *tun* или английского *to do*⁸⁸.

А. Н. Кононов рассматривает аффиксы *-са* и *-сы* как архаичные показатели желательного наклонения⁸⁹. Н. А. Баскаков аффикс *-сы* выделяет как исходную форму, производным от которого является *-сыра*, при этом аффикс *-са* представляет собой вариант аффикса *-сы*⁹⁰.

Наиболее последовательно морфологическое и семантическое развитие аффиксов *-са*, *-сы* прослежено Э. В. Севортяном. По его мнению, «в период существования аффиксов *-са*, *-сы* и вторичных форм в качестве продуктивных средств глаголообразования аффикс *-са* обнаружил весьма слабую производительность, хотя он был еще продуктивным и в эпоху Махмуда Кашгарского... Число глаголов с желательным значением в примерах из современных языков невелико. Господствующим

⁸⁸ Ramstedt G. J. Zur türkischen Konditional // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1946. Bd. XXIX. N. 1—3. S. 120—126.

⁸⁹ Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941. § 235.

⁹⁰ Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1951. Т. 1, ч. 1. С. 321.

значением в них... является уподобительное во всех его конкретных проявлениях... На втором месте — глаголы, в которых значения аффикса *-сы* и т. д. изменились и дублируют семантику других глаголообразующих аффиксов»⁹¹. В глаголах с подражательной основой, по наблюдениям Э. В. Севортыяна, аффиксы *-са* и *-сы* семантически уподобляются аффиксам со значением действия, процесса *-ла* или *-а*, например каз. *қақса-* 'твердить, надоедливо повторять, блеять беспрерывно (об овце), лыть, сильно болеть (напр., о зубах)' — от подражательного слова *қақ* (ср. *қақылда-* 'говорить без умолку и громко')⁹².

Глаголообразующий аффикс *-ша, -шы, -ши, -ча, -че, -чы, -чи, -жи, -же, -жы, -жи* Э. В. Севортыян рассматривает как архаическое образование, присоединяющееся к древнейшим корням, в отдельных тюркских языках частично вышедшим из употребления, при этом малопродуктивным, за исключением киргизского и, возможно, туркменского языка. В случае присоединения к прилагательным и подражательным словам суффикса *-ша, -шы* и т. д. возможно образование повелительной формы глагола, например кирг. *аарчы-* 'чистить, очищать, отчищать' — от *аары* 'чистый', *кыңшы-/кыңшыла-* 'визжать, скуливать, визгливо плакать (ср. *каңылда-* 'жалобно и слабо визжать (напр., о шенке), тихо стонать' — от подр. слова *кың*)⁹³.

В монгольском языке завершенность действия или его прерванность передаются с помощью глагола *orki-* 'бросать', который в калмыцком превратился в суффикс *-čik, -čək, -čka, -čk*, соответствующий бурятскому *-ša*⁹⁴.

В маньчжурском языке изобразительные слова обычно употребляются в сочетании с деепричастием *сэмэ* вспомогательного глагола *сэ-мби-* 'говорить', например: *кэн сэмэ* 'кахи! кахи!' (звуки непрерывного кашля), *каб сэмэ* 'хап, хватать', *чос сэмэ* 'стремительно вырываясь, прорываясь в узком месте'⁹⁵. С другими формами глагола *сэ-мби-* изобразительные слова маньчжурского языка

⁹¹ Севортыян Э. В. Аффиксы глаголообразования... С. 314.

⁹² Там же. С. 305.

⁹³ Котвич В. Исследование... С. 204.

⁹⁴ Там же. С. 333.

⁹⁵ Горцевская В. А. Изобразительные слова в эвенкийском и маньчжурском языках // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 178.

приобретают значение глагола и выполняют функцию сказуемого, например: *бур сэ-мби-* 'булькать', *сир сэ-мби-* 'неметь, нить (о руках и ногах)', *кака кики сэ-мби-* 'хихикать', *фор фор сэ-мби-* 'зафыркать (о лошади)' и т. д. «Некоторые из таких сочетаний со вспомогательным глаголом срослись, образовав одно сложное слово—глагол, в котором второй корень *сэ-* часто получает иную огласовку»⁹⁶ и может переходить в *си-* или *ша-*⁹⁷, например: *тукси-мби-* 'бьется сердце' (ср. изобразительное слово *тук-тук сэмэ-* 'звуки биения сердца'), *кокси-мби-* 'кудахчет курица' (ср. *коко* 'кудахтанье кур').

В эвенкийском языке целый ряд изобразительных слов состоит из двух закрытых слогов и, как правило, оканчивается на согласные *с* или *р*, например: *кеңес* 'звон, глухо', *кеңус* 'постукивание', *капус* 'трах' (треск чего-либо ломающегося), *ултур* 'грохот, грохнуло', *кэл-тэр* 'в сторону, криво' (ср. чув. *кэлтер-кэлтер* 'колесо, катящееся криво, косо'), бурят. *кэлтер ялтар* 'переваливающаяся походка хромого' (ср. каз. *қалтыра-* 'дрожать (от холода, страха)' и т. д. Слова данного типа в эвенкийском языке, как считает В. А. Горцевская, «являются, по-видимому, производными и содержат некие элементы *с*, *р*, осложненные предшествующим гласным звуком. В этом нетрудно убедиться, сравнивая слова данной группы с другими однокоренными словами, например: *капус* 'трах' и *капу-мй-* 'сломать', *киңес* 'бряк, звяк' и *кин* то же... Совершенно очевидно, однако, что тут нет живого словообразования и указанные элементы не встречаются в образовании других слов»⁹⁸.

В тюркских языках, по предположению В. Котвича, суффикс *-ба* «служил первоначально средством образования основ со значением действия, совершенного несколькими лицами (значение совместности и взаимности — кооператив, реципнок), а *-ла* обозначал действия, производившиеся много раз одним лицом (значение частого повторения, многократности — фреквентатив и итератив)»⁹⁹.

Исходя из наблюдений ряда авторов, исследовавших аффиксы *-са*, *-сы* и т. д. в нескольких языках алтайской

⁹⁶ Там же. С. 181.

⁹⁷ Захаров Н. Грамматика маньчжурского языка. Сиб. 1879. С. 321.

⁹⁸ Горцевская В. А. Изобразительные слова... С. 183.

⁹⁹ Котвич В. Исследование... С. 208.

семьи, можно заключить что, во-первых, в тунгусо-маньчжурских языках достаточно четко прослеживаются стадии формирования оморфной звукоизобразительной основы с глухим щелевым согласным на конце, легко выделимой при сравнении с гомогенными образованиями конкретного языка, во-вторых, в тюркских языках наблюдается многоплановая омонимия суффиксальных морфем с интересующим нас в данном случае элементом; при этом определение исходного глагола, легшего в основу рассматриваемых суффиксов, а затем и модификатора, на имеющемся материале не представляется возможным. Причиной этого является значительная древность глаголообразующего элемента, не сохранившегося в исходной форме, или просто-напросто ее не обнаруженность в памятниках или современных тюркских языках. Из более чем 25 самостоятельных глаголов казахского языка¹⁰⁰, способных выполнять вспомогательную функцию, в фонетико-семантическом плане ни один не может быть сближен с суффиксом, от которого мог образоваться рассматриваемый модификатор.

Вместе с тем указанные Э. В. Севортяном глаголы с аффиксами *-са/-сы* со значением глаголов на *-ла, -а* (в особенности те, которые являются производными от звукоизобразительных корней), вероятно, могут служить косвенным доказательством возможности существования в прошлом вспомогательного глагола, преобразовавшегося в суффикс императива, например: каз. *қақса-* 'твердить, надоедливо повторять, бляеть беспрерывно (об овце), ныть, сильно болеть (о зубах)'; кирг. *кыңшы-* 'визжать, скулить, визгливо плакать'¹⁰¹. В казахском языке данный глагольный аффикс во 2-м лице повелительного наклонения имеет несколько фонетических вариантов: *өк-сі-* 'плакать, громко всхлипывая и голоса', *сық-си-* 'иметь узкие глаза, шуриться', *ұқ-са-* 'быть похожим, иметь сходство', *өл-ше-* 'взвешивать, определять вес', *ыр-си-* 'раскрываться, разверзнуться', *был-ши-* 'распластаться, размякнуть', *қыл-жи-* 'прилечь', *тыр-жи-* 'недовольно морщиться', *ал-жы-* 'стареть умственно, выживать из ума' и т. д.

Учитывая, что аффикс *-са/-сый/-ший/-жый* в семанти-

¹⁰⁰ Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі: Морфология. Алматы, 1974. 265—285-б.

¹⁰¹ Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования ... С. 314, 333.

ческом плане совершенно тождествен с ранее рассмотренными в императивах глаголов типа *бал-қы-* 'плавить, расплавлять', *том-пи-* 'выступать округлой поверхностью', *жел-пи-* 'обмахивать (напр., веером)', *бұр-ти-* 'рассерженно надуться, быть недовольным'¹⁰² и т. д., можно предполагать, что вторичные звукоизобразительные основы с согласными *с, ш, ч* восходят к глаголам, образованным путем сращения именной и вспомогательной частей составных глаголов. В качестве именной части последних выступали подражательные корни, что впоследствии предопределило звукоизобразительный характер производной основы с модификатором *с* на конце.

Подобный путь исторического перехода аффиксальной морфемы в модификатор звукоизобразительных основ, очевидно, свойствен не только для казахского и киргизского языков, но и для всех тюркских языков, в которых подражательные слова типа СГСС являются исторически производными.

Количество и состав модификаторов во многих тюркских языках приблизительно одинаковы. В казахском языке в основах типа СГСС в качестве модификаторов могут выступать согласные *к/қ, с/ш, т/д, п/б*, т. е. смычные и щелевые, при этом *д, б* являются звонкими вариантами соответственно глухих *т, п*. В семантическом плане общность функции модификаторов заключается в передаче таких особенностей передаваемого звука, как отрывистость, резкость, краткость. Уже отмечалось, что передача данной характерности звука во вторичной подражательной основе достигается за счет акустико-артикуляторных признаков модификаторов — краткости, смычности согласных. Очевидно, именно эти качества согласных сначала во вспомогательных глаголах, а затем в аффиксах способствовали их превращению в модификаторы с указанным значением (при вполне возможном параллельном употреблении с подражательными словами и других вспомогательных глаголов в древности).

Кроме выражения отрывистости, прерывности модификаторы звукоизобразительных основ в тюркских языках имеют и другую специализацию, направленную на обозначение конкретных особенностей звуков. Однако в

¹⁰² Хасенова А. Етістіктің лексенка-грамматикалық сипаты. Алматы, 1971. 112, 113-б.

общетюркском масштабе определение единства в семантической нагрузке модификаторов (кроме указанного) часто вызывает значительные трудности, так как наряду с последовательным соответствием встречаются и случаи разнобоя в употреблении модификаторов во вторичных звукоизобразительных основах с одинаковым значением. Так, у Махмуда Кашгарского, а также в таких современных тюркских языках, как казахский, киргизский, туркменский и хакасский, основа *тарс* является подражанием громкому, резкому стуку, удару. Звукоизобразительная основа *қылқ/гулк* в казахском, киргизском, якутском, туркменском и узбекском языках употребляется как подражание звукам, производимым человеком при глотании жидкости. В данном случае звукоизобразительные корни при соединении с одним из модификаторов образуют новое (хоть и смежное с исходным) значение, одинаковое во всех указанных тюркских языках. Иначе говоря, присоединение одного и того же модификатора к одному и тому же корню в нескольких родственных языках дает семантически тождественный результат.

Иная картина наблюдается при звукоизобразительном обозначении звуков хрюканья. Например, в казахском языке они передаются с помощью подражательной основы *қорс* (*қор* подр. хряпу+модификатор *с*), в киргизском — основой *қорқ* (*қор* подр. хряпу+модификатор *қ*), в якутском — основой *хорт* (*хор* подр. хряпу, клочкотанию, бурлению (о кипящем вареве, голосе, дыхании и т. п.)+модификатор *т*), в туркменском — основой *хорк* (*хор* подр. хряпу+модификатор *к*), в хакасском — основой *хорх* (*хохыр*- хряпеть (о лошади и других животных)+модификатор *х*) и т. д. Как видно из примеров, в тюркских языках вторичные звукоизобразительные основы с разными модификаторами, присоединенными к одному и тому же корню, могут обозначать один и тот же звук. Следовательно, модификаторы в тюркских языках в звукоизобразительном плане на межъязыковом уровне не всегда могут иметь единую семантическую соотнесенность и основная их подражательная функция заключается в передаче указанных качеств звучания, т. е. отрывистости, резкости, моментальности и т. д.

Иное дело в одном из тюркских языков. Здесь вторичная подражательная основа с тем или иным модифи-

катором, несколько отличаясь семантически от исходного звукоизобразительного корня, ассоциируется с конкретными звуками окружающей среды. При этом значенне исходной формы остается в той или иной степени общим и отражает обобщенную характерность типологически сходных звуков. Например, в казахском языке: *бырсылда-* 'лопаться, взрываться, резко выступать, прыскать (о поте)', *бырси-* 'раздуваться, разбухать', *бырқылда-* 'шумно кипеть, клокотать, ворчать, бубнить, выражать недовольство', *курс* подр. звуку падения тяжелого предмета, *курк-курк ет-*, *куркүлде-* 'кашлять хрипло, шумно бушевать (о верблюде)', *куркіре-* 'гремять, тарыхтеть (о реке, моторе, артиллерии и т. д.)', *курт-курт шайна-* 'жевать с хрустом (сено, сухари и т. д.)' и т. п. Аналогичная семантическая дифференциация производных с различными модификаторами наблюдается и в других тюркских языках, например: туркм. *тарк* подр. звуку ружейного выстрела, резкого стука, *тарс* подр. отрывистому сильному звуку, издаваемому при ходьбе; кирг. *карк* подр. громкому и грубому выкрику, крику журавля, *карс* подр. треску, резкому звуку, звуку от резкого удара, *карч-карч кемир-* 'грызть с хрустом', *картылда-* 'издавать сильный хруст (напр., при откусывании сахара)' и т. д.

Вторичные подражательные основы с одним из модификаторов в тюркских языках не во всех случаях являются конечной производной, после которой звукоизобразительность утрачивает свою функцию и происходит образование обычных лексикализованных форм, отражающих основное типологическое свойство агглютинативных языков. Для иллюстрации звукоизобразительности, частично сохраняющейся в морфемах, следующих за подражательной основой с модификатором на конце, рассмотрим несколько примеров: каз. *куркіре-* 'гремять (о громе), гроыхать'; кирг. *кур-курө-* 'гремять, грохотать'; як. *куккурээ-* 'громко стучать, шуметь, грохотать, трещать', *курдурээ* (от *курк* или *курт*)- 'издавать резкие хрипы, хрусты (напр., при кашле и т. п.)'; кирг. *тырқыра-/дырқыра-* 'разлетаться вдребезги, бушевать'; як. *тырдыргаа-* 'трещать, потрескивать'; каз. *сарқырама* 'водопад', *сарқыра-* 'шуметь, быстро течь (о горной реке, потоке воды)'; кирг. *шарқыра-* 'бурлить, грохотать (о бурном потоке, перекачивающем камни по дну)'; як. *сакқыра-* 'струиться, течь, сочиться' и т. д. Все эти дву-

сложные подражательные основы с вибрантом на конце в тюркских языках чаще всего самостоятельно не употребляются. Вторичный модификатор *p*, фактически являющийся аффиксом названия продолжительного действия, вместе с обозначением продолжительности, повтора выполняет и определенную звукоизобразительную функцию, сущность которой заключается в отображении длительного гремящего, грохочущего, громыхающего, трескучего звука. Данная функция непосредственно связана с вибрирующим характером сонанта *p* и в указанных двусложных образованиях является вспомогательной, дополняющей звукоизобразительность вибранта в ауслaute корневой морфемы. Звукоизобразительная особенность вторичного модификатора *p* хорошо видна особенно в тех двусложных подражательных словах, в которых наблюдается выпадение корневого ауслautного согласного *p*. Ср. каз. *сарт-сарт ет-*, *сартылда-* 'громко, резко, сильно стучать, бить', от которого в результате выпадения корневого вибранта образовалось семантически несколько отличающееся *сатырла-* 'негромко стучать, трещать, хрустеть, шелкать (напр., о проливном дожде, о ломающихся ветках, ружейном затворе и т. д.)' или *сатыр-сүтыр* подр. различной интенсивности и силы шумам: треску, хрусту, удару, стуку; узб. *ғажирла-* 'скрежетать, скрипеть, хрустеть' появилось как результат выпадения корневого *p* в подражательном глаголе *ғарчилла-* 'скрипеть, хрустеть'; кирг. *каркылда-* 'каркать, гоготать, кричать', с выпадением вибранта образовались *какылда-* 'каркать, кудахтать, говорить без умолку' и *какыра-* 'издавать грохот, треск (напр.; о гальке, камнях, осыпающихся с гор)' уйг. *вақира-* 'кричать', *гукирә-* 'гудеть', *шақира-* 'грохотать, течь с шумом' и т. д.

По-видимому, именно звукоизобразительная функция и изменения в корневой морфеме, приведшие к образованию новой основы, послужили причиной того, что при морфологическом анализе состава подражательной лексики выделение отдельных компонентов вызывает определенные затруднения. Не случайно Б. А. Серебrenников в отношении морфологической структуры таких звукоизобразительных слов, как хак. *тычыр* 'треск', каз. *сыбыр* 'шепот', як. *кычыр* подр. однократному резкому скрипу, чув. *тәпәр* подр. звуку при падении, *сәтәр* подр. легкому треску и т. п. пишет, что «в данном случае не-

ясно, содержат эти мимемы также аффикс *-yг* или же он неотделим от мимем»¹⁰³.

В отличие от ауслатного вибранта *p*, выполняющего в двусложных подражательных основах, как было показано на примерах, звукоизобразительную функцию, шелевой сонант *л* в аналогичной позиции и с тем же значением названия продолжительного действия такой функцией, на наш взгляд, не обладает. В звукоизобразительных основах каз. *тарсыл* 'громкий стук, грохот', *шыртыл* 'хруст, треск', кирг. *думпул+дө* 'издавать глухие отрывистые звуки (напр., о барабане)', *чаңкыл+да* 'ударять молотом по железу', ног. *канъкыл+дав* 'гоготать', узб. *дунгил+ла* 'ворчать, бурчать, бормотать', *вангил+ла* 'течь сильным потоком, бурлить (о быстром течении), греметь, гудеть (при быстром движении)', тув. *дыңгыл+дай* 'мелодия, которой сопровождают горловое пение' в якутском аффиксу *-л* соответствует *-(ы)н*: *таңкынаа-* 'издавать резкий, низко звенящий звук (о крупных металлических предметах)' и т. д.

«Производные на *-л*, — читаем у Э. В. Севортяна, — не получили распространения в юго-западных языках, в частности в азербайджанском. Поэтому трудно определить все варианты аффикса, употреблявшиеся в огузских языках. В азербайджанском встречаются формы: *-л* при основах с конечным гласным, *-ул/-ыл* при основах с конечным согласным. В других языках соединительными могут быть также широкие гласные *-а/е*. Значительно больше распространены рассматриваемые производные в кыпчакских и еще шире в тувинском, алтайском, хакасском»¹⁰⁴. В киргизском и казахском и других тюркских языках суффикс *-л* может выступать со значением названия процесса.

Б. А. Серебренников на основе анализа таких образований, как тув. *шылыра-* 'шелестеть', хак. *хогдыра-* 'греметь', алт. *чашила-* 'шипеть', *сарла-* 'жужжать', тат. *чирла-* 'урчать', *ыс-ла-* 'шипеть', каз. *сыбыр-ла-* 'шептать', предполагает генетическое родство первых составных элементов сложных аффиксов *-ылда* и *ырда* с аффиксами *-ла*, *-ра*, являющимися их разновидностями. «По-ви-

¹⁰³ Серебренников Б. А. Происхождение аффиксов звукоподражательных глаголов в тюркских языках // Советская тюркология. 1977. № 1. С. 6.

¹⁰⁴ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования... С. 191.

димому, эти аффиксы, — пишет он, — первоначально выражали многократность действия. Аффикс *-a* в тюркских языках также употреблялся в роли аффикса многократного действия. В современных тюркских языках представлены некоторые его реликты, сохраняющие древнее значение многократности... Существовал в тюркских языках и аффикс многократного действия *-y*, позднее выступавший как показатель страдательного залога. Имеются также косвенные доказательства того, что аффикс *-r* (варианты *-ra*, *-yr*) также имел значение многократного действия»¹⁰⁵.

Интересно отметить, что сонанты *p*, *l* значение множественности, протяженности и интенсивности имеют в самых различных языках мира, в частности в индо-европейских¹⁰⁶.

Как указывалось выше, в двусложных звукоизобразительных основах на *-(ы) л/-(а) л* сонант выступает в качестве именного аффикса со значением названия действия, процесса, после которого часто следуют глагольные аффиксы действия *-да/-де/-та/-те*, *-а*, *-ла/-ле* и т. д.

Звукоизобразительная функция вибранта *p* достаточно ясно проявляется при сравнении подражательных слов с чередующимися *-p* и *-л*: каз. *дүңкілде* 'стучать, колотить, издавать глухие отрывистые звуки' и *дүңгірле* 'звенеть, издавать глухой раскатистый звук (о домбре, небольшом колоколе и т. д.)', *шақылда* 'издавать резкие отрывистые, щелкающие или трескучие звуки, говорить четко, отрывисто' и *шақырла* 'скрипеть, трещать', *сарқылда* 'шумно кипеть, булькать, клокотать' и *сарқыра* 'шумно течь, нестись бурным потоком (о реке)'; туркм. *такгылды* 'стук' и *такырды* 'тарахтенне, громыханне'; узб. *такиллат* 'стучать, постукивать', *такирла* 'стучать, тарахтеть, стрекотать, грохотать'; кирг. *күркүлдэ* 'хрипеть, ворковать' и *күркүрө* 'греметь, грохотать' и т. д. Как видно, сонанты *л* и *p* при грамматической однозначности в обозначении продолжительного, многократного действия в звукоизобразительном плане не одинаковы, т. е. служат фоносемантическими модификаторами разных значений. В морфологическом отношении они также имеют некоторые различия: суффикс *-ла/-ле* чаще присоединяется к основе, оканчивающейся на вибрант *-p*, а суффикс *-да/-де* и т. д. к основе со щелевым

¹⁰⁵ Серебренников Б. А. Происхождение аффиксов... С. 6.

¹⁰⁶ Воронин С. В. Основы фоносемантики... С. 113.

сонантом *-л* на конце. Кроме того, после основы с ауслаутным *-р* может следовать аффикс действия *-а/-е* и т. д.

Чередование щелевого и дрожащего сонорных не во всех случаях дифференцирует значение звукоизобразительных основ: ср. узб. *тапилла-* — *тапирла-* 'топать, топотать, шлепнуться, хлопнуться', *питилла-* — *питирла-* 'трепетать, биться, беспокойно вести себя, суетиться, ерзать'. Подобная звукоизобразительная индифферентность чередующихся согласных *р* и *л* в подражательных основах менее характерна для тюркских языков, чем ранее указанная их дифференцированность. Тем не менее не учитывать такие факты нельзя, так как они являются следствием общеязыковой тенденции развития от мотивированных форм к немотивированным, т. е. процесса денатурализации звукоизобразительных слов. Этот процесс наблюдается и в случае присоединения к звукоизобразительной основе таких аффиксов, как *-аң/-ең/-ың/-ің*, *-ақ/-еқ/-ық/-ік*.

Рассмотрев морфологический состав производных основ подражательных слов, звукоизобразительную функцию модификаторов и последующих морфем, мы убедились, что звукоизобразительные основы типа СГСС как производные от соответствующих корней не являются результатом механического соединения корневой морфемы с модификатором, а представляют собой усеченный вариант глагольного или именного образования. Целью и причиной такого усечения или сокращения является создание **экспрессивной формы** звукоизобразительных слов, которой они резко отличаются от нейтральной лексики в современных тюркских языках. Происхождение же модификаторов имеет длительную историю и проходит ряд стадий: самостоятельное слово → вспомогательный глагол → аффикс → модификатор. Звукоизобразительная функция модификатора — результат его последующего ассоциирования с конкретными видами звучания в окружающей среде.

ТИПОЛОГИЯ ЗВУКОПОДРАЖАНИИ

Звукоподражание в психологическом и лингвистическом аспектах

При изучении фонетических и семантических особенностей подражательных слов, особенно тюркских языков, лингвисты чаще всего ограничиваются их выделением в качестве результата подражания различным звукам окружающего мира или же указанием на их способность выражать образное представление о состоянии предмета, его внешнем виде, характере движения и т. д.

Вместе с тем подражательные слова, их природу трудно объяснить только фонетическими, семантическими и лексикологическими методами исследования. Связь подражательных слов с онтогенезом основана на психологических особенностях приматов в процессе их эволюции.

В психологии вообще и палеопсихологии в частности при изучении подражания или имитации данную реактивную способность живого прежде всего рассматривают как особый вид взаимоотношений двух или нескольких индивидов.

По мнению Л. Г. Воронина, у низших обезьян подражание играет существенную роль при выработке положительного условного рефлекса у вожака в присутствии других обезьян, а также при развитии мимико-жестикультяционной сигнализации, в случае привыкания к новым условиям. У обезьян ряд врожденных рефлексов вскоре после рождения проявляется именно в силу подражания взрослым, т. е. имитирование ранее еще никогда не производившегося действия как бы «открывает» врожденный рефлекс¹.

¹ Воронин Л. Г. Анализ и синтез сложных раздражений у высших животных. М., 1952. С. 75; и др.

В. А. Кряжев считает, что подражание или подражательные рефлексы животных обычно выражаются в повторении одним животным сложных поведенческих реакций, отдельных движений и различных действий, производимых другим животным. Рефлекторный акт одного животного является специфическим сигналом, вызывающим специфическую реакцию другого животного².

Подражания или имитацию психологи рассматривают как безусловный рефлекс, при этом рефлекс особого рода, эволюционно очень древний, т. е. присущий уже относительно низким этапам развития головного мозга и животного царства³.

Безусловные рефлексы, или проявления древнего инстинкта, можно разделить на зрительно-двигательную и слухо-вокативную имитации, основанные соответственно на зрительном и слуховом восприятии движения или звука. «Из двух видов имитативности — двигательной (зрительной) и вокативной (слуховой), последняя выражена у шимпанзе и других антропоидов слабее, чем первая. Впрочем... работы Фирсова, Казаровицкого, а также Йерксов и других показали известные возможности слухо-вокативной имитации, явно большие, чем у низших обезьян. Зрительно-двигательная имитативность у антропоидов необычайно высока»⁴.

В сущности подражательный рефлекс исходит из наследственной готовности организма для конкретного действия. «Мы считаем, — пишет В. С. Мухина, — что любое животное может подражать лишь тому, что отвечает его природе»⁵. Данный вывод, будучи вполне обоснованным в плане логики психологических исследований животного мира, еще не объясняет природы, причинности самого явления. Можно предположить, что само подражание в плане причинности появления и конкретного функционирования есть необходимое для животного свойство, в процессе общей эволюции способствующее его приспособлению к окружающей среде.

² Кряжев В. А. Высшая нервная деятельность животных в условиях общения. М., 1965. С. 62, 63, 224.

³ См.: Хотин Б. И. К вопросу о генезисе подражания у животных // Труды гос. ун-та по изучению мозга им. Бехтерева. 1947. Т. 15.

⁴ Мухина В. С. Исследование подражательных способностей шимпанзе к простейшим графическим изображениям // Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965. С. 64.

⁵ Там же.

Подражание, или имитация, будучи способом закрепления, обобщения отраженной объективной действительности, тем самым представляет собой форму производства реальности и конкретности для общения индивидуумов, коллектива, общества на первоначальном этапе его развития. Значит, не к первоначальному этапу можно отнести слова В. А. Кряжева о том, что «не только онтогенез, но и филогенез нельзя рассматривать ограниченно, только в плоскости индивидуального развития организма; сложность и совершенствование функций организмов всех видов животных есть также результат взаимодействия организмов, и поэтому рефлексы общения являются в высокой степени прогрессивным фактором эволюции и всех прогрессивных форм адаптации»⁶.

При рассмотрении подражательности у приматов и у человека большинство советских и зарубежных исследователей приходит к заключению об огромном эволюционном подъеме интенсивности этого явления в конкретной последовательности от низших обезьян — к высшим, от высших — к ребенку человека.

По наблюдениям психолога Р. Заззо, у ребенка в доречевом возрасте, начиная с одного месяца, подражание имеет больший размах, больший диапазон, чем у обезьян, в том числе у детенышей обезьян⁷. Высочайшая двигательная, мимическая, вокативная имитативность в раннем онтогенезе ребенка, в свою очередь, является важным подкреплением гипотезы о том, что близкие эволюционные предки современного человека обладали более сильной имитативностью, чем высшие обезьяны.

Как известно, единственным способом подключения ребенка к языковой среде является подражание. Психически и физически нормально развивающийся ребенок способен овладеть любым языком вследствие отсутствия у него наследственной предрасположенности к родному языку. В начальном периоде ребенок обучается звукам, словам, формам родной речи только через внешнее, не несущее смысловой нагрузки, механическое подражание речи окружающих его людей. В связи с этим И. М. Сеченов писал: «В процессе развития способности говорить

⁶ Кряжев В. А. Рефлексы общения, их механизм и эволюционное значение // Биологические основы подражательной деятельности и стадных форм поведения. М.; Л., 1965. С. 48.

⁷ Заззо Р. Психологическое развитие ребенка и влияние среды // Вопросы психологии. 1967. № 2.

принимает участие со стороны ребенка еще один важный фактор — инстинктивная звукоподражательность. Выясненный в сознании звук или ряд звуков служит для ребенка меркой, к которой он подлаживает свои собственные звуки и как будто не успокаивается до тех пор, пока мерка и ее подобие не станут тождественны. Физиологических основ этого свойства мы не знаем, но ввиду того, что подражательность вообще есть свойство, присущее всем без исключения людям, притом пронизывает всю жизнь... легко понять, что для людей она имеет все характеры родового признака»⁸.

В отношении развития имитативной способности Б. Ф. Поршнев считает, что есть «все основания приурочить время расцвета этого свойства высшей нервной деятельности к филогенетическому промежутку между антропоидами (высшими обезьянами) и современным человеком. Иными словами, косвенные данные как со стороны динамики этого явления в развитии обезьян, так и со стороны положения дел у человека ведут к уверенности, что ископаемые триглоттитиды обладали максимумом имитативности, возможно, на грани «критической величины»... у триглоттитид имитативность достигла небывалого расцвета, может быть, играла роль самого сильного регулятора поведения... при этом еще и не могло быть второй сигнальной системы... это лишь ее необходимая эволюционная предпосылка»⁹. Способность неадекватного рефлекса одного организма при стечении благоприятных биологических условий провоцировать имитативный рефлекс у другого организма, тем самым оттесняя иные реакции и действия этого последнего, автор рассматривает как «нерациональный физиологический акт» и называет интердикцией¹⁰. Интердикция, по Поршневу, составляет высшую форму торможения в деятельности центральной нервной системы позвоночных и образует фундамент, на основе которого возможен переход от первой сигнальной системы ко второй — человеческой речи. «Подражая видовым голосам животных, в немалой части представляющих собой неадекватные рефлексы, — пишет он, — палеоантроп был вооружен

⁸ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 265.

⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: (Проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 321, 331.

¹⁰ Там же. С. 334.

сильным и небывалым оружием: он вызывал их имитативно-интердиктивную реакцию. В своем нечеловеческом горле он собрал голоса всех животных раньше, чем обрел свой специфический членораздельный голос»¹¹.

Исходя из наблюдений психологов, можно заключить, что подражание играет важную роль не только в процессе овладения речью детьми, но и в длительном процессе происхождения и формирования членораздельной речи человека, служа той базой и тем способом, на основе которых произошло становление функциональной специфики органов речи. Приобретение артикуляторных навыков на имитативной основе, в свою очередь, предполагает использование естественных и наиболее выразительных средств, которыми сначала главным образом служили звукоизобразительные элементы. Лингвизация этих элементов как и создание на их основе множества других языковых знаков — результат длительного исторического развития средств речевой коммуникации.

* * *

В лингвистической литературе довольно широкое распространение получило мнение о том, что звукоизобразительные слова в определенной степени противопоставлены всей остальной лексике. В связи с этим некоторые исследователи рассматривают эти слова как слабо подчиняющиеся фонетическим, а иногда и грамматическим законам, обязательным для остальной лексики, в силу своей периферийности составляющие особую фонологическую подсистему¹².

Согласно С. М. Толстой, «следует признать сильно преувеличенным представление о звуковом «анархизме» оноματοпечической лексики, по крайней мере той, которая не относится к так называемым непосредственным имитациям и носит следы грамматической и словообразовательной оформленности, что и обеспечивает в сущности ее принадлежность к языку»¹³. Всю звукоизобразитель-

¹¹ Там же. С. 360.

¹² Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., С. 277—316; Бубрих Д. В. К проблеме изобразительной речи // Уч. зап. Карело-финского ун-та. Петрозаводск, 1948. Т. 3. Вып. 1; Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943; и др.

¹³ Толстая С. М. Фонетические наблюдения над оноματοпечическими образованиями с суффиксом -oi в верхнеудуицком // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 272.

ную лексику одного или нескольких языков фактически можно соотнести с различными этапами лексикализации, отраженными в последовательном ряду эволюционно-структурных моделей языковой системы.

По утверждению Г. Рамштедта, «ономатопеические слова часто обсуждались в связи с различными языками, однако... никто никогда не пытался исчерпывающе и систематически исследовать этот материал»¹⁴. Со времени, к которому относится данное утверждение, положение изменилось. В отечественном и зарубежном языкознании в последние годы завершен ряд работ, отличающихся широкомасштабными обобщениями богатого фактического материала и глубоким теоретическим обоснованием главных положений звукоизобразительности.

По словам индосвропенста Ф. Бруни, «языковеды и психологи, которые приписывают языку естественное происхождение, всегда считали, что ономатопея является наиболее плодотворной матерью языка... В семитских языках, в частности в еврейском, ономатопеическое образование в высшей степени ошутимо в большом числе корней, и особенно таких, которые имеют явный характер древности и односложности»¹⁵.

С точки зрения Б. М. Юнусалиева, «человек, обладающий таким мощным орудием выражения своих чувств, мыслей, как язык с его членораздельной звуковой системой, при необходимости имеет возможность хотя бы приближенно воспроизвести полученные от внешней среды звуки теми средствами, какие имеются в фонетическом инвентаре языка. Иначе говоря, человек вполне способен, используя фонетическую систему языка, отображать, хотя бы приблизительно то, что воспринято его органами чувств от внешнего материального мира, т. е. воспроизводить результат своих слуховых ощущений в виде звуковых комплексов. Так, должно быть, возникли корни-слова, выражающие представления о звуковых явлениях»¹⁶.

Изобразительная лексика как часть лексического фонда любого языка, по убеждению А. Т. Кайдарова, «относится к продуктам наиболее древнего периода его

¹⁴ *Ramstedt G. S. Über onomatopoeische Wörter in den altaischen Sprachen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1951. 55. P. 106.*

¹⁵ *Bruni F. L'origine del linguaggio. Roma, 1958. P. 7.*

¹⁶ *Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959. С. 155.*

развития. В ней отражена специфика миропонимания и образа мышления, способы конкретного или обобщенного выражения в звуковых символах всего многообразия образных представлений, чувственных впечатлений, психологических и других восприятий человека, зрительных, слуховых, цветовых, двигательных явлений в природе, а также действий самого человека»¹⁷.

Указанные семантические особенности и занимаемое звукоизобразительными словами место в лексическом фонде языка, их стилистическое своеобразие, большая экспрессивность и широкое распространение в разговорной речи, очевидно, обусловили их полное отсутствие или спорадичность в письменных памятниках древности.

В связи с этим интересно отметить, что в письменных памятниках Индии звукоподражания в качестве литературных слов были признаны лишь в сравнительно поздний период (V—VII вв. н. э). «В эпоху классического санскрита запрещалось употреблять эти слова из-за их простонародного («вульгарного», по представлениям того времени) характера. Звукоподражательные же глаголы были допущены в широкое употребление лишь в VII в.»¹⁸.

В орхонских и енисейских памятниках нелексикализованные подражательные слова также не встречаются. Обусловленный тематической направленностью содержания текстов данный факт является свидетельством стилистического своеобразия памятников, отражающих не живую разговорную речь, а образцы «тюркского письменно-литературного языка»¹⁹.

В древних семитских памятниках звукоизображения междометного типа, неоформленные морфологически, почти не употребляются. Так, в библии (в основном, в пророческих книгах) можно найти «лишь некоторое число междометий в наиболее узком смысле, передающих вздох и выкрик, типа «ах!», «ох!», «ой!», употребляемых в смысле «увы!»... в том числе возглас злорадства «ага!». Подражания внешним звукам, неоформленные морфологически, в библии вообще не отмечены...

¹⁷ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С. 169.

¹⁸ Чернышев В. А. Звукоподражательные глаголы хинди // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 255.

¹⁹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 3.

Словари арабского языка, как туземные, так и европейские, также не приводят неформальных звукоподражаний, а если приводят в небольшом количестве, то лишь для пояснения звукоподражательных глагольных корней»²⁰.

И в настоящее время сфера употребления звукоподражательных слов имеет свои ограничения: они чаще встречаются в разговорной речи, в художественных произведениях и гораздо реже или же вовсе не встречаются в публицистике, официальных документах и научном тексте.

В разговорной речи современных языков звукоподражательные слова вместе со всеми другими словами несут обычную коммуникативную функцию. В процессе общения эти слова не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в уже установившейся, сложившейся форме в соответствии с фонетическими особенностями конкретного языка и его типологическими закономерностями, связанными с рядом акустических, психических и других аспектов.

С лексико-морфологической точки зрения в большинстве исследуемых языков звукоподражательные корни можно разделить на две основные группы: корни, имеющие статус самостоятельного слова, и корни, встречающиеся только в составе какой-либо части речи, чаще всего в составе глагола, и не употребляющиеся самостоятельно. В связи с тем, что звукоподражательные слова не склоняются и не спрягаются, большинство исследователей тюркских языков относят их к классу неизменяемых слов, а в лексико-грамматическом плане — к междометиям, наречиям или к самостоятельной части речи.

Несмотря на то что звукоподражательные слова в отдельных грамматиках отнесены к междометиям или наречиям, они имеют ряд отличительных признаков и свойств. В отличие от наречий в плане происхождения они имеют совершенно иную мотивационную основу, так как генетически связаны с определенным символизирующим элементом или подражательным комплексом звуков. В предложении звукоподражательные слова несут более широкие функции, чем наречия, при этом чаще всего они семантически связаны с обозначением различных звуков окружающей действительности. Возмож-

²⁰ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965. С. 91.

ность сочетания одиночных звукоподражательных корней и основ в отличие от наречий в значительной степени ограничена.

Основное отличие звукоподражательных слов от междометий заключается в том, что в отношении последних наблюдается последовательность — эмоция (причина) → крик (следствие), а в отношении первых — эмоция (мысль) → понятие (причина) → обобщенное звукоизображение (следствие)²¹.

Различия между междометиями и звукоподражательными словами наблюдаются и в плане их синтаксических функций: первые грамматически не связаны с членами предложения, а вторые — наоборот, несут в предложении определенную синтаксическую нагрузку. Изобразительные слова воссоздают то или иное действие или образ действительности картинно и целостно. В связи с тем, что изобразительные слова характеризуют именно данное конкретное явление, действие, звук или образ, их значение обладает меньшей степенью обобщения, чем значения обычных слов. При этом изобразительные слова характеризуют то или иное явление всегда с ярко выраженной экспрессивностью, придавая эмоциональную окраску всему высказыванию.

На базе основных, конкретных значений у звукоподражательных глаголов развиваются переносные значения, в результате чего они утрачивают свой конкретный характер, приобретают более абстрактную семантику, которую уже нельзя свести только к процессу передачи звучания. Звукоподражательный глагол употребляется в переносном значении для создания более яркого представления о действии, для более образного его выражения.

Сравнительно-типологический анализ звукоподражательных слов

В работах, посвященных звукоизобразительным словам казахского языка²², исследователи ограничивались

²¹ Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984. С. 55.

²² Искаков А. II. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1964; Сарыбаев Ш. Ш. Подражательные слова и их отношение к междометиям // Изв. АН КазССР. № 135.

выделением какого-либо одного звука как выразителя звукоизобразительных свойств слова, тогда как этими свойствами во многих случаях обладает комплекс звуков. Сходство звуков речи в слове с некоторыми природными звуками они рассматривали как результат раздражительных действий человека, причем как результат субъективного восприятия человека, а не объективный факт. Описание фонетической и морфологической структуры, лексических особенностей и синтаксической функции дано на материале лишь одного языка без сопоставления с родственными и тем более неродственными языками, что ограничивает возможности семантического и морфологического анализа. Недостаточное внимание уделено проблеме звукоизобразительности в плане ее источников и ее места как в истории происхождения, так и в развитии лексического состава языка.

Попытаемся рассмотреть звукоизобразительность в казахском языке как цельную исторически сложившуюся систему со своими закономерностями и отличительными моментами.

Сопоставительный анализ звукоизобразительных корней и лексем как родственных, так и неродственных языков мы проводим на основе ряда принципов, позволяющих определить генетическую и типологическую близость сравниваемых фактов. Так как в природе звуки, производимые различными предметами и животными, будь то шумы или звуки чистого тона, наряду с различиями в силе, высоте и интенсивности часто сходны друг с другом, то при сопоставлении конкретных звукоизобразительных корней и лексем мы будем учитывать их относительное равенство в плане выражения сходных звуков, а также то, что в одних языках для передачи сходных звуков имеется несколько варьирующихся форм, в других эти же самые звуки могут обозначаться одним звукоизобразительным словом.

В некоторых языках «чистая», т. е. самостоятельно употребляемая, форма звукоизобразительного корня или основы на современном этапе развития уже утрачена и встречается только в именных и глагольных образованиях. Поэтому факты звукоизобразительности в подобных случаях мы даем в гипотетически восстановлен-

Сер. филол. и искусств. 1954. Вып. 1—2; Катембаева Б. III. Подражательные слова в казахском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965; и др.

ных формах посредством указания на ряд производных от одного корня. Приводимая по отдельным языкам парадигма кроме выделения корневой морфемы позволяет наблюдать значительные словообразовательные возможности звукоизобразительного корня.

Часто анлаутные согласные звукоизобразительных слов одинакового или сходного значения в одном или нескольких родственных или неродственных языках имеют фонетические варианты, что также будет нами учитываться. Аналогичные чередования, изменения могут происходить и в огласовке, т. е. при одинаковом составе согласных корня анлаутные гласные, не влияя на значение слова, могут переходить в другие гласные, чаще всего близкие по ряду или подъему.

Наконец «надо помнить... что не все языки одинаково приспособлены к удачному звукоизображению вследствие того, что в ряде языков невозможны многие звуки или целые сочетания звуков, и не делать отсюда вывода о «субъективности» звукоизображения вообще»²³.

Фактический материал (более 9500 звукоизобразительных корней, основ и их дериватов) по исследованным языкам помимо произведений художественной литературы и словарей (см. список в конце книги) собран из работ следующих авторов: А. Т. Кайдаров, А. И. Искаков, Ш. Ш. Сарыбаев (казахский язык)²⁴, Л. Н. Харитонов²⁵ (якутский язык), М. Худайкулиев²⁶ (туркменский язык), А. М. Газов-Гинзберг²⁷ (русский, литовский, таджикский, осетинский, малайский, японский и семитские языки), Н. И. Ашмарин²⁸, Г. Е. Корнилов²⁹ (чувашский язык).

²³ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен ... С. 16.

²⁴ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней...; Искаков А. И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 103—111; Сарыбаев Ш. Ш. Подражательные слова и их отношение к междометиям // Изв. АН КазССР. Сер. филол. и искусств. 1954. Вып. 1—2. С. 46—54.

²⁵ Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

²⁶ Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962.

²⁷ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен...

²⁸ Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та общ. наук. 1925. Т. 2—3. С. 143—157; Т. 4—5. С. 75—99.

²⁹ Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

Звукоизобразительная система казахского языка состоит из двух подсистем: звукоподражательной и звукосимволической. Проведем сравнительно-типологический анализ звукоподражательной подсистемы, основанный на (психо)акустических характеристиках связи звукообозначений с различными денотатами. Для этого сначала рассмотрим казахские звукоподражательные корневые морфемы и их производные, затем аналогичные образования в других тюркских языках (по 1—2 из кыпчакской, огузской, карлукской, якутской, чувашско-булгарской и южносибирской групп), после чего в монгольских, тунгусо-маньчжурских, индоевропейских, семитских и некоторых других языках.

Тақ-, тоқ-, тық-, дық-, дүк-, дік- подр. различным стукам (ударам жестких незвонких предметов): *тақ-тақ ет*, *тақылда-* 'стучать, издавать характерный звук при ударах о деревянную поверхность; тараторить, говорить без умолку', *тоқылда-* 'стучать, издавать отрывистый приглушенный звук; курлыкать, издавать резкие крики (о птицах)', *тықылда-* 'постукивать, стучать тихо', *дық-дық ет-* 'постукивать (напр., о каблучках)', *дүк-дүк ет-* 'издавать глухие звуки', *дік-дік ет-* 'издавать тихие приглушенные звуки, тихо стучать (напр., о пульсе)'.

В данных примерах основным показателем силы звучания является инлаутный гласный, вертикальные вариации которого соответствуют звукам сильного или слабого приглушенного удара. Звонкость/глухость анлаутного согласного в семантическом плане также оказывается релевантной. Смычный согласный на конце передает краткость звучания при ударе по твердым, чаще всего деревянным предметам. Образование подражательной основы происходит путем присоединения аффиксов *-ал/-ыл*, *-ар/-ыр*, придающих значение многократного действия. При сопоставлении казахских звукоизобразительных форм с аналогичными образованиями других тюркских языков обнаруживается полное соответствие, что говорит об устойчивости данной модели: кирг. *так-так* 'стук-стук, тук-тук, трах-трах', *такылда-* 'издавать звонкие резкие звуки, стучать; говорить четко'; туркм. *так* подр. звуку при ударе о предметы из дерева чем-либо твердым, *такгылды* 'стук', *такырды* 'тарахтение, громыхание'; як. *тах* подр. звуку легкого удара по сухой коже; узб. *так* подр. стуку; *такиллат-* 'стучать, постукивать', *такир-тукур* подр. дробному стуку (напр., при па-

дении мелких предметов на твердую поверхность или при стучании зубами от холода).

Др.-тюрк. *toq toq* подр. стуку (МК I, 332), *toqıtaq* 'деревянный молоток, колотушка' (ДТС, 576); кирг. *ток* 'тук' (однократно), *токулда-* 'издавать глухой стук (напр., при ударе деревянным предметом о деревянный)'; туркм. *токмак* 'колотушка, деревянный молоток', *токмакла-* 'колотить, бить'; як. *тоһугураа-* 'производить учащенный легкий стук (о каблуках, небольших твердых предметах)'; узб. *тўк* подр. стуку, *тўк эт-*, *тўкилла-* 'стучать, постукивать'; тув. *догдура-* 'падать, стучать, дробно стучать', *токкула-* 'раздаваться (о стуке), постукивать (напр., о каблуках туфель)'; хак. *тохпах* 'дубина, деревянный молоток', *тохлат-* 'стучать, барабанить, хлопать, колотить'.

Др.-тюрк. *tikir tikir et-* 'издавать легкий треск, хрустеть' (МК I, 361), *tikrā-* 'стучать копытами, цокать' (МК III, 280); кирг. *тык-тык* подр. тихому стуку, *тыкылда-* 'отрывисто, часто и негромко стучать, постукивать; говорить бойко, четко и негромко'; туркм. *тык-тык* подр. легкому стуку о деревянные предметы, *тыкырда-* 'грохотать (о телеге), шуршать, шелестеть', *тыклат-* 'стучать'; як. *тык* подр. легкому треску, легкому стуку мгновенного движения; узб. *тик* подр. стуку (тихому, негромкому), *тикирла-* 'тихонько стучать, постукивать'; тув. *тыккыла-* 'стучать, постукивать, тикать (напр., о часах)'; хак. *тукли-* 'стучать, биться, колотиться (о сердце)'.

Др.-тюрк. *dūk ur-* 'ударить (слегка), ткнуть (кулаком)' (МК I, 334); кирг. *дук* подр. сильному биению сердца, *дукүлдө-* 'стучать'; туркм. *дук* подр. однократному глухому звуку, возникающему при ударе, при падении тяжелого предмета на землю; узб. *дук эт-*, *дукилла-* 'глухо стучать, издавать глухой звук', *дукурла-* 'глухо стучать'.

Кирг. *дик-дик* 'тук-тук', *дикилде-* (о сердце) 'биться, стучать (от страха)', туркм. *дикир-дикир* подр. звуку множества ослиных копыт; узб. *дикилла-* 'двигаться скачками, подпрыгивать (при движении, ходьбе)'.

Звуконзобразительная модель подражания стуку в тюркских языках т [д] + гласный + к [к, г] прослеживается в монгольском (*тугших-* 'колотить, бить колотушкой') и в тунгусо-маньчжурских (маньчж. *тук-тук* подр. стуку, эвенк. *тука-* 'выдалбливать') языках.

Устойчивость данной модели сохраняется в индоев-

ролейских, семито-хамитских и в целом ряде других неродственных языков, что позволяет рассматривать ее как универсальную. Ср.: рус. *тук*, (*с*) *тук*; литов. *tuuk-*, *tuynk-*, *tak-*; тадж. *тук- таққ-*, *тик-*, *дук-*, *даққ(и)*; малай. *tuktuk*, *toetoeek*; яп. *tataku*, *doka*; араб. *duk*, *DKDK*, *DKK*, *TKTK*, *TKK*, *DBK*; евр. *DPK*. Этот вид удара, т. е. сверхкраткого, мгновенного шума или тона, человеческим ухом воспринимается как акустический удар. Селькупское *kat* является равносоставным фоносемантическим вариантом указанных слов.

Тап-, топ-, тып-, дап-, дүп- подр. топоту, резкому стуку по мягкому предмету, отрывистому приглушенному звуку: *тапыр-түпыр* 'топот, грохот', *тапылдап-* 'топать, топотать', *табан* 'ступня', *топыр* 'топот, стук обуви при ходьбе', *топырла-* 'топотать, стучать ногами, идти гурьбой, группой', *тобық* 'лодыжка, щиколотка', *тыпырла-* 'топтаться, не стоять на месте, быть беспокойным, волноваться', *дабыл* 'бубен, вид барабана, сигнал, призыв', *дабыр* 'шум-гам, гомон, голоса людей, переполох', *дүпiлде-* 'стучать, колотиться (о сердце), постукивать, издавать тихий глухой стук'.

При обозначении данного вида шума дифференциация силы звучания происходит за счет вертикальных вариаций гласных и глухости/звонкости согласного в анлауте. Приглушенность звука, характерного при топоте, передается губным взрывным, который в случае утраты значения звукоизобразительности в интервокальной позиции может подвергаться озвончению (*тап* > *табан* 'ступня'). Варианты со звонким анлаутом семантически несколько отдалены и являются производными от исходного, сохранившегося у звукоизобразительных форм с глухим анлаутом.

Звукоизобразительная модель *t[d] + гласный + n* в масштабе тюркских языков типична при обозначении топота и т. п. действий и звучаний.

Др.-тюрк. *tap tap ur-* 'шлепать' (МК III, 145), кирг. *тап-тап* 'шлеп-шлеп (напр., ступней по земле или ладонью по чему-л.)', *тапта-* 'подмять, придавить, гладить, поглаживать, хлопать' и другие значения; туркм. *тапыр-тапыр* подр. монотонному топоту множества ног, копыт; як. *тап* подр. легкому хлопанию, легкому удару, *табий-* 'бить сверху вниз', *таптай-* 'сплющивать ударами, отбивать; пошлепывать, похлопывать'; узб. *тап* подр. глухому

звучу от удара или падения, *тапилла-* 'топать, топотать; шлепнуться, хлопнуться'; тув. *тапта-* 'ковать, чеканить, отбивать (косу), топтать, мять ногами, растаптывать, утаптывать, трамбовать', *таптааш* 'молоток (для отбивания косы)'; хак. *тапти-* 'ковать (железо), клепать'.

Др.-тюрк. *toprat-* 'вытаптывать, выбивать (напр., траву)' (МК II, 330); кирг. *топ* подр. глухому стуку, *топ эт-*, *топулда* 'падать со стуком, плюхнуться', *тополоң* 'переполох, паника, суматоха'; як. *топ* подр. легкому стуку по твердому предмету, *тсбуй-* 'колотить, стучать в одну точку'; узб. *топта-* 'топтать, растаптывать, травить'; хак. *топлааны* 'топот'.

Кирг. *тып* 'кап' (подр. звуку упавшей капли, отрывистому звуку), *тып-тып бас-* 'идти мелкими шажками, семенить', *тыпылда-* 'шлепать (быстро, часто)'; як. *тип* подр. глухому отрывистому стуку, *тэп* подр. легкому отрывистому стуку; узб. *типирла-*, *типирчила-* 'трепыхаться, барахтаться, биться в конвульсиях, топать ногами, торопиться, спешить'.

Кирг. *дабыра-*, *дабыр сал-* 'производить топот, грохотать', *дабыр-дүбүр* 'топот, грохот', *дабыш*, *добуш* 'голос'; туркм. *дабыр-дабыр* подр. сливающимся в общий гул топоту галопирующих лошадей; як. *дабдыгыраа-* 'учащенно и громко стучать, барабанить (о дожде)'; узб. *доврук* 'слава, известность, молва', *довул* 'буря, ураган, барабан ночного сторожа'; тув. *дадыра-* 'раздаваться (о топоте), строчить (о пулемете)'.

Кирг. *дүп* подр. глухому, сильному (напр., ружейному выстрелу) или слабому (напр., топанию ногой о землю, об пол) звуку, сильному биению сердца, падению тяжелого предмета; як. *түбүгүрээ* (<*туп*) - 'учащенно производить глухой отрывистый стук (напр., о пулемете и т. п.)'; узб. *дупир* подр. топоту, глухим прерывистым звукам.

Тюркскому *топыр*, *дүбір* в монгольском соответствует *тувэр* подр. топоту, в нанайском — *топол-топол* подр. звукам шагов, в негидальском — *топ-топ* подр. стуку копыт, корневая морфема которых построена по вышеуказанной звукоизобразительной модели. При более широком сопоставлении обнаруживается значительная близость обозначений топота в самых различных языках. Ср.: рус. *топ*, (с) *туп-*; литов. *dip-*, *stip*; тадж. *тун*; осет. *t'urr-*, *zurr-*; малай. *tap*, *taptab*; яп. *babi*; араб. *ТВТВ*,

ДВОВ, ДВК, евр. *TPP*; англ. *tap*- 'стучать, постукивать'; индонез. *detap* 'стук'.

По утверждению Х. Марчанда, «начальные... символы [t] и [d] часты в словах, обозначающих удар или стук по чему-либо. Они могут быть имитированы благодаря движению языка: кончик языка ударяет о зубы или альвеолы и отнимается со взрывом»³⁰.

Однако возможна и другая интерпретация звукоизобразительной функции аналитного согласного, по которой «взрыв переднеязычный выбран здесь потому, что это один из наиболее сильных (вследствие силы органа) взрывных звуков речи; так как шум создается здесь при участии твердого тела (твердое небо, зубы), фонема подходит для передачи звука удара твердых тел в природе (в отличие от губного взрыва, где участвуют лишь мягкие органы)»³¹.

Конечный согласный звукоизобразительного корня со значением топота обозначает шлепающий удар, при котором происходит контактирование плоских поверхностей предметов. Следовательно, типологически общей или универсальной в рамках указанных языков звукоизобразительной моделью обозначения топота и его производных будет т[ɔ] + гласный + н [ɔ].

Гүр-, гүл-, дар-, дүр-, дыр-, дір-, зыр-, күр-, тар-, тыр- подр. грому, грохоту, тарахтению, дребезжанию и другим шумам, производимым в результате многократно вибрирующих движений предметов. В казахском языке производных, образованных от данных звукоизобразительных форм, около ста, поэтому приведем лишь некоторые из них: *гүрілде*- 'греметь, гроыхать, гудеть', *гүрсет*- 'грохнуться, бухнуться', *гүлдір* 'гроыхание, тарахтение', *дарылда*- 'говорить громким грубым голосом, греметь, тарахтеть', *дүр-дүр* подр. тарахтению, гроыханию (напр., землетрясения, мотора, огня, потока воды и т. д.), *дыр ет*- 'затарахтеть, загудеть, шумно развывать (материю)', *дірілде*- 'дрожать, трястись (напр., от холода или страха)', *зырыл* 'гул, шум визгливо дребезжащих станков и т. д.', *күрілде*- 'гудеть, шуметь, гроыхать, греметь (о громе, моторе, горной реке, грубом голосе и т. д.)', *тарсылда*- 'стучать, колотить, тарабанить', *тырыл* 'дре-

³⁰ Marchand H. Phonetic symbolism in English Wordformation // IF. 1959. 64. P. 147.

³¹ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 53, 54.

безжанные, гул мотора, трескотня' и т. д. Основным звукоизобразительным элементом этих корневых морфем является дрожащий сонорный *p*, в силу своего артикуляторного своеобразия естественно передающий указанные значения.

Анлаутные согласные и инлаутные гласные обозначают лишь оттенки и силу звучания. Лабиальные гласные употребляются при передаче глухого раскатистого звука. Плоскощелевой *э* в анлауте, несколько отличаясь в звукоизобразительном плане от смычных, указывает на более высокую тональность подражаемого звука.

В других тюркских языках звукоизобразительная модель «переднеязычный смычный... дрожащий сонант *p*» при обозначении грома, грохота и т. д. оказывается также очень устойчивой, при этом семантический разнорбой (в определенных рамках) возможен только в связи с вторичной звуковой ассоциативностью того или иного модификатора:

Кирг. *гүрүлдө-/күрүлдө* 'тремать, бушевать, реветь (о реке)'; туркм. *гүр* подр. тарыхтению трактора, гудению самолета, шуму разговора и т. д.; узб. *гүр* подр. гулу, грохоту, шуму, *гурилла-* 'пылать, гореть (с шумом, треском, гулом)', уйг. *гүрүлдәш* 'грохот, громыханье', *гүрсүлдәп чүшмәк* 'грохнуть'.

Кирг. *даркылда-, даркыра-* 'говорить громко и грубо, гáркать, горланить'; туркм. *дарав-дарав* образн. слово, означающее разорванные на клочья предметы (напр., ткань, бумага и т. п.); як. *дар* подр. громкому дребезжающему звуку (напр., расколотой доски); узб. *дардарак* 'жужжалка-трешотка (у бумажного змея в виде бумажной ленты)'; тув. *дарс дээр-, дарс кынныр-* 'треснуть, издавать треск (напр., о выстреле)', *дарыла-* 'тарыхтеть (напр., о тракторе)'.

Кирг. *дүр* подр. гулу самолета, вспыхиванию огня, *дүрс* подр. сильному стуку, *дүрт* подр. взрыву, вспышке; туркм. *дирк-дирк* подр. стуку копыт животного или ног человека при быстрой ходьбе, *дүрк-дүрк* подр. глухому тяжелому топоту, стуку; як. *двурулла-* 'быстро проноситься с журчаньем, промчаться, оставляя длинный прямой след'; узб. *дўрилла-* 'становиться грубым, ломаться (о голосе), басить'.

Кирг. *дырылда-* 'издавать дрожащий звук, жужжать'; як. *дыр-дыр* подр. частому дребезжанию, ощущению мелкой дрожи, резкого нервного возбуждения; тув. *дириле-*

'гудеть, производить гул (напр., о моторе, станке)', *дирт-дарт* подр. внезапному шуму.

Кирг. *дирилде-*, *диркире-*, *дилдире-* 'дрожать, трястись, трепетать'; туркм. *тирс-тирс* подр. легкому вздрагиванию; як. *дир* подр. глухому дребезжанию; узб. *дир-дир тигра-* 'сильно дрожать, трястись, трепетать', *дирилдок* 'студень'.

Кирг. *зыр* подр. быстрому продолжительному движению, *зыркыра-*, *зырылда-* 'мчаться'; як. *сир* подр. свистящему звуку быстро промчавшегося в воздухе предмета; узб. *зирилла-* 'дрожать, трястись, дребезжать', *зыр* подр. быстрому отрывистому движению.

Др.-тюрк. *kürlän-* 'греть, грохотать' (МК II, 252); кирг. *куркурө-* 'греть, грохотать', *күрс* подр. отрывистому резкому звуку (напр., громкому, отрывистому кашлю, резкому удару плети, грубому выкрику); туркм. *күрк* 'наседка, клушка', *күрк-күрк* подр. квохтанью, клохтанью наседки; як. *кур* подр. звуку при обвале, проваливании льда, сухой земли, мелких камней и пр.: *кур* подр. звуку падения множества мелких предметов или осколков; узб. *гүр* подр. гулу, грохоту, шуму, *гүрилла* 'пылать, гореть (с шумом, треском, гулом)'.

Др.-тюрк. *tärs tärs ür-* 'колотить' (МК I, 348); кирг. *тарс* 'стук!, бряк!', *тарсыл* подр. резкому отрывистому звуку; туркм. *тарс-тарс ур-* 'бить, стучать, колотить', *дарс-дарс* подр. отрывистому сильному звуку, издаваемому при ходьбе; як. *тачыгыраа-* 'сильно и резко шелкать, трещать (о падающих камнях и т. п.)'; узб. *тарс* подр. треску, *тарсаки* 'пощечина', *тарсилла-* 'трещать, трескаться (о дровах, лопнувшей дыне, выстреле из ружья и т. п.)'; хак. *тарсылат-* 'бить, ударять, бухать'.

Др.-тюрк. *türtürt jirt-* 'разрывать что-л. с треском' (МК I, 341); кирг. *тыр-тыр* подр. пулеметной очереди, *тытыра-* 'издавать треск, трещать (напр., о рвущейся материи, бумаге), строчить (напр., о пулемете)'; як. *тыыр-тыыр*, *тыыр-таар* подр. звуку царапания сухой шершавой кожи, разрывания материи, фыркания, сморкания и т. п.; тув. *тырыла-* 'вибрировать, производить вибрирующий звук'; хак. *тырбахти-* 'царапать, царапаться'.

В монгольском казахскому *дүр-дүр* в значении 'гудеть, греть' соответствует *пир-пир* или *дур*. В тунгусо-маньчжурских языках также встречаются звукообразительные формы, по своей звуковой структуре очень

близкие к однозначным тюркским образованиям. Ср.: эвенк. *тирги-* 'трещать, гроыхать, шуметь', *дэрги-* 'вздрыгнуть'; нан. *дэрги-* 'дрожать, трястись (о саях, нарте)'

Рассматриваемая модель как в алтайских, так и в других языках полисемантична и может обозначать самые различные оттенки гремящего, гроыхающего и т. д. звучаний и вибрирующих движений, например в значении 'гром': рус. *гром-/грем-*; тадж. *грум*; осет. *gʷyr, gy-bar-*; малай. *gurungun*; яп. *todoroku*; евр., араб., эфиоп. *R'M*, прасемит. *RGM*; в значении 'грохот': рус. *гροх(от)*; тадж. *гурс, гүлдүр, тарак, такар*; яп. *todoroku; koro-*; евр. *R'S*; в значении 'звук разрывания, распарывания': рус. *пор-*, литов. *brik/g-*, тадж. *тapp-, ч,ap-*; осет. *p'aer-, paert-*, евр. *PRM, PRR, KR*'.

Фоносемантическая выразительность дрожащего *p* во всех приведенных примерах выполняет преобладающую звукоизобразительную функцию. Подражательное значение других звуков можно интерпретировать по-разному, в частности как дополняющих или в той или иной степени усиливающих звукоизобразительность формы. Однако определенные различия обозначений рассматриваемого понятия, особенно многосложных, очевидно, должны толковаться в основном с точки зрения закономерностей фонетической структуры и морфологического состава конкретного языка. В противном случае субъективные объяснения особенностей звукоизображения, на наш взгляд, неизбежны.

Даң-, дүң-, дың-, дің- подр. звону, звяканью, гулким звукам. В казахском языке от данных звукоизобразительных форм образуются производные: *даңғаз* 'шум, галдеж', *даңғыр* 'звон, шум, гомон, гроыхание', *даңғыра* 'вид ударного инструмента; гроыхать, звенеть, шуметь', *даңдақ* 'пустая, бессодержательная речь', *даңдама* 'шумное веселье', *дүңгір* 'глухой звук домбры, небольшого колокола'; диал. 'металлическая посуда', *дүңгірле* 'звенеть, издавать глухой повторяющийся звук', *дүңк* подр. глухому отрывистому звуку удара по пустому предмету, *дүңкілде-* 'стучать, колотить, издавать глухие, отрывистые звуки, шумно возмущаться, повсеместно распространяться, оглашаться (об известии, сообщении, сплетне, молве и т. д.)', *дыңғырла-* 'звенеть, звонко зву-

чать, брэнчать', *дыңылда* 'звенеть, гудеть', *диңгір* 'низкий звук домбры', *диңкіл* 'глухо звенящий, гудящий звук', *диңкілде* 'глухо звенеть, греметь, резко разговаривать, грубить' и т. д.

Как будет показано ниже, подражательное обозначение различных видов звона в казахском и в других тюркских языках прежде всего связано с акустическим своеобразием анлаута и гласного в середине звукоизобразительной модели СГС, так как общим для всех названий с данным значением является увулярный сонорный (в сингармонически мягких словах — среднеязычный) *ң*. Использование именно этого согласного в звукоизобразительных словах, обозначающих звонкое, резонирующее звучание, очевидно, объясняется образованием носоглоточного резонатора при произнесении назализованного звука, создающего у говорящего и слушающего ощущение мягкой вибрации, гулкового звона. Обращает на себя внимание и контрастивность вертикальной вариации анлаутных гласных, передающих различие в силе звучания. Анлаут, представленный в данном случае, в силу своей смычности и звонкости указывает на то, что происхождение подражаемого звука связано с ударом или каким-либо другим резким движением, например падением твердого предмета. Аналогичная звукоизобразительность наблюдается и в других тюркских языках, в которых, однако, семантическое развитие производных может иметь и несколько иную направленность.

Ср.: др.-тюрк. *daŋ duŋ* подр. грохоту, грому (МК II, 357); кирг. *даң* подр. звуку удара о металлический предмет, сильному и четкому повторяющемуся звуку, напр., барабана, веселый шум, оживление; як. *даң* подр. звуку колокола, гулкому звону; узб. *данг-дунг* подр. звону колокола, звону от удара железом о железо и т. п.

Кирг. *дүң* 'гул, сильный глухой отрывистый звук', *дүңгүр* 'глухие отрывистые звуки (барабана, топот коней и т. д.)', *дүңкүлдөк* 'род небольшого барабана, звук барабана', *дүңүлдө-* 'гудеть басом', туркм. *дүңк* подр. резкому глухому звуку, издаваемому при падении тяжелого предмета или при сильном ударе, большой караванный колокол, *дүңкүр-дүңкүр* подр. бою барабана или глухому раскатистому и резонирующему звуку катящихся камней (напр., с горы); узб. *дунғилла-* 'ворчать, бурчать, бормотать'; тув. *диңми* 'гром, шум', *диңмире-* 'греметь, грохотать, гудеть', *дүңгүр* 'бубен (шаманский)'.

Кирг. *дың* подр. слабому звону (возникающему от слабого шелчка по барабану или от капель дождя, падающих на пустое ведро и т. п.), *дыңылда* 'звенеть, издавать бренчащий, тренькающий звук'; як. *дыгынаа-* (от *дың*) 'гудеть, звенеть'; тув. *дыңылдай* 'мелодия, которой сопровождают горловое пение'.

По своей звукоизобразительной функции не только в отношении ауслота, но и анлаута с предыдущими подражательными формами близки в казахском языке такие образования, как *таң* и *тың*: *тыңқыл* 'треньканье, бренчание, звучание струны (напр., домбры)', *таңқылда-* 'стучать, гроыхать, говорить быстро зычным голосом', *таңдай* 'нёбо' и т. д. Здесь также переднеязычный смычный анлаут указывает на происхождение звонкого, гулкового звучания вследствие удара или какого-либо другого резкого движения. Исходя из этого, очевидно, можно заключить, что звукоизображения, обозначающие звонкий голос, являются в тюркских языках семантическими производными от звукоподражаний, обозначающих звучания, источником которых являются предметы.

Ср.: др.-тюрк. *taŋ tuŋ et-* 'гремять, гроыхать' (МК III, 357); туркм. *таңк-таңк* подр. сильному отрывистому звуку при ударе о медные или жестяные предметы, *таңқа* 'чугунный или медный кувшин для кипячения воды'; як. *таң*, *тың-таң* подр. звуку удара по металлу, звуку струны, *таңқынаа-* 'издавать резкий, низко звенящий звук (о крупных металлических предметах)'.

Др.-тюрк. *tīŋ* 'звучание, звук' (ДТС, 568), *tīŋila-* 'гремять, гроыхать' (МК III, 404); кирг. *дың* подр. слабому звону (возникающему от слабого шелчка по барабану или от капель дождя, падающих на пустое ведро, и т. п.), *дыңгыр-дыңгыр* подр. дроби, трескотне, 'трень-трень' подр. звуку балалайки; туркм. *тиң-тиң*, *тиңил-тиңил* подр. звону струны при неохотной игре на дутаре, *тиңирди* 'бренчанье дутара (при неискусной игре)'; як. *тың* подр. звуку туго натянутой нити, струны, высокому напряженному голосу, *тыңқынаа-* 'тонко звенеть, пищать, бренчать (о голосе, струне и т. п.)'.

По источнику и способу воспроизведения звонкого звука к подражательным словам со смычным анлаутом семантически близки слова с увулярным *қ* в начальной позиции. В казахском языке звукоподражательное слово *коң* (подр. звучанию колокола, камертона) самостоятельно не употребляется, но легко выделяется из состава

ва глагольных и именных основ: *қоңырау* 'колокол, колокольчик, звонок', *қоңыраула-* 'звонить, бить в колокол', *қоңылтақ* 'просторный (о сапогах, халате)'. В некоторых других тюркских языках, например в якутском, выделение однозначной звукоизобразительной формы еще более облегчено тем, что она в этих языках имеет самостоятельное употребление. Ср.: кирг. *коңгуроо* 'колокол, колокольчик, звонок'; *коңгура-* 'бурчать себе под нос, издавать глухие звуки на низких тонах себе под нос', *коңкулдак*, *доңкулдак* 'дятел'; як. *хоң* подр. звуку от удара по предмету, имеющему внутри пустоту, *хоңкунаа-* 'громко и гнусаво звучать, издавать хрипло-гнусавые звуки низкой тональности (о разбитом колоколе, о крике гусей и т. п.)', *хоңсуо* 'гнусавый'; узб. *қунғирок* 'звонок, колокольчик, бубенчик, колокол', *қунғирок чал-* 'звонить'; тув. *коңга* 'звонок (сигнал), колокол', *коңга-жыгаш* 'колокольчик (растение)', *коңгулуур* 'колокольчик, бубенчик', *коңгура-* 'звенеть как колокольчик'; хак. *хоңырочах* 'бубенчик'.

В отличие от предыдущих звукоизобразительных слов в казахском языке можно выделить группу слов, обозначающих различные виды звона с характерным *ң* в ауслауте и со щелевым *с* или плоскощелевыми *ж, з, ш* в анлауте: *жаңғырық* 'эхо, отраженный звук', *жаң-жуң* 'звонкие голоса, резонирующее разноголосье', *жың-жың-бол-* 'поднимать шум, устроить переполох', *зыңылда* 'звенеть, брнчать, брякать, дребезжать, гудеть (о шуме в голове)', *саңқылда-* 'кричать звонко и громко (о птицах), говорить звонким голосом четко, выразительно, как бы чеканя слова', *саңғырла-* 'звенеть, звякать, звонко гудеть, громко разговаривать (звонким голосом)', *сыңғыр* 'звон, звяканье, позвякивание (колокола и др. металлических предметов)', *сыңқылда-* 'весело смеяться, заливаться серебристым смехом (о женщине); охать, ахать, стенать (о больном); гоготать, громко кричать (о птицах); журчать, звонко течь (о воде)', *сыңсы-* 'плакать тонким голосом (о плаче женщины по усопшему)', *шаңқылда-* 'звенеть, звякать, клекотать, громко кричать (напр., о беркуте), говорить громким, зычным голосом', *шаңғобыз* 'музыкальный инструмент' и т. д.

Щелевой и плоскощелевой анлаут данных звукоизобразительных форм в комплексе с увулярным сонорным *ң* в ауслауте при одинаковых гласных по сравнению со смычным анлаутом обозначает более тихое звучание с

тонким дребезжанием. Подражательные слова данной группы чаще передают звук более высокой тональности. Протяженность щелевых согласных способствует звукоизображению протяженного звонкого звучания. Подобный фоносемантический эффект щелевых в анлауте наблюдается в однотипных звукоизобразительных словах и других тюркских языков:

Др.-тюрк. *jaŋyŋ*- 'звучать, звенеть' (ДТС, 233); кирг. *жаң-жуң, жуң-жаң* 'шум-гам, громкие крики', *жаңыр-жаңыра, жаңгыра-* 'издавать громкий крик, звучать, отдаваться (об эхе), греметь'; туркм. *жаң* 'колокол, звонок', *жаңкырды* 'звон, перезвон'; узб. *жаңгилла-* 'звенеть, издавать звон', *жаңг* 'бой, сражение, битва'; тув. *чаңгы* 'эхо', *чаңгылан-* 'раздаваться, разноситься (об эхе)'.

Кирг. *жыңыра-* 'бренчать'; туркм. *жың-жың* 'динь-динь', подр. высокому голосу, *жыңкырда-* 'звенеть, звякать', *зыңылда-, зыңкылда-* 'издавать гудящий звук, издавать пронзительный звук, верещать, визгливо плакать, петь'; туркм. *зың* подр. лязгу, *зыңкырды* 'лязг, звон', *зыңылда-* 'звенеть'; як. *чаң* подр. резкому звуку, возникающему при ударе по массивному металлическому предмету, *чаңкынаа-* 'издавать резкие, пронзительно звенящие звуки (о голосе)', *чаңый-* 'кричать пронзительно резким голосом', *чақырғаа-* 'кричать по-орлиному, резким металлическим голосом'; хак. *саң* 'колокол', *саңычах* 'колокольчик'.

Др.-тюрк. *siŋ et-* 'звенеть, жужжать' (МК III, 358), *siŋilä-* 'звенеть' (МК III, 405); кирг. *шыңгыр* подр. звонкому звуку, *шыңгыр эт-, шыңгыра-* 'звенеть (слабо), позвякивать', *шыңкылда-* 'говорить звонко, визгливо (главным образом, о женщине)', *шыңшы-* 'взвизгивать'; як. *сыңсый-* 'втягивать носом, шмыгать, всхлипывать'; хак. *сыңыра-* 'бренчать (напр., на рояле); звенеть (о колоколе), зазвонить, зазвучать', *сыңырас* 'звон (напр., стаканов, монет)'.

Др.-тюрк. *џаң* 'колокольчик (ДТС, 139); тарелки (ударный музыкальный инструмент)' (МК, 600₁₂); кирг. *шаңгыра-, шаңгырла-* 'звенеть (сильно)', *шаңк-шаңк* 'клекотание (беркута)', *шаңкылда-* 'говорить звонким голосом'; туркм. *шаңқыр-шуңкур* подр. бренчанию множества металлических украшений, *шаңқы* 'звонкий, зычный'; узб. *чанг, чанговуз* 'музыкальные инструменты',

шангилла- 'громко говорить, горланить; звенеть, гудеть'; тув. *шаң* 'гонг, литавры'.

Др.-тюрк. *điη et-* 'звенеть' (в ушах) (МК, 600), *điηar-tuη* 'колокольчик' (ДТС, 150); кирг. *шыңгыра-* 'звенеть (слабо), позвякивать', *шыңгыр* подр. звонкому звуку, *шыңгырда-* 'звенеть, звякать, лязгать, бренчать'; узб. *шингилла-*, *шинғирла-* 'звенеть, звякать'; тув. *шыңгыра-* 'звенеть', *шыңгырааш* 'звон, звенящий'.

Тюркским звукоизобразительным словам со значением звона, бренчания, резонирующего звука в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках соответствуют однотипные формы с чередующимися согласными и гласными соответственно в анлауте и инлауте при этом с постоянно присутствующим увулярным сонорным *ң* в конце структурного типа СГС. Напр.: монг. *хэнгэрэг* 'барабан', *жингэр-* 'звенеть', *хонх* 'колокол', *хангирах* 'звонко кричать'; эвенк. *кең-кең* подр. звяканью металлического предмета, *коңактэ* 'колокольчик', *коңгибу-* 'стучать по полому предмету', *тицина-* 'звенеть', *киң-киң* 'звук, бряк'; сол. *хаңир* 'звон колокольчика', ороц. *кагор-каңгор* 'звоня (о металлических подвесках на женском платье)' *тунку(н)* 'колотушка'; маньчж. *каңгир-киңгир* подр. звону колокольчика, бубенчика и т. д.

Сопоставление звукоизобразительных слов с указанным значением в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках с однозначными образованиями в индоевропейских, семито-хамитских и некоторых других языках показывает, что при подражании звону, резонирующему звуку, звонкому гулу фонетическая структура корневой части в ауслaute чаще всего остается неизменной. Основную звукоизобразительную функцию при обозначении описываемого звука выполняет язычно-носовой *ң/н*. Вертикальные вариации гласных в корне соответствуют различной силе звучания. Анлаутный согласный может передавать оттенки, связанные с источником и способом воспроизведения звука. Ср. подражательные и лексикализованные формы со значением 'звон' в некоторых языках: рус. *дин-дон*, *звон/звен-*; тадж. *тинг-*; осет. *zaellang* (*ae/i*), малай. *ting*, *tun-*; яп. *chon* (*o/i*); араб. *DNDN*, *TNN*, а также с другими значениями типа 'бренчанье, звяканье, треньканье': рус. *трень(к)*; малай. (*be/de*) *rang*; араб. *RNN*, евр. *RNJ*, *NGN*, яп. *gan*; англ. *ring-*, *rang-*, *ding-dong*.

Как видно из приведенных примеров, «характерным для подражаний звону является присутствие на конце слова одного из наиболее сонорных согласных: как правило, язычно-носового η/n , реже l , m . Начинаться слово может почти любым из взрывных согласных, особенно из числа переднеязычных; среди последних возможны также щелевые. Такой состав этих подражаний объясняется легко. Сонорным, т. е. наиболее звонким, согласным на конце слова естественно передается звонкость (ритмичность колебаний) изображаемого звука. Резонанс фонем η/n (m) передает, как отмечается во многих работах, резонанс изображаемого звукового объекта. Участие безрезонансной сонорной фонемы L вместо n/η передает соответственно звонкие природные звуки с меньшим резонансом — звяканье»³².

В казахском языке помимо широко распространенной звукоизобразительной формы с сонорным η в ауслaute встречаются и случаи с щелевым сонорным l вместо η , например: *салдырла-*, *сылдырла-* 'звенеть, звякать'.

Помимо обозначения звона подражательные слова с сонорным η на конце в казахском, как и во многих других тюркских языках, могут передавать значение стона, плача, скулежа, бурчания и других звуков, произносимых человеком в нос, гнусаво. Ср.: каз. *таңқылда-* 'издавать глухой звук, бурчать под нос, говорить недовольным тоном', *еңре-* 'плакать голося', *кеңкілде-* 'издавать негромкие отрывистые гортанные звуки (при смехе или плаче)', *күңгірле-* 'издавать неясный, приглушенный звук, говорить невнятно, приглушенно', *қаңсыла-* 'скулить, жалобно повизгивать', *қыңқылда-* 'хныкать; назойливо просить о чем-л.', *қыңқыл-сыңқыл* 'легкое заболевание, недомогание', *мыңқылда-* 'гундосить, гнусавить, говорить невнятно', *міңгір* 'неясные, приглушенные звуки, голоса', *шүңкілде-* 'говорить писклявым голосом, говорить невнятно, бубнить', *ыңқылда-* 'стонать', *ыңылда-* 'тихо напевать', *іңга* подр. звукам плача новорожденно-го и т. д.

Данное семантическое развитие аналогичных звукоизобразительных форм характерно и для других тюркских языков, ср. узб. *ингра-* 'стонать, стелать, издавать тихие стоны'.

Др.-тюрк. *кеңгән-* 'бормотать, роптать' (ДТС, 299);

³² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 71.

кирг. *кеңк* подр. отрывистому и громкому звуку, *кеңкилде-* 'издавать отрывистые и громкие звуки'; туркм. *хеңкир-* 'громко плакать, рыдать, голосить, орать, кричать', *кентлевуң* 'нёбо'; як. *киңир-киңир* подр. бормотанию под нос, *киңинэй-* 'бурчать, ворчать под нос'.

Др.-тюрк. *кйһгән-* 'ворчать, бормотать' (МК III, 399); кирг. *күңк* подр. глухому звуку, *күңк эт-* 'буркнуть (тихо, глухо)', *күңгурлө-* 'издавать глухие звуки, мычать себе под нос'; туркм. *хүңүр-хүңүр* подр. роптанию, ворчанию, бормотанию, проявлению недовольства чем-л.; як. *куң-хаң* подр. гнусавому голосу; узб. *ғўнғир-ғўнғир* подр. невнятно и неясно слышимым голосам; тув. *көң* подр. глухому шуму, стуку, *көңгүл* 'кувшин (металлический или деревянный), бидон'; як. *кигинэй-, киңинэй-* 'говорить вполголоса, бунчать', *киңкиний-* 'ворчать с выражением ропота и негодования'.

Др.-тюрк. *џаһила-* 'скулить, выть, докучать жалобами' (МК, 619_{14,15}); туркм. *чыңс-чыңс* подр. легкому визгу собачьему; тув. *каңзы-* 'протяжно выть, тосковать (о собаке), докучать, наводить тоску'; хак. *хыңзи-* 'визжать, скулить (о собаке)', уйг. *зиңилдаш* 'визг', *қаңшимақ-,* 'скулить', *гиңшимақ-* 'хныкать, нюнить', *қаңруқ* 'гнусавый'.

Кирг. *кың-кың* подр. тихому стону, *кыңк-кыңк* подр. брнчанью, *кыңкылда-* 'нудно просить, нюнить (о ребенке)', *кыңшы-, кыңшыла-* 'визжать, скулить, визгливо плакать'; туркм. *хың* подр. стону, ворчанию собаки; як. *кыңынай-* 'сердито бурчать, ворчать под нос, говорить невнятно, в нос', *кыңыраа-* 'брнчать (о металлических вещах)'; узб. *қинқ этмай-* 'не проронив ни слова'; хак. *хыңзы-* 'хныкать'; *хыңнан-* 'тихо напевать, мурлыкать'; ср. также кирг. *мыңкылда-* 'гундосить, бунчать'; туркм. *мың-мың, мыңчы-мыңчы, мыңыл-мыңыл* подр. тихой, слегка гнусавой невнятной речи; узб. *пинғилла-* 'бурчать, ворчать, бормотать'.

Др.-тюрк. *һпџіqlа-* 'горевать, стонать'; кирг. *ыңкылда-* 'стонать', *ыңк эт-* 'издать глухой отрывистый звук (напр., при ударе в живот)', *ыңырсы-* 'лениво покряхтывать'; туркм. *хың* подр. стону или урчанию, ворчанию животных, *иң* подр. стону больного, свисту авиабомбы, *иңкилде-* 'стонать, хныкать', *ыңқылда-* 'хныкать', *ыңран-* 'стонать, реветь (о верблюде)'; як. *ың* подр. звуку глухого мычания, *ыңчиктаа-* 'стонать', *ыңаалаа-* 'нюнить, капризничать', *иңманый-* 'просить жалобным, плачущим голосом, хныкать', *ыңыран-* 'глухо мычать'; узб. *инқилла-*

'кряхтеть, стонать', хингқилла- (обл.) 'тихо стонать'; тув. *ыглаңна-* 'ныть, хныкать'.

Кирг. *ыңаала-, ыңгаала-* 'кричать «нга-нга!» (о плачущем ребенке); туркм. *иңңә-иңңә* подр. плачу младенца, *иңңәбәбек* 'грудное дитя, младенец'; як. *ньаах* подр. писку маленького животного, ребенка; узб. *ингала-* 'кричать (о новорожденном), плакать (о младенце)'.

Тюркским звукоизобразительным словам со значением 'стонать, хныкать' и т. п. структурно в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках соответствуют следующие слова: монг. *ингаа* подр. плачу новорожденного, *гаң* подр. визгу собаки, *гунишганах-* 'гнусавить, хныкать, ныть'; орок. *суңутчи-* 'стонать'; ульч. *сэңсэчи-* 'всхлипывать'; эвенк. *уңки-* 'плакать (о ребенке)', *уңа* 'петь' *һэнкэ* 'звук', *коңсо* 'гнусавый' и т. д.

Структурно-семантическое сходство тюркских раздражательных форм со значением 'стон' наблюдается и при сопоставлении с языками других ареалов, напр.: рус. *ох!, ой! ооо!* (часто с назализацией); яп. *ин(—су)*; евр. 'NK, араб., н.-евр. *GNH*, араб. *GNH* и т. д.

Исходя из приведенных фактов ряда неродственных языков, можно заключить, что основными звукоизобразительными элементами при обозначении как звона, так и стоны наиболее характерными являются сонорные *ң, н*.

Тү[к] подр. плеванню, *түкір-* 'плевать', *түкірік* 'плевок, слюни', *бетке түкір-* 'оскорблять, проклинать', *түһ, түу* межд. возглас недовольства, сожаления.

В лексикализованных формах приведенных примеров из казахского языка в анлауте изобразительного корня — глухой переднеязычный смычный, в инлауте — узкий губной переднего ряда, в ауслауте — глухой смычный среднеязычный. Несомненно междометное происхождение данного корня, исходя из чего выделяется корень *ту*, соответствующий модели СГ. Физической основой артикуляции как междометия, так и звукоизобразительного корня является физиологический процесс плеванья. Глагольная основа образует целый ряд производных и фразеологических сочетаний, отличающихся большим семантическим разнообразием.

Наиболее близкими по форме к рассматриваемому казахскому корню являются однозначные в семантическом отношении образования в киргизском и хакасском языках. Конечные согласные в корневых морфемах типа СГС в якутском и узбекском (*н*) являются аллофонами

соответствующих корней в казахском, киргизском, тувинском, хакасском и других тюркских языках. В тувинском языке анлаутный согласный претерпел озвончение, не повлиявшее на значение корня.

Ср.: кирг. *түкүр-* 'плевать', *түкүргүч* 'плевательница', *түкүрүк* 'плевок', *түкүрчү* 'знахарь, лечащий от укуса змей и ядовитых насекомых'; туркм. *түф* подр. плеванню: 'тьфу', *түйкүр-* 'плевать', *түйкүлик* 'слюна, плевок'; як. *түп* подр. глухому отрывистому звуку выстрела, *тип* подр. звуку выплевывания, *тибиир-* 'брызгать изо рта', *тыбыыр-* 'фыркать, брызгать изо рта', *тпу*, *туй*, *туй-сиэ* однозначно русскому 'тьфу'; узб. *тупла-* 'плевать, плевать, харкать', *туппак* 'трубка из камыша или дерева (для стрельбы глиняными шариками в воробьев путем выдувания)'; *туф*, *тьфу*, *туф де-* 'плевать, выплевывать, сказать: тьфу-тьфу'; тув. *дүкпү* 'плевок, мокрота', *дүкпү-* 'плевать, выплевывать'; хак. *түйкүр-* 'плевать, выплевывать', *түйкүрик* 'плевок', чуваш. *т'ху/т'фу* 'тьфу'; тур. *tüf*, *tü* 'тьфу, плевание'.

Общетюркской модели рассматриваемого звукоизобразительного корня полностью соответствуют семантически тождественные междометия и корневые морфемы ряда неродственных языков: рус. *тьфу!*; тадж. *туфу!*, *туф!*; осет. *tu*; яп. *tsuba*; араб. *tuffa!*; арам., эфиоп. *TP'*; евр. *TWP*.

Как видим, междометные изображения плеванья в сравниваемых языках очень сходны и имеют модель *ту[n/ф]*. Наличие указанных согласных объясняется особенностями артикуляции изображаемого естественного процесса, представляющего собой переднеязычно-губной взрыв. Л. Н. Харитонов считает, что «первоначально это слово, очевидно, возникло путем воспроизведения звука, сопровождающего выплевывание чего-нибудь неприятного, попавшего в рот. В дальнейшем звукоподражательное слово *тьфу* по связи с ситуацией явления получило возможность использования в качестве междометия, выражающего неудовольствие, досаду, презрение»³³.

Другой вид плеванья — плевание сквозь зубы в казахском языке, как и в некоторых других языках, —

³³ Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. С. 155. (В данном случае наблюдается воспроизведение не только звука, но и процесса, движения, результатом которого является характерный звук. — К. Х.).

также имеет свое звукоизобразительное обозначение: каз. *шырт-шырт*; кирг. *чырт*; як. *чырк*; туркм. *жыт-жыт*; мордов. *ц' л'к*; араб. *BSK/BSK/BZK* подр. звуку плевание сквозь зубы. Данный звук имеет большое сходство с негромким треском, резким хрустом, что получило свое отражение в ряде тюркских языков: каз. *шырт ет* - 'хрустнуть, треснуть, издать резкий отрывистый звук'; кирг. *шырт* подр. резкому хрусту, треску, шуршанию; туркм. *шырт* подр. звуку туго натянутой струны, проволоки, веревки или звуку резкого треска при переламывании тонких сухих деревянных палочек; як. *чырч* - 'чиркать, резко трещать (о горении, выделении искр)'; узб. *чирт* подр. легкому треску и т. д.

**Түш* подр. чиханию, *түшкір* - 'чихать', *түшкірік* 'чих', *үшкір* - 'прыскать, лечить приемами шаманов'. Данный корень по своему фонетическому составу близок к предыдущему *тү[к]* - 'плевать'. Очевидно, определенная общность моментов физиологических процессов повлияла на сходство фонетических моделей этих двух звукоизобразительных корней казахского языка. Если их рассматривать как корни, образованные по одной общей модели, то в комплексе СГСС предпоследний плоскощелевой переднеязычный согласный необходимо выделить как несущий основную звукоизобразительную функцию, дополняемую акустическими особенностями вулярного смычного *қ*. Подобное выделение необходимо и в том случае, если *түшк* представляет собой усеченную форму междометного выражения чиха: *апшу/ачху/аттшу/эпшу*.

Кроме указанного звукоизобразительного корня в современной казахской речи в определенных ситуациях встречается и междометное обозначение данного физиологического процесса: *апшу/эпшу* 'иносказательное название полового органа грудного ребенка мужского пола, малыша, мальчика до 5—6 лет' (нюхая его или дотронувшуюся к нему руку, взрослый начинает нарочито громко чихать). Описанное действие является, с одной стороны, невинной забавой взрослого, а с другой — выражением удовлетворенности появлением, наличием мальчика, сына, наследника.

С указанием описанного переносного значения междометные формы *атьху/ачху*, *атьтьу/ац'ц'у* приведены в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина (Т. II. С. 176). Содержащиеся в новом русско-чувашском сло-

варе (М., 1971) слова *чих* 'чихание', *чихлат*- 'чихать', *апчху* > *апчхулат*- 'чихать' Г. Е. Корнилов называет «подозрительно близкими к русским соответствиям», тем самым выражая сомнение относительно их незаимствованного характера в чувашском языке. В киргизском языке анлаутный и следующие после лабиального гласного согласные представлены в виде аффрикаты. В туркменском гомогенный с казахским и киргизским корень имеет несколько иное значение — 'кашлять'. Глагольный и именной корень слов, однозначных с казахскими словами, в хакасском языке имеет форму явно междометного происхождения. В турецком языке, судя по материалам В. Банга³⁴, глаголы со значением 'чихать' могут образовываться от двух рассмотренных моделей.

Следовательно, в тюркских языках образование звукообразительных корней возможно по модели, сходной с моделью *тү[к]* и на основе самостоятельного междометного образования: кирг. *чүчкүр*- 'чихать', *чүчкүрүк* 'чиханье; название растения с запахом табака, способного вызывать чиханье', *ак чүч!* 'будь здоров! (пожелание чихнувшему)'; туркм. *үсгүр*- 'кашлять', *үсгүлөвүк* 'кашель'; хак. *апсыр*- 'чихать', *апсырганы* 'чиханье'; тур. *atse!*, *tis*, *suç*, *ac* подр. чиханью, 'чихать'.

Тюркским обозначениям чиханья в типологическом плане близки соответствующие глагольные корни и междометия следующих неродственных языков: рус. *чих!*, *ан-чих!*, *чих*; малай. *atjiheum*, *kiskas*; яп. *hakusho!*, *kushami.*, семит. 'TS. Из приведенных примеров по составу и последовательности согласных казахскому звукоизображению чиханья почти тождествен семитский подражательный корень, а в плане междометного воспроизведения — русские образования, с которыми структурную близость имеют и первые из представленных форм малайского и японского языков.

Сор, шор подр. звукам струящейся воды, сосания, швырканья, *сор*- 'сосать, всасывать, высасывать, поглощать', *соран!* обращение к верблюду с тем, чтобы он пил воду, *соранга*- 'пить воду (о верблюде)', *түйеише соранга*- 'пить воду подобно верблюду (с шумом, большими глотками)'; *сорпа* 'бульон', *сорпылда*- 'шумно сосать, издавать швыркающие звуки', *сорғала*- 'струить-

³⁴ Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. С. 85.

ся, течь тонкой струей', *шорылда*- 'течь с шумом, журчать, литься или течь с булькающим звуком'.

Как видно из примеров, в казахском языке в значении 'течь с шумом' корень *сор/шор* по составу согласных однотипен *сар/шар*, имеющим ряд производных с общим значением. С точки зрения звукоизобразительности, щелевой и плоскощелевой звуки передают текучесть, протяженность действия, движения, дрожащий сонорный — продолжительный шумовой эффект. В качестве звукоподражательного слова корень *сор* употребляется с глухим смычным на конце (*сорп-сорп* *ет*- 'шумно пить, сосать, течь с булькающим звуком'), представляющим собой модификатор значения основы.

В киргизском языке чередование анлаутных *с* и *ш* в некоторых случаях, судя по материалам словаря К. К. Юдахина, несет смыслоразличительную функцию: фрикативный *ш* чаще встречается в начале слов, обозначающих шум при сосании и течении воды. В туркменском наблюдается дальнейшее разграничение звукоизобразительной функции анлаутного согласного: при обозначении звучного сосания употребляется фрикативный, а журчания и шумного течения воды — аффриката. Сонорный щелевой *л* в татарском *шулла* 'суп, бульон' является коррелятом дрожащего *р* в других тюркских языках. Анлаутная аффриката *ч* в турецком и азербайджанском *чорба* соответствует глухим фрикативным в других тюркских языках. Ср.: кирг. *шор* подр. швыркающему звуку, шмыганию носом, *шор-шор уурта*- 'с шумом втягивать в рот (жидкость)', *шоркуратып ич*- 'пить швыркаая', *шорпулда*- 'издавать шум, шумно втягивать воду (о пьющем верблюде)', *шоргало*- 'струиться, течь струей', *шоркура*- 'производить звук, подобный швырканию ртом или бульканью в только что перерезанном горле или урчанью воды в кальяне', *сор*- 'сосать, высасывать', *соргак* 'обжора, прожорливый', *сормо* 'трясина', *сорук*- 'впитываться'; туркм. *шорпулды* 'звук, возникающий при еде или питье', *шорпулда*- 'хлебать (суп, борщ)', *шок-шок* подр. звучному сосанию, *жор-жор* подр. журчанию воды, *жорк* 'жижа, болото', *жорла*- 'течь с шумом'; як. *сэл* подр. звуку втягивания в рот очень малого количества жидкости, *собургаа*- (<**сон*) 'шумно втягивать вытянутыми губами', *сабыргаа*- 'издавать звуки *сап-сап*, шумно втягивать, всасывать губами'; тув. *шорга* 'деревянная трубка для стока жидкости,

желоб', шоргала- 'пускать воду по деревянной трубке, желобу (обычно о минеральных источниках — аршанах)', шоргалан- 'стекать, вытекать тонкой струей'; тат. *шулна* 'суп, бульон'; узб. *шурва* 'суп, шурпа'; чув. *шўрпе*, *шўрпе* 'бульон, жидкий суп, похлебка', *шарка*- 'течь, (о ручье, струе)'; к.-калп., ногай. *сорпа*; уйг. *шо(р)ва*, кумык., карач. *шорпа*; азерб., тур. *чорба* 'суп, бульон'.

Значение 'быстро втягивать жидкость ртом' в некоторых индоевропейских, малайско-полинезийских и семитских языках передается следующими корнями: рус. *сос*- (*съпс-?), *швырк*-; тадж. *хур-хур*; литов. *czulpr*-, малай. *sopsop*, *sepsep*, *sirup*, [h]irop; яп. *sui(p>o)*; семит. $\dot{S}PSP$ (сир., араб.), $\dot{S}PP$, $\dot{S}PT$ (араб.), $\dot{S}RP$ (сир.), $R\dot{S}P/\dot{S}RB$ (араб.).

В монгольском языке *сорох*- 'сосать, втягивать', *цорон-цорон* 'звуки, сопровождающие шумное питье, швыркание'.

«Семитские корни $\dot{S}RP$ (сир. *srp*), $R\dot{S}P$ (араб. *ršf*) 'всасывать' и $\dot{S}RB$ (араб. *šrb*) 'пить' сопоставлены И. Бартом; Н. И. Ашмарин сравнивает араб. *šrb* в качестве звукоизобразительного слова с лат. *sorbere*-, мордов. *срон-срон* (и рус. *швыркать*); Дж. Гонда на том же основании — нем. *schlürfen* с малай. *sirup!*»³⁵.

В. Г. Егоров, сопоставив слова со значениями 'суп, бульон, похлебка' (чув. *шурпе*) и 'сыта, медовый сироп, вино, прохладительный напиток из фруктовых соков с сахаром' (чув. *шерпет*) в целом ряде тюркских языков, пришел к выводу, по которому эти слова в тюркских языках являются арабо-иранскими заимствованиями (ср. араб. *шербет* 'сладкий напиток, сироп', *шараба*- 'пить', *шураб* 'суп, микстура', перс. *шурба* 'похлебка, каша')³⁶.

С этим выводом трудно согласиться. Во-первых, можно предположить, что, осваивая предметы (шербет или какой-нибудь другой вид пищи), можно заимствовать и его название, но заимствовать ряд глаголов, образованных от звукоизобразительных корней и тем более сами звукоизобразительные корни и основы в таком разнообразии.

³⁵ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 35.

³⁶ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 337, 340.

разии едва ли возможно. Во-вторых, специфика словообразования в плане развития от звукоизобразительного корня к денатурализованному слову в данном случае выражена соответственно общей тенденции формирования лексикализованных единиц. В тюркских языках звукоизобразительный корень *сop* [n], *шop* [n], *шур* [n] может обозначать как звуки, сопровождающие действие, само действие, так и название предмета, с которым совершается обозначенное действие. Наконец, очень важным фактором, подтверждающим исконность рассматриваемого корня для тюркских языков, является его распространенность в якутском и других тюркских языках Южной Сибири, почти не подвергшихся влиянию арабских и иранских языков.

Следует указать и на типологическое сходство форм и значений исследуемого звукоизобразительного корня в неродственных языках, причиной которого является денотативная общность, тождественность естественного звука, послужившего источником для образования подражательного корня. Наиболее наглядно это типологическое сходство проявляется в таких языках, как якутский и семитские, где в анлауте употребляются фрикативные, а в конце корня — глухой взрывной *n*. Следовательно, типологически обобщенным описанием звукоизобразительности корневой морфемы в приведенном списке примеров будет следующее: «...группа согласных *сr-/шr-* символизирует и просто различные виды течения воды, жидкости... следующие за ней аллофоны согласного *n* символизируют смыкание (и вообще участие) губ плюс предельность движения»³⁷.

Пыс, пыш подр. сопению, шмыганью, шипению: каз. *пысқыр-* 'фыркать (о животных)', *пысқырма-* 'чихать на кого-л., что-л., пренебрегать, не обращать внимания, не придавать значения', *пысқырық* 'фырканье, вид болезни у овец (в носовой полости)', *пыс ет-* 'резко зашипеть (напр., при падении капель воды на угли костра); несильно взорваться, выпустить воздух', *пысылда-* 'сопеть, шмыгать носом, шипеть (напр., о выпускающем пар паровозе)', *пышылда-* 'сопеть, шумно дышать через нос', *пыш* 'возглас, которым отгоняют кошку', *пыш-пыш* 'возглас, которым зовут кошек; сплетни, пересуды, мол-

³⁷ Корнилов Г. Е. Теория имитативов и данные чувашских диалектов // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1977. С. 141.

ва', *пыш-пышта-* 'шушукать, сплетничать, разносить плохую молву, наговаривать'.

В казахском языке чередование конечного согласного звукообразительного корня в значении 'сопеть, шумно дышать, шмыгать носом' несет коррелятивную функцию, не влияет на смысл. Близость начального и конечного согласного по участию голоса, узоость гласного, а главное, плоскощелевой характер произношения конечного согласного способствуют имитации данного звукового типа. Шипящее звучание конечного гласного и взрывная артикуляция начального могут передавать и значение шипения, шепота, звуков, близких по своим акустическим особенностям с сопением, шумным дыханием через нос и шмыганьем. С прибавлением модификатора *қ* изменяется значение основы, изображающей однотипный, но уже резкий, отрывистый звук чихания, фырканы. Дальнейшее семантическое и морфологическое развитие слова происходит от рассмотренного корня и основы.

В киргизском языке наблюдается озвончение начального согласного, а с прибавлением модификатора *ң* образуется дополнительное значение — 'хныкать, всхлипывать'. В туркменском — наряду с общетюркской формой *пыс/пыш* встречается звукообразительный корень с губно-губным сонорным в анлауте. В тувинском, как и в киргизском, наблюдается озвончение начального согласного. В узбекском корневая морфема с увулярным глухим спирантом на конце, вероятно, является производной от общетюркского корня, при этом значение новообразования больших изменений не претерпевает. Ср.: кирг. *быш* 'сопение', *быш дей туш-* 'лопнуть и зашипеть, выпуская воздух', *бышакта-* 'сопеть, шмыгать носом, всхлипывать', *бышанда-* 'хныкать, всхлипывать', *бышкыр-* 'фыркать, чихать', *бышылда-* 'сопеть, шмыгать носом'; туркм. *пыш-пыш* подр. шипению черепахи, пыхтению паровоза и т. д., *пышгыр-* 'фыркать (о животных)', *пышгырык* 'фырканы', *пышыр-пышыр* подр. шушуканию, шептанию, тихому неразборчивому разговору, *мыш-мыш* подр. звукам при тяжелом дыхании, пыхтении, *мыссылда-* 'сопеть'; як. *пыс* подр. звуку, образуемому при прохождении струн воздуха через узкое отверстие, шипению; узб. *пыхлла-* 'пыхтеть, задыхаться, отдуваться', *пышылла-* 'сопеть, пыхтеть, шипеть (о сырых дровах)'; тув. *бышкыр-* 'чихать (о козе и овце), подзывать коз

(издавая особый звук, предупреждающий об опасности)'; хак. *пысхыр-* 'фыркать (о животном)'

С тюркскими звукоизобразительными корнями сопоставимы следующие звукоподражательные формы из ряда неродственных языков в значении подражания сопению, звукам втягивания носом воздуха, напр.: рус. *соп-*, *шмы(е)-*; тадж. *фаиш-фаиш*, *фиш-фиш*; осет. *sym-sym*, *хут-хут*; яп. *su-su*, *ha-su*, араб. *SMSM*, семит. [N] *ŠM*, [N] *PŠ*, *Š'P*.

Наиболее близким к тюркским по форме здесь является таджикский звукоизобразительный корень, отличающийся лишь губно-зубным фрикативным в анлауте.

С русским *соп* и семитским *Š'P* типологическая близость основывается на цельном восприятии односоставного варьирующегося звукового образа, а с осетинским, японским и арабским корнями — на преобладающей выразительности подражательного звука, в данном случае фрикативных *с* и *ш*. Употребление в семитских, осетинском и русском корнях сонорных А. М. Газов-Гинзберг объясняет так: раз процесс производится носом, поэтому естественно в его речевом воспроизведении участие носовых фонем³⁸. Однако, очевидно, надо признать, что для звуковой передачи этого глухого, чисто шумового процесса наиболее удобны глухие фрикативные.

Кор подр. храпу, хрюканью, хриплым звукам низкой тональности: *қор ете қал-* 'всхрапнуть, захрапеть'; *қор-қор ет-*, *қорылда-* 'храпеть', *қор-қор* 'кальян', *қорқ-қорқ ет-*, *қорқылда-* 'издавать хлюпающие, булькающие звуки низкой тональности (напр., при ходьбе в мокрой обуви, в процессе питья и т. д.)', *қорс* подр. звуку, производимому при вонзании, втыкании острого предмета в мягкий предмет, *қорс-қорс ет-*, *қорсылда-* 'хрюкать (о свинье), шумно всхлипывать'.

Звукоизображение храпа и других хриплых, kloко-чущих звуков низкой тональности в казахском языке передается звукокомплексом, в анлауте которого — увулярный смычный, в инлауте — широкий губной заднего ряда, в ауслауте — дрожащий сонорный. Этот состав звуков обусловлен естественными движениями при хра-

³⁸ См.: Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 18.

не: вибрация мягкого нёба или язычка, приближающегося или прикасающегося к корню языка или к задней стенке носоглотки. Присоединение модификаторов конкретизирует семантику подражательного слова, при этом если увулярный смычный обозначает резкость, отрывистость звука, то щелевой переднеязычный *c* — его незначительную протяженность. Звук более тихого похрапывания в казахском языке передается звукоизобразительным корнем *пыр/быр*: *пырылда-* 'храпеть, похрапывать, фыркать (о лошади); вспорхнуть, издавать характерные звуки ударов крыльями при взлете (о птицах)', *пырылдауық* 'одни из видов казахского национального музыкального инструмента', *быр-быр* подр. тихому похрапыванию, *быр-быр ұйқта-*, *бырылдан ұйқта* 'спать, похрапывая (издавая звуки быр-быр)', *бырыл* 'звуки похрапывания, урчания, фыркания'. Как видим, данный корень кроме указанного может передавать звуки ударов крыльями, соответствующие русскому *фрррр*. Звукоизображение тихого похрапывания достигается использованием переднеязычных взрывных и узкого гласного заднего ряда.

В киргизском языке при тождестве звукового состава звукоизобразительного корня с таковым в казахском семантическая функция одних и тех же модификаторов несколько иная. Семантическое развитие рассматриваемого корня в киргизском языке хорошо видно из приведенных ниже примеров. Во всех остальных представленных в списке примерах из тюркских языков (кроме казахского и киргизского) однозначные корневые морфемы в анлауте имеют глухой увулярный спирант, являющийся в данном случае коррелятом казахского и киргизского *қ*. Судя по имеющимся у нас материалам, корень, соответствующий казахскому корню *быр* (подр. тихому храпу), встречается только в якутском языке. Инлаутный гласный во всех корневых морфемах — заднего ряда, из чего следует, что этот признак в данном случае является релевантным. Ср.: кирг. *кор-кор* эт- 'храпеть', *корк* эт- 'хрюкнуть', *корулда-* 'храпеть, издавать рокошущие басовые звуки', *коркулда-* 'хрюкать, ячать (о лебедь)', *коркура-* 'храпеть, хрипеть (напр., о перерезанном горле), издавать бурлящие звуки', *корс* подр. резкому треску, резкому и низкому звуку, *корс* эт- 'грубо крикнуть, рывкнуть', *корсоңдо-* 'грубо кричать, сопровождая крик

угрожающими движениями', *корсулда-* 'басить, хрюкать, говорить грубо'; туркм. *хор* подр. храпу, *хорк-хорк* подр. хрюканью, *хорламак-* 'храпеть', *хоркулды* 'хрюканье', *хоргур-* 'храпеть (о лошади)'; як. *хордургаа-* 'издавать отрывистые звуки *хорт-хорт*, хрюкать, храпеть, хрипеть', *хорчугунаа-* 'резко храпеть', *хордъугунаа-* 'издавать звук *хоррр*, храпеть, клокотать, бурлить (о кипящем вареве, голосе, дыхании и т. п.)'; узб. *хур-хур* подр. храпу или мурлыканью, *хуррак* 'храп', *хур-хур кил-*, *хуррак торт-* 'храпеть'; тув. *хаарык* 'храп', *хаарыкта-* 'храпеть'; хак. *хорхыли-* 'хрюкать', *хорхылас* 'хрюканье', *хохыр-* 'храпеть (о лошади и других животных)'; чув. *хорлат-*, *хурлат-* 'храпеть', *харлав* 'глотка, горло как орудие храпа, хрипа, рычания, брани'; тур. *hor* подр. храпу; як. *бырылаа-* 'тихо журчать, храпеть, шипеть'.

Типологическое сходство тюркского корня со значением 'храп' с однозначными звукоизобразительными словами и междометиями ряда неродственных языков совершенно очевидно: рус. *xpp!*, *xpan-*; литов. *garr!*, *knarr*; тадж. *хур-хур!*; осет. *xwyr-xwyr*; малай. *ngorok*, *mengeroh*; яп. *gō-gō*; семит. *NHR*; араб. *HRHR/GRGR*; монг. *хур*; звенк. *корги*; маньчж. *кор-*, *хэр/хар-*. Следовательно, типологически общей моделью звукоизобразительного выражения звуков храпа будет модель *x[ç/ε]... p* с широким гласным заднего ряда.

Кыр подр. хрипу, хрипению, *қырылда-* 'хрипеть, издавать хриплые сдавленные звуки', *қырылдақ* 'охрипший', *қырқылда-* 'кудахтать, квохтать, издавать характерные звуки (об утке)', *қырқылдақ торғай* название птицы, *қырқылдас-* 'ругаться, кричать друг на друга, ссориться, скандалить'.

Звукоизобразительное обозначение хрипа, хрипения в казахском языке по составу согласных полностью совпадает с рассмотренным ранее обозначением храпа. Различие между этими корнями наблюдается лишь в инлаутном гласном звуке. Наличие в *қыр* узкого гласного обусловлено экстралингвистическими причинами, а именно тем, что при хрипении напряжение артикуляторных органов сильнее, резонирующая щель уже, чем в случае с воспроизведением храпа. Значение 'ругаться, кричать друг на друга, ссориться, скандалить' в казахском языке является производным от основного.

В киргизском языке с прибавлением к звукоизобра-

зительному корню *кыр* модификаторов *с, т, ч* образуются основы-подражания хрусту, скрежету, хрумканию. В туркменском, узбекском и хакасском языках в анлауте увулярный глухой спирант выступает аллофоном увулярного смычного в казахском, киргизском и тувинском языках. В масштабе представленных тюркских языков в корнях со значениями 'храпа' и 'хрипа' оппозиция гласных по степени раствора сохраняется последовательно. Ср.: кирг. *кыр-* 'хрипеть', *кыркыра-* 'хрипеть, хрипло говорить, снпеть', *кырой-кырой!* возглас, которым призывают овец, *кырр-кырр!* возглас, которым призывают коней, *кырс* подр. хрусту (напр., о лошади, щиплющей траву), *кырсылда-* 'хрустеть', *кырт* подр. тихому хрусту, легкому треску, *кырт-кырт чайна-* 'хрумкать, хрупать', *кыруу* возглас, которым призывают жеребят, *кырч* подр. хрусту, скрипу, скрежетанию; туркм. *хыр-хыр* подр. ворчанию, рычанию, урчанию, *хырк-хырк* подр. хрипу перед смертью, *гыгыр-гыгыр* подр. хрипу, возникающему, например, при перерезании горла животному; як. *кырдыгынаа-* (от *кыр*) 'глухо ворчать, мурлыкать, хрипеть', *кырчыгынаа-* 'напряженно, судорожно хрипеть'; узб. *хирилла-* 'хрипеть', *хирилдок* 'хриплый, хрипящий, обладающий хриплым голосом', *хир-хир* подр. хрипу, хрипению; *кирилиш* 'переругаться, разругаться, поскандалить', *киркира-* 'хрюкать'; тув. *киргире-*, *киргыра-* 'хрипеть', *киргирээш* 'хрип, хрипение, хриплый'; как. *хырла-* 'захрипеть, хрипеть', *хыылас* 'хрип'; чув. *хър-хър*, *гырр* подр. хрипению.

Общетюркская модель изображения хрипа и аналогичных звуков представляет собой сочетание увулярного глухого смычного спиранта + узкий негубной гласный + сонорный переднеязычный вибрانت.

При сопоставлении общетюркской модели рассмотренного корня с однозначными звукоизобразительными корнями ряда неродственных языков обнаруживается полное совпадение состава согласных и некоторый разноразличий гласных в инлауте, ср.: рус. *хрип*; литов. *gargal*; тадж. *харр, хар-хар*. (a/u); осет. *хур-хур, хаер-хаер*; семит. *NHR*; араб. *HRHR/GRGR*. В корне русского и осетинского языков инлаутный гласный — узкий, в таджикском и осетинском встречаются узкий и широкий гласные. Следовательно, типологическая модель звукоизобразительного корня со значением 'хрипеть' будет

включать и узкий, и широкий нелабиальные гласные.

Помимо рассмотренного корня в казахском языке употребляется и звукоизобразительный корень **қар* (*қарлық-* 'хрипеть, охрипнуть'), наличие которого отражает типологическую неустойчивость признака подъема у гласных корневой морфемы со значением 'хрипеть'.

В тюркских языках данный корень многозначен и может обозначать 'карканье, громкий смех, хохот, кашель, рев, храп' и т. д. Ср. каз. *қарқ-қарқ ет-*, *қарқылда-* 'каркать, кричать (о вороне), громко смеяться, хохотать' *қарға* 'ворона', *қарлығыш* 'ласточка', *қарс-қарс жарыл-* 'лопаться с треском, с шумом', *қарс-қарс айыр-* 'с шумом, треском разламывать, разделять (напр., зрелый арбуз)', *қарш-қарш* подр. треску, хрусту, скрежету, *қарш ет-* 'звучно разрезать, шумно вонзаться, рассекать, трещать, хрустеть', *қаршылда-* 'хрустеть, лязгать, скрежетать'.

Др.-тюрк. *qarğa* 'ворон, ворона' (МК II, 26), *qarğa* 'проклинать, ругать' (МК III, 290); кирг. *карга* 'ворона', *каргыл* 'хриплый', *кардык-* 'хрипеть, сипеть, охрипнуть, осипнуть'; *карк* подр. громкому и грубому выкрику, крику журавля, *карк-карк* подр. курлыканию (ср. *как* подр. карканию вороны), *картылда-* 'издавать сильный хруст (напр., при откусывании сахара)'; туркм. *гарк-гарк* подр. кряканию, крику гусей, *гарга* 'ворона'; як. *хаах* подр. крику вороны, звуку харкания, *хар* подр. звуку сочного кашля, клокотанию бурно кипящей каши, масла и пр., *харылаа-* 'храпеть, хрипло журчать'; узб. *карга* 'ворона', *каргиш* 'проклятие, ругань, брань', *гартилла-* 'гудеть, трубить, реветь, греметь (напр., о звуках парная)'; тув. *каарган* 'ворона', *каргыра-* 'хрипеть, бурлить', *каргыраа* 'каргыра (вид горлового пения)'; хак. *харых-* 'храпеть'.

Др.-тюрк. *qarš qurs* подр. хрусту и хрупанию (МК I, 343); *qarša-* 'становиться твердым, твердеть' (МК III, 276); кирг. *карс* подр. треску, резкому звуку, звуку от резкого удара; туркм. *гарс* подр. резкому звуку ружейного выстрела, трах! бах!; узб. *карс-карс кил-*, *карсилла-* 'хрустеть, слегка трещать, потрескивать'.

Если модель *қар*{*қ, т*}/*гар*{*қ, т*}/*хар*{*қ, т*} признать общетюркской, то туркменский (*гәк-гәк*) и якутский (*хаах*) звукоизобразительные корни необходимо рассматривать как корни, компенсировавшие дрожавший сонорный долготой и удвоенным гласного. Наличие в

данном звукоизобразительном корне сонорного вибранта обусловлено дрожащим звучанием денотата, в частности крика вороны и подобных ему звуков.

Ыс подр. шипящим, свистящим звукам. В казахском языке этот корень чаще употребляется в составе производных: *ысылда*- 'шипеть', *ысқыр*- 'свистеть', шипеть (о змее)', *ысқырық* 'свист', *ысқырған боран* 'завывающая вьюга', *ысқырған аяз* 'трескучий мороз', *сызғыр*- 'свистеть (напр., о ветре)', *сызғырық* 'свист, стрекот'.

Звукоизобразительность основана на акустической характеристике глухого щелевого, при произнесении которого поток воздуха, проходя через узкую щель между кончиком языка и альвеолами, за счет трения производит шипящий звук. Узкий негубной *ы* дополняет раздражательный эффект, так как по признаку вертикального положения языка он более близок к щелевому *с*, чем широкие гласные. Модификатор *қ* изменяет значение, но свою основную звукоизобразительную функцию в данном случае не выполняет, так как не придает значение краткости, прерывности, как в других раздражательных основах. Это объясняется, очевидно, тем, что здесь в звукоизобразительном плане значимость щелевого оказывается превалирующей. При этом грамматическим показателем длительности, продолжительности звучания/действия в основе *ысқыр*- является вибрانت. Происхождение варианта *сызғыр*- легче объяснить, сопоставляя его со звукоизобразительными обозначениями свиста в других тюркских языках. Ср.: кирг. *ышқыр*- 'свистеть, шипеть (о змее)', *ышқырық* 'свист', *ышылда*- 'шипеть (о змее)'; туркм. *сыгыр*- 'свистеть', *сыкылык* 'свист'; як. *иһиир*-, *кысқык*- 'свистеть', *кыһыыр*- (от *кыс*) 'производить тонкий свист'; узб. *виз-виз* подр. резкому свисту (напр., ветра), *визилла*- 'свистеть, издавать свистящий звук, жужжать', *ғиз* подр. свисту, свистящему звуку, *ғизилла*- 'лететь со свистом, свистеть, визжать, быстро двигаться, мчаться', *хуштак* 'свист, дудка, свистулька, свисток', *хуштак чал*- 'свистеть, насвистывать'; хак. *сыыли*- 'шипеть, издавать шипящие звуки (напр., о змее)', *сыылааны* 'шипение', *сыыласты согласнайлар* 'шипящие согласные'; тат. *сызғыр*- 'свистеть', *ыс* подр. шипению гусей, змей и т. д., *ыш* подр. свисту плети; алт. *сыгыр*- 'свистеть'; тур. *şekşek*, *ğiz*, *fîç*- 'свистеть'; чув.

шахър- 'свистеть вообще, на свистульке или с помощью языка, нёба и зубов' и т. д.

В тюркских языках мы встречаем два типа звукоизобразительных форм: ГС и СГС. Вероятно, первый тип восходит к СГС; при этом качественный состав данной структуры, как отмечалось в первой главе, в древности функционировал в одном или нескольких тюркских языках в форме равносоставных фоносемантических единиц с перемещенными согласными анлаута и ауслаута. Следовательно, як. *кыс* > *кыскый*- 'свистеть' и туркм. *сык* (> *сыкылык* 'свист') необходимо рассматривать как фоносемантические/звукоизобразительные варианты одного корня. В свою очередь, это означает, что тур. *ğiz*, узб. *ғиз*, каз., тат. *сыз* представляют собой поздние модификации древней формы. Тур. *fīç* в подражательном плане является обозначением одного из видов свиста.

В некоторых других языках значение 'свист/свистеть' передается следующими формами: рус. *свист*-, *свирист*-, *фыюить!*; литов. *swilpt*; тадж. *виз-виз*, *хушт-хушт*, *чурчур*; осет. [ae]xs[itt], k'wyzz[ilt]; малай. *sit*; яп. *uso*, *shiu*; семит. *SPR* [-sfr]; евр., араб. *ŠRḲ*; монг. *исгэрэх/исгэрэх дуу*.

Значения приведенных форм отражают неоднородность самого свиста: свист человека губной и губно-зубной, свист ветра, свистящее шипение животных, свист предметов, разрывающих воздух, свист, получаемый с помощью музыкальных инструментов и т. д.

Объясняя причину варьативности звукоизображений свиста в различных языках, А. М. Газов-Гинзберг пишет: «Свист бывает двух родов (что и нарушает в некоторой мере единство изображений его): с помощью языка, нёба и зубов или реже с помощью губ. В обоих случаях звук производится путем продувания струи воздуха сквозь крайне узкую щель. Вследствие получающейся при этом равномерной вибрации напряженных стенок щели звук звóнок, но не голосовой звонкостью, почему, как правило, в этом звукоизображении участвуют негласовые (глухие) современные фонемы. Вследствие крайней узости щели звук предельно высок. Обычно в языке не существует отдельных глаголов для обозначения двух родов свиста. Воспроизведение язычно-губного свиста зафиксировано, естественно, при помощи свистящих (вклю-

чая шиплящие), образусмых именно данными органами, и способом, о котором говорит само их название. Аффрикаты часты здесь потому, что, представляя собой последовательное соединение смычки и щели, они более, чем обычные свистящие, родственны свисту, осуществляющемуся... при помощи щели, предельно примыкающей к смычке»³⁹.

Сопоставив еврейское и арамейское *SRK* 'свистеть' с турецким *şekşek*, марийским *шишк*, казанско-татарским *шик*, сербским *šik* с тем же самым значением, А. М. Газов-Гинзберг пришел к выводу, что в указанных формах *к* является звукообрывающей замычкой, превратившейся «в некоторых языках, в том числе в славянских, иногда в нечто вроде суффикса в названиях произношения отдельных звуков: ср. *ши-к-ать* в русском от *ш-ш-ш!*»⁴⁰.

Исходя из материалов чувашского языка, Г. Е. Корнилов считает, «что в нем (чувашском языке. — К. Х.) нашло выражение два вида имитативов и два типа отдельных глаголов для обозначения двух родов свиста»⁴¹.

В казахском языке звукоподражательное *ыс-қ-ыр-* в сопоставлении с семантически близкими словами других языков характеризуется определенным формальным сходством: в анлауте или инлауте переднеязычный свистящий *с*, модификатор *к* — в ауслауте производной основы; последний выделим при сопоставлении гомогенных корней в звукообразительных словах: *ыс-қ-ыр-*, *сы-қ-ыр-*, *ыш-қ-ыр-* (кирг.), *ыж-г-ыр-* (тат.), *сы-г-ыр-* (алт.), *сыз-г-ыр-* (к.-калп.), *шă-х-ăр* (чув.), где *-к/-г/-х* первоначально модификатор, указывающий на прерывность действия, при последующей затемненности в процессе денатурализации был объединен с корнем, а формант *-ы/р* со значением активности, повторности как бы стянул глагольную залоговую основу. В плане же мотивированности основного значения главная роль принадлежит переднеязычным свистящим, выполняющим звукоподражательную функцию.

Ар-, ыр- подр. рычанию, злобному рывканью. В казахском языке от звукоподражательных корней *ар-*, *ыр-* образуются такие производные, как *арсылда-*, *арпыл-*

³⁹ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителем... С. 46.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Корнилов Г. Е. К теории имитативов... // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1978. С. 125.

да-, *арылда-* 'громко, злобно лаять', *арыстан* 'лев', *ар ете тус-*, *арс ет-* 'рвякнуть, зарычать'; *ырылда-* 'рычать', *ыр ет-* 'зарычать', *ыржи-* 'осклабиться, оскалить зубы; неуместно смеяться, смеяться осклабясь', *ырби-* 'гримасничать, кривить рот', *ырси-* 'оскалить зубы; раскрываться (о ране)', *ырың-жырың* 'скандал, ссора, разлад', *ырсылда-* 'пыхтеть, тяжело дышать, запыхаться' и т. д.

Основным звукоизобразительным элементом здесь является вибрант *p*, акустические характеристики которого способствуют достаточно адекватному обозначению рычания животных. При специальной имитации естественных звуков в подражательных словах произношение вибранта значительно удлинняется, превращаясь в сплошное дрожащее *rrrrr...* С присоединением модификатора значение слова может меняться и даже сильно, что особенно наглядно видно в случае с производным *ырсылда*. Широкий анлаут отличается от узкого тем, что передает более громкий звук рычания. В казахском языке есть экспрессивно менее выразительный глагол *үрү-* 'лаять', который, если учитывать типичность чередования гласных в звукоизобразительных корнях общего значения, необходимо рассматривать как гомогенный с *ар-* и *ыр-*.

В туркменском языке однозначный корень начинается с увулярного глухого спиранта и соответствует структурному типу СГС. В узбекском наблюдается чередование ауслаута *p~л*, что отражает неустойчивость первичного в данном случае *p* в тюркских языках.

Модификатору *c* в казахском языке в якутском семантически соответствует *g (<t)*, в тувинском — звонкий плоскоязычный *з*. Ср.: др.-тюрк. *arslan* 'лев, львица' (МК II, 146); кирг. *ар* подр. злобному набрасыванию собаки, *арс* отрывистый лай, *арсылда-* 'лаять, рычать', *арылда-* 'реветь, бушевать'; як. *ар* подр. отрывистому рычанию собаки, зверя, *ардыргаа-* 'рвякать, злобно огрызаться'; тув. *арзылан* 'лев, львица'.

Др.-тюрк. *urila-* 'кричать' (МК I, 309), *ür-* 'лаять' (ДТС, 626); кирг. *ыр* подр. ворчанию собаки; слово, которым дразнят собаку, *ырылда-* 'злобно реветь, рычать', *ыржий-*, *ырсий-* 'оскалить зубы (при смехе)'; туркм. *хыр-хыр* подр. ворчанию, рычанию, урчанию, *хырла-* 'рычать, урчать (о собаке)'; як. *ыр* подр. ворчанию, предостерегающему рычанию собаки, *ырдыргаа-* 'сердито огрызаться, ворчать', *ырдай-* 'оскалить зубы', *ырдыгынаа-*

'ворчать угрожающе: *ыrrr* (о собаке)'; узб. *иржай-* 'ухмыляться, скалиться, щериться', *илжай-* 'улыбаться, ухмыляться, скалить зубы', *ирилла-* 'рычать, огрызаться'; тув. *ырлан-* 'рычать', *ырланчак* 'рычащий, сердитый, злой (о собаке)', *ырзай-* 'скалиться, скалить зубы, торчать (о зубах)', *ырзаңна-* 'смеяться, зубоскалить (показывая зубы), улыбаться, оскалившись, шалить, баловаться, вести себя безрассудно'; хак. *ыыран-* 'рычать, ворчать (о собаке)', *тіс ырсайт-* 'скалить зубы'.

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках в указанных значениях употребляются подражательные слова: монг. *архарах-* 'рычать', *ярзалзах-* 'оскаливаться'; бурят. *арзагар* 'оскаленный, с оскалом', *арр-арр* междометие, передающее сильное рычание, крик, *арсалан* 'лев'; маньчж. *ар.* 'крик, шум (во время ссоры)', *арсалан* 'лев', *эрсэлэн* 'львица' и т. д.

Это же звукоизобразительное значение 'рычать' лежит в основе форм в целом ряде других неродственных языков, ср.: рус. *ррр*, *ры(к)*; тадж. *ғур*; малай. *gereng*, [*me*]ngarong; араб., н.-евр. *MRMR*, араб. *BRBR* и т. д.

Типологическое сходство приведенных звукоизобразительных форм во всех рассмотренных языках очевидно.

Маң, мөң подр. мычанию, бляению. В тюркских языках данные формы образуют ряд глагольных и именных основ: каз. *маңыра-* 'блеять', *маңқ-маңқ ет-*, *маңқылда-* 'гундосить, говорить невнятно; зычно лаять', *маңқа* 'сопли; сап (болезнь лошадей)', *маңырама* 'овца, баран (букв. бляющий)', *маңқ* подр. звуку, произнесенному через нос, *мә* подр. бляению овец, коз, *мөңіре-* 'мычать (о корове, быке, теленке)'.

Др.-тюрк. *таңра-* 'кричать, орать' (МК III, 402), *те* подр. бляению козленка, ягненка (МК III, 214); кирг. *маа* подр. бляению овец, коз, *маара-* 'блеять', *ич маңқа*, *туяк маңқа* 'гнусавый', *маңкалан-* 'гнусавить'; туркм. *мә* подр. бляению овец, *мәлемез* 'пятiletний баран', *маң* 'трехлетний баран', *маңрамаз* 'четырёхлетний баран'; як. *маңраа-* (<*маа*)-'мычать (о корове)'; узб. *бааа* подр. бляению овцы, козы; тув. *маала-* 'блеять, кричать (об овцах, козах)'; хак. *мари-* 'блеять', *марааны* 'бляение'.

Др.-тюрк. *түңра* 'мычать, реветь' (МК III, 403), *түңәтәк* 'рев, вопли, стенания' (ДТС, 353); кирг. *мөө* подр. мычанию, *мөөре-* 'мычать'; туркм. *мө* подр. мычанию теленка, *мөңүриш* 'вопл', *мөңүрмек-* 'реветь, ры-

дать'; як. *бөө*, *мөө* подр. угрожающему реву быка, *маа* подр. мычанию коровы, *мээ* подр. мычанию теленка, *маңраа*- 'мычать', *мэңирээ*- (<*мээ*)- 'мычать (преимущественно о теленке)', *мэрилээ*- 'мычать (о теленке)', заливаясь громким плачем (о ребенке)'; тув. *мөө* подр. реву быка, *мөөле*-/*мөөре*- 'мычать (о корове /быке)'

Звукоизобразительные глаголы *маара*- 'блеять', *мөөре*- 'мычать' в киргизском и алтайском языках, образованные от подражательных основ *маа* и *мөө*, по Юнусалиеву, исторически восходят к звуко сочетаниям без долготы, напр.: *маң*, *мөң*; ср. каз. *маңыра*- 'блеять', *мөңіре*- 'мычать', по бур.-монг. *мөөре*- <**мөңрэ*-, др.-уйг. *маңра*- 'блеять', *мүңре*- 'мычать'⁴².

Несомненно, что в основе звукоизобразительных слов со значением 'мычать, блеять' лежат звукоподражания *мөө*, *муу*, *маа*, *мээ*, *баа*, *бее* и т. п., которые в процессе лексикализации перешли в *маң*, *мөң*. Дальнейшее морфологическое развитие подражательной основы происходило в соответствии со структурными закономерностями отдельного языка. Долготу в киргизском и алтайском, очевидно, можно объяснить двояко: либо как сохранение первичной формы, к которой впоследствии был присоединен глаголообразующий аффикс *p(e)* по типу *фу!* — междометие со значением брезгливости, пренебрежительности, *фукать*- 'произносить *фу!*'; 'брезговать', либо как результат выпадения сонорного *ң*. Поскольку в тюркских языках образовании производных от подражательных основ чаще происходит при их предварительной лексикализации (*түкір*, *барқыр*), то мы склонны второе объяснение возникновения долготы считать более убедительным.

В звукоизобразительном плане интересны якутские подражания *маа* и *мээ*, из которых первое относится к корове, а второе — к теленку. Значит, в данном случае вертикальная вариация гласных оказывается семантически релевантной. Еще более сложная фоносемантическая дифференциация значений наблюдается в тувинском языке, где чередование сонорных *p ~ л* обозначает половое различие между животными: более грубое и резкое *p* употребляется в обозначении мычания быка, а более мягкое и плавное *л* — в обозначении мычания коровы. Межъязыковое и внутриязыковое чередование ан-

⁴² Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. С. 160.

лаутных *б* ~ *м* часто встречается в тюркских языках и семантически индифферентно.

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках указанным тюркским звукоизобразительным формам соответствуют: монг. *майлах*- 'блеять', *мөөрөх*- 'мычать'; бурят. *майлаха*- 'блеять', *мөөрэхэ*- 'мычать', *мөөтэй* 'корова'; эвенк. *маңи*- 'мычать', *мор*-, *мэре*- 'реветь, рычать, мычать'; маньчж. *муң-маң* подр. мычанию (коров, оленей), *мура*- 'мычать, реветь, рычать'; ороц. *мура*- 'кричать'; нан. *мора* 'крик, возглас' и т. д.

Вне алтайских языков звукоизобразительные обозначения мычания имеют формы: рус. *му!*, *мы* (*к/ч*); тадж. *ба-ба*, *баъ-а!*; малай. *tengoeak*; евр. *G'W*; бляения — рус. *бээ!*, *бле-*, *ме(к)-*; тадж. *маа*, *ба-ба*; осет. *теqq*, *баегъ*; малай. *embek*, *gember*, *bek*; араб., н.-свр. *P'P/P'W*; араб. *BGI*, *M'M'*.

Наибольшая частота анлаутного *м* и *б* в рассмотренных звукоизобразительных образованиях мотивирована удобством подражания характерному звуку, издаваемому животными.

Таким образом, на основании рассмотрения более 1000 звукоизобразительных форм из 40 с лишним родственных и неродственных языков, а также исходя из собранного нами фактического материала (около 9500 единиц), отражающего фонетические и семантические соответствия подражаний (кроме указанных) шороху, шелесту, лопанью, бульканью, бурлению, жужжанию, щебетанию, стрекотанию, треску, бормотанию, шептанию и т. д., можно утверждать, что существующая в казахском языке звукоподражательная подсистема имеет ряд общих черт с аналогичными подсистемами тюркских, алтайских, индоевропейских, семитских и других языков. В связи с тем, что подражательные слова постоянно подвергаются процессу денатурализации, ассимиляции фонетической и морфологической структурой отдельного языка, степень совпадения, сходства звукоизобразительных форм в различных языках на данном этапе их развития неодинакова. Вместе с тем само существование подобных соответствий особенно в неродственных, разносистемных языках говорит о сохранении определенных функций звукоизобразительности (фонетической мотивированности) в лексике большинства современных языков.

Глава III

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Под звуко­симво­лизмом в языкознании понимают такое отношение между означае­мым и означающим, значе­нием и формой, при котором связь между ними носит не произвольный, а зависящий характер. Явление звуко­симво­лизма наряду со звуко­подра­жанием составляет языковую характерность, определяемую как звуко­образительность в языке. Принципиальное различие между звуко­симво­лизмом и звуко­подра­жанием заключается в несходстве мотивирующих признаков денотата, дифференцируемых путем чувственного восприятия.

Несмотря на то, что попытки объяснения природы звуко­симво­лизма предпринимались с давних времен, она до сих пор остается предметом оживленных споров как среди лингвистов, так и среди философов, психологов и других ученых, занимающихся исследованием проблемы происхождения языка и мышления.

Рассмотрим основные методы изучения звуко­симво­лизма, проливающие свет на сущность и особенности его проявления, а также ряд фактов, отражающих звуко­симво­лизм в лексике современного казахского языка.

Пионером в изучении звуко­симво­лизма чаще всего называют Платона, в одном из сочинений которого отмечалось, что звук [r] лучше всего приспособлен для передачи порыва и движения, [l] — для обозначения чего-то гладкого, [i] — узкого, [a] — большого, [e] — долгого, вечного¹. Г. Лейбниц считал, что звук [r] передает сильные движения, сопровождаемые шумом, звук [l] выра-

¹ Платон. Кратил // Соч. М., 1968. Т. 1.

жает нечто мягкое, передает тихое движение². Аналогичные наблюдения встречаются в трудах Августина, Х. Гердера, В. Гумбольдта, Ж. Ж. Руссо, В. Вундта и других ученых (в основном философов-идеалистов) средневековья и XIX в. В конце XIX и начале XX в. под влиянием младограмматической школы и трудов Ф. де Соссюра, а самое главное вследствие одноплановости и субъективизма в методике сторонников ономапоетической теории происхождения языка к исследованиям, посвященным изучению звуко-символизма, возникло явное недоверие, которое в советском языкознании впоследствии значительно усилилось после критики стадильной теории Н. Я. Марра и широкого применения семиологических принципов описания языка.

В 20—30-х гг. проблема звуко-символизма вновь привлекла внимание отдельных ученых, видевших перспективу его изучения в расширении фактического материала, в использовании разнообразных методов анализа и в привлечении данных смежных наук. Например, О. Есперсен, исследовав ряд слов, показал, что во многих языках слова со значением «маленький» как правило включают фонему [i]³. Экспериментальные методы исследования звукового символизма впервые были применены американскими лингвистами Э. Сепиром и С. Ньюэном. В эксперименте Э. Сепира испытуемые должны были соотнести бессмысленные слоги типа *mil* и *tal* со значениями 'маленький' — 'большой'⁴. С. Ньюэн с помощью аналогичной методики исследовал различные гласные и согласные фонемы, а также большой список английских слов со значениями 'большой' и 'маленький', в результате чего пришел к следующим выводам: 1) гласные английского языка располагаются по шкале 'маленький' — 'большой' в следующем порядке: [i], [e], [e], [æ], [a]; 2) согласные располагаются в последовательности [t], [d], [p], [b], [k], [g]; глухие оцениваются как «меньшие» по сравнению со звонкими, передние — как «меньшие» по сравнению с задними; 3) оценка зву-

² Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разуме. М., 1936. С. 245.

³ Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // Jespersen O. Linguistica. Copenhagen, 1933. P. 283—303.

⁴ Sapir E. A study in phonetic symbolism // Journal of experimental Psychology. 1929. Vol. 12. P. 225—239.

ков испытуемыми связана с физическими (акустическими и артикуляционными) свойствами этих звуков⁵.

Начиная с 60-х гг. экспериментальные методы исследования звукового символизма были применены уже целым рядом ученых; география исследованных языков значительно расширилась. Так, М. Майрон⁶ обнаружил, что гласные и согласные фонемы английского и японского языков оцениваются американцами (говорящими по-английски) и японцами в целом одинаково, при этом переднерядные звуки ассоциируются с «приятным», «слабым», «маленьким», заднерядные — с «неприятным», «сильным», «большим». Сходную интерпретацию результатов экспериментального анализа находим в работах Д. Узналде и М. Мнязаки.

Значительный интерес к проблеме звукосимволизма как зарубежными, так и советскими учеными был проявлен в последние два-три десятилетия. Среди них прежде всего необходимо назвать Р. Брауна, С. Эртеля, Г. Хордмана, И. и М. Тэйлоров, Ж. Петерфальви, Г. Мюллера, И. Брэкбилла, К. Литл, М. Майрона, а также советских лингвистов — В. В. Левицкого, А. П. Журавлева, Е. А. Гурджиеву, А. Н. Журинского, С. В. Воронина и др.

В связи с тем, что изучение звукосимволизма в тюркологии до сих пор не получило широкого распространения, остановимся на современных методах его исследования несколько подробнее.

Различные моменты проявления звукосимволизма в русском, украинском, молдавском и других языках исследовал В. В. Левицкий⁷. В методическом плане его эксперимент, как и эксперимент Г. Мюллера, заключался в том, что испытуемым предъявлялось какое-либо слово (искусственное или иностранное) и испытуемый должен был угадать его значение.

Возможность существования в языке звукосимволизма и изменчивости фонетических систем в синхронии и диахронии, по Левицкому, обусловлена относительным

⁵ Newman S. Further experiments in phonetic symbolism // American journal of psychology. 1933. 45.

⁶ Miron M. A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. 62. P. 623—630.

⁷ Левицкий В. В. К проблеме звукосимволизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969; Он же. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973; и др.

характером функционального значения самого явления звуко­символизма. «Этим объясняется, — пишет он, — тот факт, что в языке символизируются не все понятия, а как правило, крайние точки полярных понятий. В противном случае, т. е. если бы символическим значением обладали все или почти все слова данного языка, звуко­символизм утратил бы свою основную функцию — быть средством экспрессивности, наделять слово особой силой вырази­тельности и тем самым обеспечивать ему особый линг­вистический статус»⁸. Относительный характер звуко­вого символизма проявляется также в том, что «несмотря на четкие соответствия между определенными акустиче­скими и определенными семантическими единицами, между теми и другими нет жесткой связи. Так, большой размер может символизироваться в русском языке твер­дыми согласными, а малый — мягкими согласными (но не наоборот), понятие «сильный» — звонкими, а «слабый» — глухими (но не наоборот) и т. д. Однако по­нятие «маленький» может символизироваться не только мягкостью, но и глухостью, фрикативностью, латераль­ностью, верхним подъемом (у гласных), передним рядом и т. д., а «большой» — звонкостью, твердостью, смыч­ностью, дрожанием, нижним подъемом, задним рядом и т. д. Поэтому при символизации того или иного поня­тия каждый язык реализует не все признаки сразу, а лишь ту часть потенциального набора — инварианта признаков, которым располагает фонетическая система данного языка. Но даже тогда, когда язык располагает всем набором, в одном случае при символизации поня­тия «маленький» реализуется признак «верхний подь­ем», а в другом — «передний ряд»⁹.

Разделяя точку зрения В. В. Левицкого об относительном характере звукового символизма в плане син­хронии, мы не можем согласиться с утверждением автора о случайности соответствия формы слова с его содер­жанием на определенном этапе его исторического разви­тия. Рассматривая вопрос о совместимости звуко­символических «правил» и произвольности языкового знака, он пишет: «Звуко­символизм как бы «дремлет» в созна­нии человека и проявляется лишь тогда, когда форма слова, развиваясь в полном соответствии с морфологи­

⁸ *Левицкий В. В.* Звуко­символизм в лингвистике и психолингвистике // *Филологические науки.* 1975. № 4. С. 60.

⁹ Там же.

ческими и фонетическими законами данного языка, **случайно** приходит в соответствие (с точки зрения говорящего) с содержанием этого слова. Звукосимволические правила существуют... потенциально и латентно и реализуются в тех случаях, когда говорящий, сравнивая два **от природы не связанных** объекта (определенную форму и определенное содержание), обнаруживает структурное сходство между ними и **делает один объект символом другого** (выделено нами. — К. Х.)»¹⁰.

Здесь мы усматриваем два противоречия. Во-первых, при определении сущности звукосимволизма в диахронном необходимо учитывать тенденцию примарно мотивированного знака к постоянному развитию условности под действием коммуникативной функции языка. Признание примарной мотивированности позволяет вполне логично объяснять наличие как первичного, так и вторичного звукосимволизма направленным развитием звуковой оболочки не только по законам морфологии и фонетики конкретного языка, но и по закону постоянного противоречия, по которому форма слова-знака в процессе своего развития утрачивает связь со значением, но затем на каком-то этапе может развиваться в направлении соответствия значению. И хотя тенденция к немотивированности, связанная с основным назначением языка, подавляющая и охватывает с периода формирования человеческого языка всю его структуру, фонетически мотивированные образования как на уровне звукоподражательности, так и звукосимволизма даже на современном этапе составляют определенную часть лексики большинства известных нам языков. Если один объект в силу своих вполне определенных физических характеристик делается символом другого объекта, то это не говорит об условности связи между ними, а наоборот, показывает существование естественных связей. Во-вторых, даже если исследователь не стоит на позициях примарной мотивированности знака, то и в этом случае объяснение соответствия формы слова с содержанием в процессе развития случайностью противоречит законам общей детерминированности.

Для получения данных о связи определенных звуков и понятий в различных языках В. В. Левицкий¹¹ подверг

¹⁰ *Левицкий В. В. Звукосимволизм в лингвистике...* С. 59.

¹¹ *Там же.* С. 54—61.

анализу 28 языков различного строя (14 индоевропейских и 14 неиндоевропейских): 3 славянских (русский, болгарский, польский), 3 германских (английский, немецкий, датский), 3 романских (французский, испанский, румынский), 2 балтийских (литовский и латышский), 3 индоиранских (хинди, таджикский, осетинский), 3 тюркских (турецкий, узбекский, казахский), 3 финно-угорских (финский, венгерский, удмуртский), индонезийский, китайский, корейский, лезгинский, ненецкий, тамильский, эвенкийский и японский.

Так как В. В. Левицкий привлек для анализа и факты казахского языка, остановимся на его наблюдениях несколько подробнее. При подготовке к эксперименту из двуязычных словарей им были выписаны все слова, соответствующие русским 'маленький, крошечный, крохотный' (в значении 'небольшой по физическому размеру') и 'большой, огромный, громадный' (в значении 'большой по физическому размеру') и было получено 2 списка слов: 98 слов со значением 'маленький' и 116 слов со значением 'большой'. После принятия некоторых допущений все слова были затранскрибированы, а затем найдены частоты соответствующих гласных и согласных в обоих списках. Дальнейший статистический анализ позволил исследователю найти: 1) различия между обеими группами слов по составу гласных и согласных фонем; 2) различия по составу дифференциальных признаков фонем; 3) те фонемы и те дифференциальные признаки, фактические частоты которых в том или ином списке превышают теоретически ожидаемые. «Результаты статистического анализа показали, что понятие «маленький» символизируется следующими признаками: передняя или задняя позиция языка (гласные), глухость, аффрикаты, сонорность (в последнем случае значимость отсутствует). Понятие «большой» символизируется задними и нижними гласными, звонкими, смычными, дрожательными. При символизации обоих понятий особую роль играют следующие фонемы: [i], [n], [ts] — «маленький» (за счет фонемы [ts] аффрикаты обладают повышенной частотностью при символизации понятия «маленький»): [o], [a], [r], [d], [z] — «большой»¹².

Психолингвистический анализ звуко-символического выражения понятий «маленький» — «большой» В. В. Ле-

¹² Там же. С. 58.

вицкий проводил с помощью данных, полученных И. и М. Тэйлорами по английскому, корейскому, тамильскому и японскому языкам¹³, и данных, полученных им при изучении аналогичных фактов в русском, украинском и молдавском языках. «Результаты анализа показали, что понятие «маленький» может символизироваться... глухими, фрикативными, сонорными (признаки согласных), передними, верхними (признаки гласных); понятие «большой» может символизироваться противоположными признаками: звонкостью, смычностью, задней и нижней позицией языка»¹⁴. Сравнив частоты дифференциальных признаков, символизирующих понятия «маленький» и «большой», в лингвистике и психолингвистике, В. В. Левицкий обнаружил между полученными данными значимую корреляцию как на уровне фонемы, так и на уровне дифференциальных признаков фонем. Это позволило ему сделать вывод о том, что «звуковой символизм (по крайней мере, по шкале размера) носит универсальный характер... в основе звукосимволизма лежат физические свойства звуков»¹⁵.

При изучении звукосимволизма связь формы с содержанием рассматривается не как абсолютная зависимость, а как определенная тенденция, сущность которой проявляется в возможности достаточно гармоничного соответствия звучания слова его значению и наоборот. Другими словами, в восприятии человека — носителя конкретного языка — значение и звучание, выступающие как единство понятийного и материального, как определенная единица информации, возможны подсознательно, по все же в какой-то степени могут оцениваться как предопределяющие друг друга. Значит, это — явление, при котором «звучание и значение не безразличны друг другу».

Данной точки зрения в звуковом символизме придерживается Е. А. Гурджиева, которая рассматривает субъективный звуковой символизм как связь между звучанием и смыслом в психике человека, как факт психики, выделяемый «при анализе реакций испытуемых, в том

¹³ Taylor I. K., Taylor M. M. Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian journal of psychology. Vol. 16. 1962. N 4; Taylor I. K. Phonetic symbolism reexamined // Psychological Bulletin. 60. 1963. 2.

¹⁴ Левицкий В. В. Звукосимволизм в лингвистике... С. 57.

¹⁵ Там же. С. 58, 59.

числе вербальных реакций»¹⁶. Символическое значение, по ее мнению, представляет собой статистически доказанный семантический коррелят звуков, т. е. то значение, с которым говорящие связывают то или иное звучание. Для обоснования последнего испытываемым предъявлялись искусственные слова, записанные русской графикой, и они должны были определить значения этих слов, соотнося с 15-шкальной системой признаков (типа большой — маленький, мягкий — твердый и т. д.).

По Журавлеву, единственным возможным путем описания звуковой символики является «перечисление оценочных признаков», так как символика звуков, обобщенная в фонетическом значении, имеет признаковый характер¹⁷. Для определения фонетического значения автор путем специальных расчетов, основанных на данных таблицы оценок отдельных звуков, производит анализ как статистических, так и акустико-артикуляторных свойств фонем.

Данная методика исследования звукового символизма, как считает А. Н. Журинский, имеет «некоторые слабые стороны», заключающиеся в том, что фонетическое значение, описанное путем перечисления признаков, «не выдерживает типологической проверки и потому является условным»¹⁸. По его мнению, «при артикуляторном и акустическом подходе мы с самого начала отмечаем не только связь звука и значения, а черты звукового символизма... минуя показ внутренней, символической связи между двумя компонентами знака, предполагаем, что такая связь есть, если обнаруживаем, что некоторый звук (или оппозиция) имеет близкие значения во всех языках»¹⁹.

Проявлениями звукового символизма в языке можно считать факты существенных различий в ассоциировании носителями языка конкретных звукоформ, обусловленных фонетически, когда само ассоциирование происходит в нарушение системных связей сформировавшегося семантического поля в каждом отдельном языке.

¹⁶ Гурджиева Е. А. Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1973. С. 5.

¹⁷ Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974. С. 32.

¹⁸ Журинский А. Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания (в применении к идеофонам в языке зве) // Проблемы африканского языкознания. М., 1972. С. 108.

¹⁹ Там же.

Так, благодаря психоллингвистическому анализу словесных ассоциаций Л. Н. Титова методом свободного ассоциативного эксперимента с письменной фиксацией первой и единственной реакции информантов обнаружила совпадение основных семантических типов ассоциирования в русском и киргизском языках, «что является показателем значительного единства в установлении логикосемантических связей между членами лексической системы носителями обоих языков»²⁰. Вместе с тем среди наиболее существенных различий ассоциирования, мотивированных лингвистическими причинами, автор выделяет и фонетический фактор, т. е. фонетическую ассоциативность, отражающую «звуковые схождения или соотношения стимула и ассоциации (ср. рус. *гладкий* — *сладкий*, *успех* — *смех*, кирг. *арал* — *марал*)»²¹.

В аналогичном исследовании Н. В. Дмитриук на материалах русского и казахского языков показала сложность взаимодействия культурных, социально-психологических, языковых (речевых) факторов, влияющих на способы ассоциирования, а также привела результаты наблюдений над специфичностью строения ассоциативного поведения русских и казахов²². Наряду с культурологическими факторами, влияющими на появление национально-специфических вербальных ассоциаций, автор выделяет языковые (речевые) факторы, формирующие своеобразные реакции разноязычных информантов. Наиболее характерными среди них являются различия в семантической структуре стимулов-коррелятов, во фразеологии, в своеобразии ономастики и топонимики, в грамматических свойствах сопоставляемых языков. Последнее включает в себя различие морфологических типов языков, своеобразии их грамматических форм, словообразовательной системы и различные способы сочетаемости.

Фонетический фактор при определении различий в вербальных ассоциациях русского и казахского языков Н. В. Дмитриук не рассматривает. Это объясняется, очевидно, тем, что факты звуковой ассоциативности в экспе-

²⁰ Титова Л. Н. Психоллингвистический анализ словесных ассоциаций в русском и киргизском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. С. 13.

²¹ Там же. С. 9.

²² Дмитриук Н. В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

рименте сравнительно не столь многочисленны, не представляют большой сложности при интерпретации причин их появления и не объясняют лингвистических причин национально-культурных особенностей речевого общения. Наибольший интерес данные факты, полученные с помощью ассоциативных методик, представляют для исследования звуко-символических аспектов как национального, так и универсального характера, его проявлений в современных языках.

Можно предполагать, что фонетическая ассоциативность, по своей форме близкая к звукообразности, на уровне фонетической системы конкретного языка имеет свои особенности. Универсализм ее проявляется в общей возможности ассоциирования однотипных звуко-комплексов, слов с одинаковым или сходным составом звуков. В связи с этим определенный интерес представляли бы наблюдения над фактами межъязыкового фонетического ассоциирования тождественных или близких звуковых образований.

Итак, современный объективный анализ звукового значения можно дифференцировать по трем видам методик: когда наблюдения ведутся над реально существующими словами и текстами, а также частотой тех или иных звуков; когда эксперимент связан с оценкой квазислов, предъявляемых испытуемым; когда оценка дается непосредственно звукам. Содержательный план эксперимента выражается чаще всего с помощью слов родного языка (иногда с помощью рисунков и фигур).

Экспериментальное изучение звуко-символизма на материале конкретных языков выявило определенную закономерность, в соответствии с которой носители одного и того же языка приписывают одинаковым словам или звукам одно и то же или сходное значение. Вместе с тем анализ фактов отдельно взятого языка не доказывает объективного существования звуко-символизма как универсального явления, так как восприятие и оценка испытуемым при всех существующих методах так или иначе связаны с ассоциациями, возникающими под влиянием сложившейся лексико-семантической системы и речевых навыков. При выявлении же сходных оценок в результате сопоставления экспериментально полученных данных по нескольким языкам исследователи чаще всего утверждают о наличии универсальности в явлении звуко-символизма.

Однако, как иногда бывает в науке, одни и те же методы исследования могут привести к совершенно различным результатам. Например, в эксперименте И. и М. Тэйлоров²³ носители английского, корейского, тамильского и японского языков оценивали по четырем шкалам 144 искусственных слова типа СГС. На основании полученных данных они пришли к заключению, по которому звуковой символизм носит национальный характер и мотивирован речевым навыком, приобретенным в процессе обучения языку и закрепившим ассоциацию между звуком и смыслом. По материалам Тэйлоров, звук [t] в английском языке оценивается как «маленький», а в корейском — как «большой». Как известно, подобные расхождения в оценке одних и тех же звуков носителями разных языков встречаются и в других случаях. Например, оценка звука [ʃ] русскими и поляками не идентична по многим признакам 15-шкальной системы.

Можно ли на основании этих фактов утверждать об отсутствии универсальности в явлении звукосимволизма, т. е. о его национальном, специфичном характере для каждого языка в отдельности? Очевидно, нет. В данном случае прежде всего необходимо учитывать принципиальное понимание сущности явления, его значение в истории происхождения языка, языкового знака и его место в лексике современных языков. А это невозможно без определения конкретных истоков звукосимволизма.

Относительно причин возникновения звукосимволизма в речи существуют две гипотезы. Согласно первой, поддерживаемой большинством ученых, данное явление имеет отприродный, первичный характер, так как берет начало от естественных звуков окружающей среды и физических свойств денотата. Принципиальным моментом второй гипотезы является утверждение вторичности звукосимволизма, в соответствии с которым звуковая символика формируется в результате влияния понятийного значения на звуковую форму слова, т. е. функционирование какого-то звука в нескольких словах со сходной семантикой подсознательно обуславливает его

²³ Taylor I. K., Taylor M. M. Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian journal of psychology. Vol. 16. 1962. 4; Taylor I. K. Phonetic symbolism reexamined // Psychological Bulletin. 60. 1963. 2.

ассоциацию с семантикой этих слов²⁴. Если эти гипотезы рассматривать с точки зрения основных положений фоносемантики и примарной мотивированности языкового знака, то первая из них является одним из подтверждений мотивированного, отприродного происхождения языка, а вторая в основном отражает современное состояние фонетической мотивированности лексики, в силу коммуникативной функции наделенной всеми признаками семиотической системы и в значительной степени утратившей естественную обусловленность. Материалы исследований по звукоизобразительности подтверждают положение о степени фонетической мотивированности лексики ряда современных языков²⁵. Что же касается несовпадения оценок вышеуказанных звуков (*l*, *š*), то здесь на восприятие влияет частотность их употребления, нивелирующая экспрессивность наиболее часто встречающихся звуков в конкретных языках (например, *š* в польском).

Следовательно, разработка универсальной теории звукоизобразительности, включающей и описание звуко-символизма, не предполагает фонетической мотивированности всего лексического состава и звукового строя языка (что не только практически, но и теоретически невозможно в отношении современных языков), а ставит своей задачей поиск общих моментов звукоизобразительности, конкретных фактов и явлений, восходящих к образованиям с взаимосвязанными формой и содержанием.

Рассмотренные методы исследования звукового символизма раскрывают различные стороны этого сложного явления в языке, но, к сожалению, не объясняют механизм формирования звуко-символической номинации в исходном моменте. Физические свойства звука, особенности артикуляционного процесса и признаковая сторона восприятия звука тесно связаны со звуко-символизмом, вместе с тем они сами мотивированы факторами сенсорного плана, неотделимы от психофизиологических процессов, происходящих в мозгу человека.

²⁴ Siebeler A. Primäre oder sekundäre Lautbedeutsamkeit // Anzeiger der Oster. Akad. Wiss. Wien, 1948. 84; Taylor I. K. Phonetic symbolism reexamined ... P. 132.

²⁵ См.: Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителем в своих истоках? М., 1965; Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982; Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1985; и др.

В понимании природы звуко-символизма мы придерживаемся гипотезы С. В. Воронина о синестемии, явившейся результатом развития и уточнения положений Ж. М. Петерфальви²⁶ и И. Н. Горелова²⁷, о синестезии как психофизиологической основе звуко-символизма в процессе происхождения и развития языка.

Под синестемией С. В. Воронин понимает «различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне — перенос значения, в том числе перенос значения в звуко-символическом слове»²⁸.

Чтобы понять сущность явления синестемии, необходимо остановиться на основных связях между сенсорными системами. Одним из важнейших путей сенсорного взаимодействия является центральный, охватывающий эфаптические и ассоциативные связи. Эфаптические связи наблюдаются тогда, когда возбуждение одних нервных волокон и клеток влияет на состояние других, смежных с ними». В частности, в области среднего мозга возможно взаимовлияние «через прорадиацию возбуждения с путей зрительных на слуховые пути, и наоборот». При ассоциативных связях многочисленные ассоциативные волокна, связывающие между собой различные участки коры головного мозга, являются одним из путей взаимовлияния изменений, индуцированных в различных органах чувств.

Синестезия как вид взаимодействия ощущений имеет важное значение на ранних этапах человеческого восприятия. «Человек научился называть объект, поскольку у него вырабатываются ассоциации, например, между зрительным, акустическим и тактильным образом; к этому моменту эволюции фонационный аппарат уже сформировался настолько, что он может произвести звук, с помощью которого ассоциируется внутреннее переживание слияния поступающей по различным каналам информации; способность человека формировать

²⁶ *Peterfalvi J.-M.* Recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique. Paris, 1970. P. 153.

²⁷ *Горелов И. Н.* Проблема функционирования базиса речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1977. С. 9.

²⁸ *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. С. 77.

интермодальные ассоциации способствует, таким образом, появлению языка»²⁹.

Синестезия, действующая только в сенсорной сфере, не исчерпывает психофизиологической основы звуко-символизма, распространяющейся и на эмоциональную сферу. При синестемии взаимодействие элементов сенсорной и эмоциональной сфер выражается в переносе как результате. В сенсорном типе имеет место перенос качества одного ощущения на другое, в эмоциональном — прямой перенос качества ощущения на эмоцию. «На лингвистическом уровне... объектом переноса служит не качество ощущения, а значение звуко-символического слова». Следовательно, «синестемия есть психофизиологическая универсалия, лежащая в основе звуко-символизма как универсалии лингвистической. Область действия синестемии — сенсорно-эмоциональная сфера; эта же сфера в значительной части есть область звуко-символической лексики»³⁰.

Предложенная С. В. Ворониным интерпретация психофизиологической природы звуко-символизма в языке последовательно объясняет механизм звуко-символической номинации. В связи с этим отпадает вопрос о причинах образования звукоизобразительной лексики, являющейся обозначением так называемых «молчаливых» денотатов. Кроме того, на основании положения о синестемии вполне возможно проведение не дифференцированного, а обобщенного исследования всей звукоизобразительной лексики как в одном, так и в нескольких языках. Мы имеем в виду звуко- и образоподражательные слова, зачастую объединяемые в одну группу лишь на основании подражательной семантики и формального сходства безотносительно от сущности звукоизобразительной номинации. Однако, говоря об универсальности концепции С. В. Воронина о психофизиологических основах звуко-символизма, ее нельзя рассматривать как конкретное руководство, раскрывающее механизм звукоизображения в каждом отдельном случае. Данная концепция объясняет общий, изначальный момент звуко-символизма, предполагает выявление тех или иных причин звукоизобразительной номинации на материале конкретного языка.

²⁹ Там же. С. 80.

³⁰ Там же. С. 85—86.

Рассмотренная в предыдущей главе звукоподражательная лексика, как известно, в номинативном плане основана на признаках предметов или действий, воспринимаемых в слуховой модальности. В отличие от звукоподражательных слов, когда признак номинации определяется достаточно легко, признаки номинации звуко-символических слов не имеют четких границ, хотя могут быть ограничены рамками восприятия не слуховой, а любой другой сенсорной модальности человека. Иными словами, в этом случае признаками номинации могут служить те или иные свойства или качества, информацию о которых мы получаем через зрение, обоняние, осязание, вкус или органические ощущения. Объектов, признаки которых человек воспринимает в указанных сенсорных модальностях, в окружающей действительности чрезвычайно много, и поэтому их описание при изучении признаков номинации звуко-символических слов, очевидно, необходимо давать в предельно обобщенном виде.

Разные авторы выделяют разные объекты обозначения звуко-символических слов. В качестве таких объектов чаще всего выступают: движение (с учетом его характера и скорости), форма предметов, свет, душевное состояние, размер, удаленность, звуковые явления речевого аппарата и т. д. Значит, при определении объектов звуко-символической номинации наиболее последовательным является сенсорный принцип. Придерживаясь его и понимая природу звуко-символизма в изложенном нами плане, рассмотрим звуко-символические обозначения в казахском языке, сопоставляя фоносемантические особенности и семантическое развитие со сходными формами в ряде генетически близких и отдаленных языков.

Қап — эта односложная глагольно-именная корневая морфема в казахском языке имеет ряд производных: *қап* — 'кусать'; 'мешок', 'чехол', 'оболочка'; *пистолеттің қабы* 'кобура пистолета'; *қапқан* 'калкан', *қабық* 'кора, шелуха'; *қабықта* — 'снимать, сдирать кору'; *қабықша* 'оболочка, покрытие'; *қапсыр* — 'крепко сжать, обнять, закрыть (дверь)'; *қапсырма* 'украшение женской верхней одежды в виде бляшек с крючками'; *қапсырма есік* 'двустворчатые двери'; *қапта* — 'класть в мешок, чехлить, покрывать слоем чего-либо, множиться, быть в большом количестве'; *қаптал* 'верхняя одежда (шуба, тулуп, халат)'; *қабақ* 'верхнее веко' (в современном казахском языке много словосочетаний со словом *қабақ*, образно

передающих самые различные оттенки душевного состояния человека, например: *қабағын түйді-* 'насунил брови, рассердился', *қабағы тырысты-* 'огорчился, был недоволен' и др.; только в «Толковом словаре казахского языка» подобных словосочетаний зарегистрировано более сорока) и т. д.

В татарском языке у корня *қап* наряду с определенной семантической и морфологической общностью с казахским *қап* наблюдаются и некоторые различия: *қап* 'куль (большой мешок) из рогожи', 'коробка (для спичек)', *қапка* 'ворота', *қапкач* 'крышка, покрывка, колпак, клапан, дверка, заслонка, ставни', *қапкын* 'капкан', *қаплам* 'покров', *қапғыот* 'жадина, хапуга' и т. д.

В киргизском языке семантическое поле рассматриваемой морфемы также образуется от исходного понятия: *кап-* 'хватать, брать руками, хватать ртом, зубами; широкий мешок, футляр, оболочка, ножны', *қапка* 'крышка, покрывка'; 'ворота, ущелье', *қапчыгай* 'горное ущелье, горный проход, узкая и длинная горная долина' и т. д.

В других тюркских языках могут наблюдаться фонетические и семантические вариации данной корневой морфемы, но гомогенные отношения не нарушаются: чув. *кап-* 'неожиданно и быстро схватить (ртом, руками, лапами)', *капар* 'обжора, жадный, живоглот', *капаш-* 'хватать, доставать', *хампа* 'пузырь, емкость для воздуха, газа', *хомп-хомп* 'холостое открывание и закрывание рта'; тув. *хавак* 'веко'; др.-уйг. *капгак* 'крышка'; туркм. *гапак* 'веко', *гапу* 'дверь'; аз. *гапа-*; тур. *кага-* 'закрывать'; др.-тюрк. *кап* 'сосуд, мех, бурдюк, мешок, оболочка плодного пузыря; хватать, закрывать, похищать, красть, таскать, одолевать', *капаг* 'ворота, дверь', *капак* 'покрывка, веко; девственность, целомудренность, невинность', *капса-* 'окружать, охватывать со всех сторон' и т. д.

Если фонетическое сходство и семантическую близость указанных слов можно объяснить общностью генетической основы, то в случае с однотипными словами из индоевропейских, семито-хамитских и дравидийских языков подобное этимологизирование совершенно невозможно (разве что с позиций ностратической теории): ср. мордов. (мокшан) *караде-* 'проглотить, хапнуть', мар. (вост.) *кора* 'ладонь, лапа'; тамил. *кавви-* 'хватать ртом, жадно есть'; кодагу *кабб-* 'хватать широко раскрытым

ртом'; тамил. *kappi-* 'набивать рот'; орок. *xapki-* 'схватить за горло, душисть'; рус. *хапать*; гр. *χαπῶ-* 'хватаю, жадно глотаю'; лат. *capio-* 'беру'; литов. *gabana* 'охапка'; др.-прл. *gaibid-* 'берет, хватает'; хотан. *ggošta* (<**gabasti*) 'горсть'; др.-инд. *gabh-asti* 'рука'; лат. *habēō-* 'держу, имею'; гот. *haban-* 'держать, иметь' и т. д. По Илличу-Свитычу, гипотетически исходными указанных слов были: для семито-хамитских языков *kp-/qr-* 'покрывать, закрывать', для дравидийских *kapp-/kavul-* 'покрывать', для алтайских *k'ara-* 'закрывать'³¹.

Сопоставляя слова со значением 'звук хватания ртом', А. М. Газов-Гинзберг приводит следующие примеры: рус. *ам* (*хам*), *гам*; осет. *kapp*; як. *ам*, *ням*, *хан*; чув. *хомп*, *хып*, *кан*; яп.: *ku(p)u*; араб. *НММ*, *КММ*, *ГМ* — и отмечает, что «слова эти происходят от жеста хватания ртом, подчеркнутого озвучением (при помощи вдоха или выдоха, чаще с голосом)»³².

«Трудно сомневаться, — утверждает Л. Н. Харитонов, — что эти слова происходят от подражания как процессу, так и звуку удара горстью, хватания. Хорошо виден физический объект этого подражания в якутском языке: *хси* 'звук хлопанья предметом, имеющим выемку или углубление в середине (вогнутые ладони, копыта и т. д.)', *хан* (ср. *хан сынвар-* 'схватить проворно, сцапать') 'хлопающий звук (хлоп!) при хватании руками'»³³. Об этом же у А. М. Газова-Гинзберга: «Звук удара горстью, хватания производится тем, что перед самым моментом захлопывания излишний воздух изгоняется из образующейся полости, и затем эта полость замыкается смычкой краев ладони. Органы речи, чтобы произвести сходный звук, производят те же механические процессы. Изгнание воздуха производится быстрым выдохом его (впрочем, близкий звук получится и при вдохе), что обрывается смычкой крайних органов ротовой полости — губ. Голос, а следовательно и гласный звук, разумеется, на стадии имитации был излишен»³⁴. Аналогичный процесс имитации движения, как известно, наблюдается при резании ножницами, когда отдельные люди языком или

³¹ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. 1971. С. 336.

³² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 19, 56.

³³ Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954. С. 263—264.

³⁴ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 56.

челюстью повторяют движения, производимые рукой или ножницами.

По Воронину, «характер примарной мотивированности здесь ясен: при первичной номинации жест хватания рукой «моделируется» в звукоизображении озвучаемым жестом хватания ртом. Семантическая же эволюция такова: 'хватать (хапать) ртом' — 'хватать рукой' — 'орать' — 'держат, иметь'»³⁵.

В тюркских языках семантическое развитие рассматриваемой корневой морфемы, как видно из примеров, получило несколько иное направление: 'хватать ртом' — 'охватывать, окружать' — 'покрывать слоем, закрывать'. Но и при значительной семантической удаленности данных слов в современных языках (особенно производных) их возведение к исходной звукоизобразительной морфеме путем фоносемантического анализа представляется вполне обоснованным. Следовательно, односложную глагольно-именную корневую морфему *kap* в приведенном значении в казахском языке необходимо рассматривать как звуко-символическое слово, мотивированное в своем происхождении ощущениями тактильной модальности.

Шап — звукоизобразительное слово со значением быстрого действия, моментальной реакции, соответствует рус. *цап*; каз. *шап беру* — 'быстро ухватиться'; *шапалақ* 'шлепок'; *шапалақта* — 'отшлепать'; *қол шапалақтау* — 'хлопать в ладоши; аплодисменты'; *шапашот* 'мотыга'; *шаппа* 'курок, перочинный нож'; *шапшаң* 'быстро, проворно'; *шапшу* — 'прыгать, бить фонтаном'; *шапқы* 'тляпка'; *шапқыласу* — 'поскакать, рубиться'; *шапқыла* — 'изрубить'; *шапқынышылық* 'набег, разбой'; *шабу* — 'рубить, косить'; *шабын* 'сенокос, луг'.

Ср. кирг. *шап* подр. слово, выражающее быстроту, моментальность действия; *шап этип* 'вдруг, моментально'; *шапалак* 'ладонь, пощечина'; *цап* подр. слово, выражающее проворное, ловкое движение; *цап* 'рубить, выдалбливать, хлестать (напр., плетью); разгромить, учинить разгром'; *чана* 'быстро, проворно, ловко'; *чанакта* — 'хлопать, шлепать'; *чанкы* 'тляпка для рубки мяса'; *чанкыла* — 'многократно стегать'; *чанкыч* 'рубящее орудие'; *чанчан* 'быстро, проворно, ловко'; *чанчы* — 'бить копытом

³⁵ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 77.

о землю'; тат. *шап* подр. однократному стуку; *шаналак* диал. 'пощечина, оплеуха'; *шап-шон* подр. продолжительному или неравномерному стуку: шлеп-шлеп, хлоп-хлоп; *чанкалау* 'ударять, бить'; *чанкы* 'тяпка, сечка'; *чанкыч* 'косилка'; *чанылдату* 'чавкать, чмокать'.

В других тюркских языках: чув. *сун*- 'бить по щеке, давать пощечину'; *ала сун*- 'аплодировать'; уйг. *чан*; узб. *чоп* 'рубить, косить'; хак. *сан* 'бить, ударять'.

Приведенные примеры при дополнении словоформами из словаря М. Кашгари сохраняют общую картину гомогенности корней, несмотря на филиацию значений и варьирование их формы (ДТС, 139): *џар-џар* 'резкие отрывистые звуки, щелчки; шелканье кнутом, чавканье, причмокивание'; *џар*- 'хлестать, стегать; мазать, обмазывать (глиной, нашлепывая ее на стену); плыть (шлепая)'; *џар џар* звук, возникающий при шлепанье и чавканье, чмоканье (ДТС, 520). Интересно отметить, что у М. Кашгари *џар* может обозначать две разновидности шлепающего удара, различающиеся продолжительностью контакта соприкасающихся предметов.

По Илличу-Свиту, данный корень на уровне ностратики имел форму *сар'а*- 'бить, рубить' и по происхождению является дескриптивным. Ср. семит. **sp-* (**spq*, **spd*); араб. *sfq-* 'с шумом ударять, шлепать'; др.-евр. *spd-* 'бить себя по бедрам (в знак печали и т. п.)'; сир., угарит. *spd-* 'бить себя в знак траура'... К **sp*, вероятно, восходит и араб. *sf-* 'ударить кулаком'; юж. араб. (шахри) *sf'*- 'дать пощечину'. В индоевропейских языках: гр. *σκέταρνος* 'топор плотника'; др.-исл. *skapt*; др.-верх.-нем. *skaft* 'древко, копьё'; литов. *skāplis* 'плотницкий топор'; латыш. *škēps* 'копье'; ст.-слав. *skopiti*- 'оскоплять'; рус. *щипать* (лучину) и т. п. В уральских языках: вепс. *сарра-* 'рубить, резать, сечь'; саам. (сев.) *џиор'рâ-* 'рубить'; мордов. (мокшан.) *саро-де* 'ударить, тыпнуть', (эрзян.) *саро-* 'бить в ладоши'; венг. *csar-* 'ударить'; самодийск.: ненецк. *sara-* 'рубить', энецк. *sobi-*, нганасан. *sofara-*, селькуп. *hapta-* 'срубить'. В дравидийских языках: юж.-драв. **cava-ru-*, кота *cavr-* 'вырубать (кусты и т. п.)', каннада *savaru-* 'обрубать ветки'.

В алтайских языках: тюрк. **сар(а)-* 'бить', др.-уйг. *џар-*;

чаг., кирг., каз., туркм. *šar-*; тур. *şar-*; чув. (верхов.) *šor-*, (низов.) *šur-* 'бить по щеке'; монг. письм. *šabči-*, халха *šawči-* 'рубить, бить копытом'; калм. *šabči-* 'срубать' (<*šar-či); тунг., нан. *šarči-* 'рубить'; уд. *šarša-* 'колоть дрова'; эвенк. (вост.) *šarka* 'острога'³⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о гомогенности *šar/šar/sar*, при этом если на уровне праязыка в тюркских односложных корневых словах гипотетически выделяется *šar*, то в казахском языке данный корень выражен формами с *š* и *s* в анлауте. Интересно, что та и другая формы при определенной семантической близости не утратили звукосимволической функции, а также имеют свой ряд производных, уже несколько отдаленных в семантическом плане.

В отношении звукосимволической функции важно отметить, что если в казахском языке сибиллянты *š* и *s* в рассматриваемых корнях указывают на напряженность обозначаемого процесса, то в отдельных тюркских языках (например, в киргизском и татарском) употребляются сибиллянт *š* и аффриката *š*, которые, как и у М. Кашгари, могут указывать, кроме того, и на чавкающую артикуляцию. Последнее в казахском языке, как видно из разбора корневых основ *шалп*, *салп*, *шылл* и т. д., выражается сонантом *l* в соответствующем окружении.

Ык—ылык 'икота', *ықылықта-* 'икать', *ық етпе-* 'не пикнуть, не издавать ни звука'. При икании наблюдается непроизвольное сжатие мышц горла, резко прекращающее втягивание воздуха, в результате чего издается характерный звук. Звукосимволическое обозначение икания в казахском языке состоит из узкого негубного заднего ряда *ы* и увулярного смычного *қ*, артикуляция которого как бы повторяет, воспроизводит действие мышц при икании. Употребление в данном случае именно увулярного *қ* объясняется тем, что этот согласный в фонетической системе казахского языка из смычных согласных является самым задним.

В других тюркских языках казахской звукоизобразительной форме со значением 'икота' соответствуют: др.-тюрк. *iq tut-* 'нападать, схватывать (об икоте)' (МК I, 37), *iqırmaq* 'удушье' (ДТС, 219); кирг. *ык* 'икота', *ик тут-*, *ыктыт-* 'икать', *ыктытма* 'икота', *ыктыга сөйлө-* 'говорить задыхаясь, запинаясь', *ыкылда-* 'издавать

³⁶ Илич-Свитыч В. М. Опыт сравнения... С. 201.

звук, похожий на икоту (напр., при ударе в живот)'; туркм. *ык* подр. вздоху, стону; як. *лык* подр. ляганию зубов; икоте; узб. *ўхчи-* 'издавать характерные звуки при позыве на рвоту'; *кокилиб гапир-* 'говорить запинаясь', *кокин-* 'запинаться', *хиқичоқ* 'икота', *хиқилдоқ* 'гортань, глотка', *х'иқ-хиқ* подр. икоте, сдавленным, отрывистым звукам и т. д.

По-видимому, каз., кирг., туркм. *ык* восходит к пратюркскому *q̄q/kk*, так как, во-первых, сохранились формы каз. *кек-еш* 'заика', узб. *хиқ-ичоқ* 'икота', происходящие от **қық*, во-вторых, тюркским звукоизображением в маньчжурском соответствуют *кэжэ*, *кака* 'заика; заикаясь', *кэжэрэ* 'рыгать, икать'. Если на алтайском уровне звукоизобразительный корень состоял из двух смычных (увулярных?), то это еще больше усиливает звуко-символическую функцию данной формы в древности.

Структурно и семантически **қық*- близко к *кек-*, *қақ-*, от которых в казахском языке имеются производные: *кекеш* 'заика', *кекештен-* 'заикаться, запинаться', *кекір-* 'отрывать, рыгать (об испускании воздуха из гортани чаще после принятия пищи)', *кекірік* 'отрыжка, отрыгивание', *қақыр-* 'харкать', *қақырық* 'харчок' и т. д. В других тюркских языках: др.-тюрк. *кекір-* 'рыгать' (МК II, 84); кирг. *кекеч* 'заика', *кекечтен-* 'заикаться', *кекир-* 'рыгать', *кекирик* 'отрыжка'; туркм. *гәгир-* 'рыгать, отрыгивать', *гәкилик* 'отрыжка', *кекеч* 'заика', *кекечлемек-* 'заикаться', *кекидевук/кекирдек* 'гортань, трахея' (ср. также узб. *кекирдак*, каз. *кеңірдек* в том же значении); узб. *кекир-* 'рыгать, отрыгивать', *кекирдак* 'трахея, гортань'; тув. *кегир-* 'отрыгивать', *кегириг* 'отрыжка'.

Др.-тюрк. *қақір-* 'харкать' (ДТС, 242); кирг. *какыр-*; туркм. *гагыр*; як. *хахта-*; хак. *хахыр-* 'харкать, отхаркивать'; як. *хахсай-*, *хахсый-* 'кашлять, откашливать'; тув. *каккыр-* 'откашливаться, отхаркивать' и т. д.

Так как при отрыгивании и кашле, так же как при икоте, происходит сжатие мышц горла, звуко-символическая функция увулярных *қ* и *х* в приведенных образительных словах совершенно одинакова.

Звуко-символическое обозначение удушья, сдавленности, напряженности горла при недостатке воздуха для дыхания С. В. Воронин иллюстрирует следующими звукоизобразительными формами: англ. *kink-* 'задышаться', *choke-* 'душить, давиться, задышаться (от волнения, гнева)', тур. *іq-*, селькуп. *qiq-*, цимши *kiaq-* в том же зна-

ченни³⁷. По составу согласных семантически приведенные примеры совпадают с ранее рассмотренными. Правда, английское *kink-* 'задышаться' структурно соответствует казахскому *қыңқ-ылда-* 'хныкать' и семантически сопоставимо с последним. Поскольку *қыңқ* является прежде всего звукообозначением, соответствующие формы здесь не отмечаются. Тем не менее, исходя из указанных фактов, можно заключить, что звукосемантических обозначений физиологических процессов, при которых происходит сжатие мышц горла у человека, в языке может быть несколько, но все они однотипны, так как однотипны сами процессы.

Жал подр. блеску, сверканию. В казахском языке от данного корня образуются: *жалп ет-* 'сверкнуть, блеснуть; распластаться, плюхнуться; выразить подобострастие, услужничать'; *жалпылда-* 'сверкать, блестеть, пылать, гореть ярким пламенем; лебезить, заискивать'; *жалтылда-* 'поблескивать, переливаться, сверкать'; *жалтыра-* 'блестеть, сверкать'; *жалт қара-* 'моментально взглянуть, резко оглянуться'; *жалт бер-* 'дать стрекача, броситься наутек'; *жалтақ* 'трусливый; от страха поглядывающий по сторонам'; *жалын* 'пламя, огонь, языки пламени'; *жалау* 'знамя, флаг' и т. д.

В данных примерах основным звукообразовательным элементом является латеральный согласный, основными значениями — 'блеск, сверканье, колыхание (пламени) и соприкосновение плоских предметов' (*жалп ет-* 'распластаться, плюхнуться'). В масштабе тюркских языков в анлауте наблюдается чередование *й ~ ж ~ ч*, ауслаутный согласный остается неизменным, основные значения сохраняются, производные значения, образуемые за счет модификаторов *т* и *п*, могут быть разными. Ср.: др.-тюрк. *jaldra-* 'сверкать' (МК III, 437), *jaldruq* 'блестящий, сверкающий' (МК III, 432), *jalin* 'пламя' (МК III, 23), *jalina-* 'пылать' (ДТС, 229), *jaltiri-* 'сверкать, блестеть' (ДТС, 230); кирг. *жалп* звукоизобр. моментального действия, *жалп-жалп* подр. звуку, возникающему при повторяющемся шлепанье, *жалпак* 'плоский', *жалпанда-* 'расплющиваться', *жалт* звукоизобр. быстрого движения, моментального действия, *жалтылда-* 'ослепительно блестеть, сверкать', *жалтыр* 'блестящий', *жалбырт* звукоизобр. трещающих языков пламени, *жалын*

³⁷ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 92.

'пламя'; туркм. *ялп* подр. неожиданному яркому блеску, сверканию, *ялдырт* подр. однократному, мгновенному сверканию молнии, *ялкым* 'свет, блеск, сияние', *ялын* 'пламя', *ялав* 'прожектор', *ялдыра* 'сверкать, блеснуть, блистать', *ялбыра* 'ярко светиться' (о солнце), *ялт* подр. быстрому взгляду, *ялп-ялп* подр. отрывистому движению яркого блеска, сверкания; узб. *ялтира* 'блестеть, поблескивать, сверкать', *ялт эт-* 'промелькнуть, сверкнуть, блеснуть'; тув. *чалбыыш* 'пламя', *чалбырааш* 'сильное пламя', *чалын* 'жар' (от огня); хак. *чалтырах* 'блеск', *чалбыри-* 'колыхаться, трепетать' и т. д.

Со звуко-символическим корнем *жал-/йал-* фонетически и семантически очень близок *жыл-/йыл-*, встречающийся почти во всех тюркских языках. Ср.: каз. *жылт-жылт эт-*, *жылтылда-*, *жылтыра-* 'блестеть, сверкать, сиять, мелькать, поблескивать', *жылты-* 'сверкать, мелькать, показаться', *жылт* 'мигание, блеск, мерцание', *жылтыр* 'сверкающий, блестящий, сияющий; скользкий, хитрый, продажный', *жылпылда-* 'скользить, выскальзывать; юлить, быть в постоянном движении; подхалимничать, угодничать', *жылпос* 'юркий, подвижный, быстрый'; *жылмаң* 'юркий, угодливый, хитрый'; кирг. *жылт* подр. слово, выражающее мгновенное и неожиданное действие, *жылтак* 'поблескивающий', *жылтылда-/жылтыра-* 'блестеть, сверкать, поблескивать', *жылтыр* 'блестящий' (ср. *жылпылда-* 'делать быстрые, ловкие движения'); туркм. *йылп-йылп* подр. мигающим огоньком, *йылтылда-* 'сиять от радости, сверкать, блестеть (о глазах), озиаться по сторонам', *йылдыз* 'звезда', *йылдыра-* 'мерцать', *йылчыр* 'сверкающий'; узб. *йилтилла-*, *йилтира-* 'блестеть, поблескивать, сверкать, мерцать', *йилт-йилт* подр. сверканию, блеску, мерцанию, *юлдуз* 'звезда'; хак. *чылтырас* 'блеск', *чылтыри-* 'блестеть, сверкать', *чылтырах* 'блестящий' и т. д.

В семантическом плане различие звуко-символических корней *жал* и *жыл* заключается в том, что первый обозначает более яркое, а второй — менее яркое сверкание. Вертикальная вариативность здесь, как и в случае со звукоподражательными словами, выступает в качестве семантически дифференцирующего признака.

В монгольском языке гомогенными с тюркскими звукоизобразительными формами *жал-/жыл-* являются: *гал* 'огонь', *галдах-* 'сжигать, поджигать', *галт* 'с огнем, огненный, горящий', *галч* 'истопник, кочегар', *гялийх-*

'блестеть', *гялбах*- 'ярко блестеть, сверкать, слепить', *гялтар* 'блестящий, глянцево́ый' и т. д.

В тунгусо-маньчжурских языках указанным звукоизобразительным словам гомогенны: эвенк. *голумта*- 'сверкнуть', *гул*- 'зажигать спичку, высекать огонь'; нег. *головун* 'костер'; ульч. *гслзон* 'очаг', *гилэм-гилэм* 'полая, с огнем'; маньчж. *голон тува* 'огни' (ночью на дороге, в поле, в лагере); нан. *гола*- 'разводить костер', *гилэкли* 'пламя'.

Как видим, в монгольском и тунгусо-маньчжурском языках основным звукоизобразительным элементом звуко-символического обозначения является *л*, находящийся в ауслауте корневой морфемы. Значит, не только на тюркском, но и на алтайском уровне общим звуко-символическим моментом, обозначающим признак номинации, является латеральный артикуляторный элемент, выраженный щелевым сонорным *л*. При артикуляции данного согласного верхняя часть кончика языка сравнительно широкой площадью мягко прижимается к альвеолам, фонационный поток проходит через щели, образующиеся по бокам языка. Звуко-символическое обозначение блеска, сверкания за счет латерального в данном случае закономерно, так как, с одной стороны, возникновение блеска является результатом отражения света от гладкой, ровной поверхности, а с другой — артикуляция латерального естественно вызывает тактильное ощущение плоской поверхности, непосредственное сближение с которой приводит к плотному соединению, как бы прилипанию двух плоскостей. Не случайно в казахском и других тюркских языках *жалпақ* означает 'плоский, приплюснутый'.

Ощущение тактильной модальности, возникающее при артикуляции латерального, лежит в основе таких звуко-символических обозначений, как звукоизобразительные слова со значениями 'трепетать, колыхаться'. Ср.: каз. *лап-лап ет*-, *лапылда*- 'гореть, пылать, трепетать', *лап бер*-, *лау ет*- 'вспыхнуть, воспламениться, загораться', *лаула*- 'сильно гореть, пылать, бушевать, бурно распространяться'; кирг. *лап* подр. неожиданному, быстрому действию, трепету, колыханию (пламени, материи), *лапылдаган жалын* 'огромное пламя, бурное пламя'; туркм. *лабыр-лабыр* подр. движению яркого ровного пламени, *лап-лап* подр. отрывистому движению языка

пламени, огня; як. *лап* подр. звуку удара двух плоскостей одной о другую, хлопанью, *лабыргаа-* 'хлопать, захлопать, издавать звуки *лап-лап*: болтать языком', *лабий-* 'хлопать, шлепать'; узб. *лаб* 'губа, губной', *пал-пал ён-* 'гореть неровным пламенем (о свече, светильнике)'; туркм. *лов-лов* подр. яркому пламени, *ловла-* 'воспламеняться'; узб. *лов-лов ён-*, *ловулла-* 'пылать, сильно гореть'. Ср. также: каз. *жел лебі* 'дуновение, легкий порыв ветра', *лепілде-* 'слегка дуть, поддувать; проявлять легкомысленный, ветреный характер; трепетать', *лепір-* 'возбужденно тараторить, говорить что попало, не считаясь с окружающими', *леп белгісі* 'восклицательный знак', *лептілік* 'возбужденность, приподнятость'.

В звуко-символическом плане с обозначениями блестя, пламени и т. д. структурно и звукообразительно близки слова, передающие значение прикосновения к жидкости, жидкого или полужидкого состояния, также включающие в свою фонетическую структуру щелевой сонорный *л*: каз. *шалпылда-* 'плескаться, шлепать по воде', *шалшық* 'лужа, грязная вода, слякоть', *шалқы-* 'раскнуться (о воде)', *шалқар* 'широкий, просторный, необъятный', *шалап* 'напиток в виде айрана с добавлением воды'. Ср.: др.-тюрк. *ǰаірақ* 'грязь, нечистоты' (МК, 236₁₃), *ǰаіраң* 'жидкая грязь, слякоть' (МК, 612₁₂); кирг. *шалп эт-* 'шлепнуться, бухнуться', *шалп эттир-* 'хлопать (идя по грязи)', *шалпып ич-* 'лакать', *шалпылда-* 'болтаться, отвисать; хлопнуть'; туркм. *чалпав* 'болото, лужа', *шап-шап* подр. звуку при чмокании, чавканье, *шалкылда-* ударяться, издавая звуки *шалк-шалк*; 'лакать', *шалп-шалп* подр. хлопанью; як. *чалк* подр. звуку падения слизистой массы или капли в жидкость, *чалыгыр* подр. моментальному легкому всплеску с призвуками, *чалым*, *чалып* 'всплеск жидкости (напр., при лакании)', *чалбааттаа-* 'плескаться, расплескивать, с плеском бродить по мелкой воде', *чаллыргаа-* 'звучно падать, шлепать (о каплях, слизистой массе и т. п.)', *чалыптаа-* 'всплескивать, булькать'; узб. *чалп*, *шалоп*, *шалп-шалп* подр. плеску, шлепанью, чавканью, чмоканию, *шалопла-*, *шалпилла-* 'плюхнуться, шлепнуться, плескаться', *шалток* 'навозная жижа, грязь, слякоть'; тув. *шалбаа* 'лужа, болото'. *шалбаала-* 'образовываться (о луже, болоте), заболачиваться, идти по луже, по болоту', *шалдыла-* 'плескаться' (напр., о волнах); хак. *чалги-* 'лизать, вылизывать, лакать', *чаллат-* 'чавкать'.

Интересно, что в тюркских языках в звукоизображениях шлепанья по воде, хлюпанья, плесканья, чавканья отмечены два изобразительных значения, относящихся к двум сенсорным модальностям: подражание звукам, образующимся при тех или иных действиях, связанных с жидкостью, и звуко-символическое обозначение соприкосновения с жидкой, полужидкой массой. При обозначении трепещущих, колышущихся языков пламени к звуко-символическому выражению образа движения добавляется звукоподражательный эффект, характерный для пылающего костра или развевающихся на ветру материи, флага и т. д.

С указанными тюркскими звуко-символизмами как по форме, так и по содержанию в других неродственных языках сопоставимы следующие звукоизобразительные образования: в значении 'плеск жидкости'—рус. *плеск*-, *полоск*-; тадж. *чалап-чалап*, *шилип-шилип*; *лап-лап*; осет. *c'ylling* и т. д.; в значении 'лаканье'—рус. *лак*-/*лок*-; тадж. *лак-лак*; евр., араб. *LKK*; в значении 'лизание'—рус. *лиз*-; литов. *lyž(t)*; *lež*; евр. *LHK*; ср. *LKH*; араб. *L'K*, *LWS*, *LBLB* и т. д.

Наличие одного и того же звуко-символического элемента в семантически близких звукоизобразительных словах самых различных языков, не имеющих в обозримый исторический период ни генетических, ни типологических сходств, говорит об универсальности элементов звуко-символизма.

В современном казахском языке встречается ряд корней и основ с одной, двумя и более лабиальными фонемами (лабиальные в широком смысле, т. е. включающие как собственно лабиальные, так и лабиализованные [p], [b], [w], [m], [u], [ü], [o], [ö] и т. д. Например: *борби*- 'набухать, разбухать', *бөксе* 'бедро', *бөрік* ' меховая шапка', *бөрт*- 'опухать, вслухать', *буаз* 'беременная', *бунақ* 'сплетение, кольцообразное утолщение', *бұйра* 'кудрявый', *бұра*- 'крутить', *бұршақ* 'град', *бұйір* 'бок', *бұк* 'выпуклая сторона алыча', *бүкір* 'горбатый', *домалақ* 'круглый, шарообразный', *дөңгелек* 'круглый', *доп* 'мяч', *дудар* 'кудрявый', *дүмпи* 'вспухать, вздыматься', *көбік* 'пена', *көкрек* 'грудь', *көмпи*- 'разбухать', *күбі* 'кадушка, бочонок', *күжірей*- 'наохлиться, сторбиться', *күпі* 'шуба, тулуп', *қобди* 'сундук, короб', *монтию*- 'грузно взгромоз-

диться', *мұрын* 'нос', *төмпаю-* 'выдаваться, выпирать', *төс* 'грудинка, грудь' и т. д. Этот список названий округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов и связанных с ними движений и действий можно было бы значительно дополнить (нами собрано их более ста), но в данном случае нас больше интересует не их количество, а звукоизобразительная, точнее, звуко-символическая функция лабиальных. Случайно ли употребление одной или нескольких лабиальных в словах с указанными значениями? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к исследованиям по другим языкам.

Международность корня [qb] с понятием возвышения, выпуклости, т. е. формы с взрывным губным в ауслауте, семитолог В. Генезиус отмечал более ста лет назад³⁸.

П. Йоханнессон, постулируя звукоизобразительность как «имитацию образа или формы предметов и движений окружающей действительности», в индоевропейских, семитских, полинезийских, тюркских и исландском корнях типа *кар* (велярная+гласная+лабиальная) выделяет не только ранее нами рассмотренные значения (кушать, хватать и т. д.), но и значение 'круглый'³⁹.

В. И. Абаев, сопоставив осет. *к'орр* 'деревянная чашка, коробка', *к'орра* 'голова (птичья); верхушка' с распространенными во многих языках наименованиями круглых, полых предметов, сосудов (ср. лат. *цирра* 'чаша', *сира* 'бочка', болг. *кира* 'глубокая чаша', нидерл. *корр*, англ. *сир* 'чаша', англос. *сор* 'голова', нем. *Корф* 'голова', тюрк. *фора* 'чаша, бокал' (Радлов II, 652), эст. *корр* 'чаша', фин. *корра* 'полый предмет', удм. *ковэ* 'ковш', груз. *к'ор'е*, абх. *к'ор'еу*, сван. *к'об* 'ковш' и др.), пишет: «Наличие идентичных по звучанию слов с одинаковым значением в различных, неродственных и несприкасающихся языках не оставляет сомнения, что мы имеем дело с «изобразительными» словами, возникающими на почве звуковой символики»⁴⁰. В одной из более поздних работ к указанному списку звуко-символических слов В. И. Абаев добавляет рус. *куб*, чаг. *кѳв* 'пузатый

³⁸ Цит. по: Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 77.

³⁹ Johannesson A. Some remarks on the origin of the N-sound // *Årbok. Haskala Islands. Håskolaårid 1953—1954*. Reykjavik, 1954. P. 9, 10.

⁴⁰ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I. С. 636, 637.

сосуд', тюрк. *kub, kup* 'кувшин', англ. *sov* 'толстяк, глыба, куча, косточка', *top* 'верхушка, хохолок', *soop* 'корзина', *sootb* 'мера зерна, сосуд', лат. *caput*, итал. *capo* 'голова', *sorra* 'чаша, кубок', *soppo* 'кувшин', *soppoluto* 'пузатый', исп. *sabo* 'кончик; мыс' и др.⁴¹

Предложенный В. И. Абаевым список слов со значением округлого, выпуклого, шарообразного, включающих одну или несколько лабиальных, А. М. Газов-Гинзберг расширяет однотипными звукоизобразительными корнями из семитских языков: евр. *gib'a* 'холм', *gabnōn* 'возвышенность, холмик', *gabb* 'спина, загорбок', *gibbēn* 'горбатый'; араб. *gabal* 'гора', *ḵabb* 'выпуклость', *ḵubba* [t] 'купол', *kubba* [t] 'шарик, опухоль', *KBKB* 'вздываться' и т. д.⁴²

Приведенным примерам как в фонетическом, так и семантическом отношении в казахском языке соответствует *куби* 'кадушка, бочонок' (ср. также англ. *top* 'верхушка, хохолок' и каз. *төбе* 'вершина, верхушка, холм', англ. *sootb* 'мера зерна, сосуд' и каз. *қолпию* 'выпячиваться, выдаваться' и т. д.). С евр. *gibben* 'горбатый' каз. *букір* 'горбатый' находится в отношении фоносемантического варианта с перемещенным, но односоставным рядом анлаутных и ауслатных согласных корня.

Причину фонетического и семантического сходства наименований округлых, шарообразных, выпуклых и т. п. предметов, а также наличие одного или нескольких лабиальных в их корневой морфеме А. М. Газов-Гинзберг, В. Г. Лобин и С. В. Воронин, как и А. Йоханнессон, видят в «звуковом жесте органов рта, по возможности изображающем округлую форму предмета»⁴³.

Проведя структурно-фонетический анализ лексико-семантической группы английских обозначений округлого (60 непроезжих образований), С. В. Воронин в зависимости от количества губных делит их на моно- и полилабиальные, а последние по взаимному расположению лабиальных — на контактные и неконтактные. Подсчет частоты появления каждого лабиального, проведен-

⁴¹ Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология, 1984. М., 1986. С. 18, 19.

⁴² Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 77.

⁴³ Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен... С. 78; Лобин В. Г. Звуковая изобразительность — фикция или реальность? // Зарубежное языкознание и литература. Алма-Ата, 1972. Вып. 2. С. 23—25; Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 98—100.

ный ученым в лексико-семантической группе обозначений округлого, показывает, что «в английских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных почти в 2,5 раза. Такое значительное превышение нет оснований считать случайным, — его следует, без сомнения, связать с выполнением лабиальными звуко-символической функции указания на округлость денотата»⁴⁴.

В казахских примерах число полилабиальных, контактных образований превалирует и в списке, состоящем из 100 отобранных нами слов со значением округлого и т. д., составляет 80%. В анлауте наиболее характерно употребление губного [б], частота лабиальных гласных в инлауте приблизительно одинакова, в ауслауте чаще встречаются сонорная [м] и взрывная [п]. Следовательно, в употреблении лабиальных в корневых морфемах казахского языка, как и многих других языков, проявляется определенная закономерность, обусловленная их звуко-символической функцией, основанной на особенностях их артикуляции.

Итак, рассмотрев ряд звукообразовательных корней и их производных, сопоставив звукообразовательную функцию отдельных элементов в самых различных языках, можно утверждать, что существующий в лексике современного казахского языка определенный пласт несет явно звуко-символическую функцию и в этом плане он сопоставим с однотипными формами многих неродственных языков. Дальнейшее исследование лексики казахского языка в данном аспекте, очевидно, позволит выявить ряд новых звуко-символизмов и тем самым будет способствовать более глубокому и всестороннему изучению этого интересного явления в казахском и других тюркских языках.

* * *

Одним из признаков звукообразовательных слов и критериев их идентификации является редупликация, широко распространенная в тюркских и других языках.

«Редупликация... в языках алтайской группы, — считает В. И. Цинциус, — используется не только как способ формообразования, но и как способ словопроизводства. Удвоению подвержены все разряды знаменатель-

⁴⁴ Воронин С. В. Основы фоносемантики. С. 99.

ных слов (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, собственно глаголы, причастия, деепричастия, наречия, изобразительные слова) и междометия, а также служебные слова (последлоги) и некоторые аффиксы. В каждом из лексикограмматических разрядов повтор слов несет различную нагрузку, служит для выражения особых значений (интенсивности, многократности, раздельного множества, совокупности). Но, как нам представляется, в целом значения, вытекающие из факта редупликации, так или иначе связаны с категорией множественности»⁴⁵.

Семантика, структура и способы образования различных типов повторов большинства тюркских языков в связи с общей системой лексики конкретного языка получили освещение во многих грамматиках и лексикологических исследованиях тюркологов⁴⁶.

В казахском языкознании повторам, как широко распространенной лексико-грамматической категории, посвящен ряд исследований, в которых данные формы рассматриваются в плане образования, структуры, семантических и фонетических особенностей и синтаксических функций обособленно и в сравнении с другими лексико-семантическими категориями⁴⁷.

По способу образования повторы в казахском языке

⁴⁵ Цинциус В. И., Летагина Н. И. К истории форм множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 200.

⁴⁶ Дмитриев Н. К. Парные словосочетания в башкирском языке // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 7. С. 501; Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. М., 1948. Т. 9; Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958; Шукуров Ж. М. Кыргыз тилиндеги татаал соддер. Фрунзе, 1958; Аганин Р. А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959; и др.

⁴⁷ Жубанов Х. Исследования по казахскому языку. Вып. 1. Алма-Ата, 1936. С. 17—39; Кеңесбаев І. Қос сөздердің кейбір жасалу жолдары // Уч. зап. КазГУ. 1946. Т. 12; Он же. О трансформированном повторе в казахском языке // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965; Бегалиев Г., Сауранбаев Н. Қазак тілі грамматикасы. Алматы, 1948. 42—43-бет.; Қазіргі казак тілі / Жауапты редакторлар. Балақаев М. Б., Ысқақов А. Ы. және б. Алматы, 1954, 196—203-бет.; Аханов К. А. Тіл біліміне кіріспе. Алматы, 1963, 196—197-б.; Ысқақов А. Қазіргі казак тілі: (Морфология). Алматы, 1974. 113—119-б.; Қалабаева Т. Б. Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980; Қожабергенова З. Н. Повторы. Их организация и употребление в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985; и др.

делятся на несколько типов: 1) чистые повторы или повторы, образованные путем повторения слова без каких-либо фонетических изменений; 2) редуцированные повторы, представляющие собой варьирование одного и того же слова путем изменения гласного или согласного звука в одном из компонентов; 3) аффиговые повторы или повторы, к компонентам (к первому или второму, или к обоим) которых прибавляются падежные аффиксы или различные грамматические форманты; 4) лексикализованные повторы, т. е. повторы, претерпевшие полную или частичную лексикализацию.

Чистые повторы представляют собой структурно-звуко-символический способ образования значения множественности. Ср.: каз. *тарс-тарс* подр. частым и сильным ударам по твердому предмету, *лап-лап* подр. колышущимся языкам пламени, *қарқ-қарқ* подр. громкому раскатистому смеху, *шылқ-шылқ* подр. хлюпанью, ходьбе по луже; кирг. *кунгур-кунгур* подр. барабанному бою, *дик-дик* подр. учащенному негромкому стуку (напр., биению сердца), *шак-шак эт-* 'бурлить, kloкотать, издавать резкий четкий стук, трещать (о сороке); болтать, много и громко говорить', туркм. *шып-шып* подр. звуку падающих капель дождя, многократному чмоканью, чавканью, *гут-гут* подр. глухому звуку падения на землю тяжелых предметов одного за другим, *тык-тык* подр. легкому стуку о деревянные предметы; як. *чып-чып* подр. резкому отрывистому повторяющемуся писку, свисту, скрипу, ощущению колющих болей, *хар-хар* подр. звукам сочного кашля, kloкотания бурно кипящей каши, масла и т. п., *кыкыр-кыкыр* подр. ритмично повторяемому скрипу (напр., седла и т. п.).

Редупликация звукоподражательной основы или корня выражает многократное повторение звука или действия, посредством которого данное действие обозначено. Лишь в отдельных, частных случаях в зависимости от ситуации и конкретного назначения редуцированные формы передают не многократность, а двукратность звука или действия. Эта семантическая особенность редуцированных образований основана прежде всего на последовательном соположении, линейной зависимости и обусловленности семантически и формально тождественных звукокомплексов.

Данный способ звуко-символического словообразования не является специфичным только для звукоподража-

тельных слов, так как он часто используется при образовании и других частей речи в казахском и во многих других языках.

При редупликации звукоизобразительных корней могут наблюдаться изменения гласной фонемы второго компонента, в результате чего образуется новый тип изобразительных слов, по своей структуре и семантике сходный с довольно широко распространенными в тюркских языках парными словами. В качестве первых компонентов в таких случаях выступает конкретное изобразительное слово, а в качестве второго берется близкое по значению слово или фонетический дублет первого компонента, который отдельно, вне такого сочетания, не употребляется и не имеет смысла. Ср.: кирг. *даң-дуң* подр. то тихим глухим, то сильным звонким звуком (напр., бою барабана), *кыйч-куйч* подр. поскрипыванию, повторяющемуся скрипу, *кырч-курч* подр. повторяющемуся с различной силой звучания хрусту, треску, скрипу, *каң-куң* подр. разноголосому шуму, гвалту, *шаран-шурак* подр. гроыханию, треску, стукотне, *ыз-быз* подр. жужжанию насекомых; туркм. *жанк-жунк* подр. звону, визгам (напр., при неравномерном стуке молота о наковальню или возне собак), *сакыр-сукур* подр. бормотанию, неразборчивой речи, *ялдыр-юлдуз* подр. поблескиванию, сверканию, *гумур-сумур* подр. невнятному, тихому разговору, *зыбырт-зубурт* подр. стремительному, быстрому движению (напр., автомобиля и т. п.); як. *салып-сулуп* подр. звукам втягивания или слизывания жидкой пищи при еде (напр., стекающего жира, масла и т. п.), *батыгыр-битигир* подр. топоту скачущих лошадей, *лип-лап* подр. неодинаковому стуку, хлопанию, шлепанию ступней при ходьбе, *ар-бур* подр. голосам грызущихся собак, *хан-хун* подр. звукам гнусавого голоса; узб. *тарака-турук* подр. грохоту, треску, таракотению и т. д.

Этот «своеобразный способ чередования гласного, отмечает Б. М. Юнусалиев, в основе составляет отличительную специфику подражательной и образной лексики. Он служит основным коммуникативным целям языка для обозначения различия или оттенков в звуковых явлениях... Варнация основ путем чередования гласной фонемы является одним из важных способов увеличения

количества и расширения семантического круга подражательной лексики»⁴⁸.

В хинди встречаются такие редулицированные формы звукоподражательных глаголов, в которых второй слог повтора отличается от первого компонента начальной фонемой. «Замена, утверждает В. А. Чернышев, всегда происходит через лабиальный звук: *р, ph, b, bh, m*» с определенной модификацией значения: *carcarānā* — 'потрескивать, трещать', *carbarānā* — 'бубнить', *kurkurānā* — 'кудахтать', *kurburānā* — 'шуметь бестолку' и т. д.»⁴⁹.

«В основе редуликации лежит контраст между фонемами (если он есть), а не выразительность звуков как таковых. Если я говорю, — пишет Н. Тан, — что *dingle-dangle* — 'качаться' выражает попеременное движение, я вовсе не основываюсь на выразительных качествах, которые, возможно, присущи звукам *i* и *æ*»⁵⁰. Несомненно, что использование контраста гласных в рассматриваемых редуликациях направлено на звуко-символическое выражение множественности, разнородности качества звучания, движения и т. д. Противопоставление чередующихся гласных фонем происходит за счет одного из дифференциальных признаков — по ряду, подъему или участию губ.

Таким образом, на основании анализа результатов исследований ряда ученых и сопоставления материалов по лексике казахского и других родственных и неродственных языков можно заключить, что применяемые исследователями разнообразные (в основном экспериментальные) методы помогают выявить феномен звуко-символизма, имеющий универсальный характер. В определенной части слов казахского языка довольно четко обнаруживается звуко-символическое обозначение понятий «большой», «маленький», «блестящий», «яркий», «выпуклый», «округлый» и др. В основе такого обозначения лежат ощущения разных модальностей, реализованные артикуляторными особенностями звуко-символи-

⁴⁸ Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. Фрунзе, 1959. С. 169, 170.

⁴⁹ Чернышев В. А. Звукоподражательные глаголы хинди // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 259.

⁵⁰ *Thun N.* Reduplicative words in English. Uppsala, 1963. P. 244. См. также: Вельди Э. О звукоподражательных редуликативах в английском языке // Исследования по лексике и грамматике германских языков. Linguistica: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 20. Тарту, 1987. С. 141—153.

ческих элементов. В отличие от последних редупликации представляют собой звукосимволическое выражение не конкретных понятий, а обобщенного значения множественности, многократности звучания или действия.

Изучение явления звукосимволизма в казахском языке только начинается. Его перспективы мы видим в последовательном фоносемантическом анализе обозначений различных признаков предметов и движений, связанных с различными сенсорными модальностями, а также многочисленной категории так называемых образоподражательных слов казахского языка. Кроме того, интересные данные могут дать экспериментальные психолингвистические исследования звукосимволизма, которые на материале казахского языка, как нам известно, до сих пор не проводились.

Глава IV

ЭТИМОЛОГИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Формированию языковой структуры предшествуют многочисленные процессы обращения фактов внеязыковой действительности в единицы языка, без которых невозможно его создание как средства коммуникации. Этот процесс обращения, предполагающий различные способы и состоящий из различных уровней обобщения, в лингвистической литературе называется номинацией. «Номинативный компонент языка, речемыслительной деятельности — это тот «участок» языка как системы репрезентации реальной действительности, который непосредственно сопряжен с отражательной деятельностью человеческого сознания»¹.

Процесс познания, как известно, в философии делится на ряд последовательных ступеней или форм, в качестве которых выступают ощущение, восприятие, представление и понятие. Первые три формы с физиологической точки зрения могут быть обобщены термином чувственное познание, охватывающее все то, что И. П. Павлов называл первой сигнальной системой. Вопрос о том, какова взаимосвязь чувственного познания с окружающей действительностью, с одной стороны, и номинативным процессом — с другой, постоянно интересует не только философов, психологов и других ученых, но и лингвистов.

Изучение лингвистической сущности номинативного процесса предполагает исследование лингво-гносеологических основ языковой номинации с учетом «первичного установления значения слова и закрепления в познании, а следовательно, и в языке одного из признаков предме-

¹ Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 13, 14.

та и процесса развития номинативного значения языковых единиц в аспекте общего развития языка»². Первичное закрепление значения слова, или первичное наименование, основанное на формировании обобщенного образа, проходит через конкретные этапы чувственного познания, при котором важнейшую роль играют органы чувств. Любой признак предмета, воспринимаемый непосредственно или же выявляемый путем сложного анализа, так или иначе влияет на органы чувств. Следовательно, закономерности чувственного познания в той или иной степени должны влиять на отражательную деятельность человека. Например, определенные закономерности зрительного и осязательного восприятия могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений. Для раскрытия подобной мотивированности необходимо проанализировать различные наименования, дифференцируемые по тем или иным признакам, выделяемым тем или иным органом чувств.

Так, у Ф. Н. Шемакина «анализ названий направлений пространства и названий цвета приводит к выводу, что в языке они упорядочиваются не по образцу логической системы понятий, а применительно к внутренним закономерностям чувственного познания человека, который находится не в созерцательном, но в активном отношении к миру»³. Словесная система отсчета направлений пространства в разных языках постепенно складывалась на основе изоморфной чувственной системы отсчета, под которой понимается структура пространственных восприятий и представлений, связанных с ощущением расположения частей тела человека (при нормальном положении). Названия цвета в различных языках являются обобщенными и отвлеченными по линии цветового тона или по линии светлоты⁴.

Возможности звукообразительного обозначения денотата в случае с названиями цвета, очевидно, большие, чем в случае с названиями направлений пространства, так как первые в системе эмоционально-экспрессивного восприятия выражены ярче, чем вторые. Следовательно, не все денотаты, воспринимаемые различными

² Там же. С. 145.

³ Шемакин Ф. П. Язык и чувственное познание // Язык и мышление. М., 1967. С. 55.

⁴ См. там же. С. 47, 51.

органами чувств, в одинаковой степени удобны для звукоизобразительного обозначения. Не случайно названия направлений пространства, как и большинство других наименований, при образовании опираются на секундарную мотивированность, предполагающую наличие сформировавшейся лексической системы.

Однако господство секундарной мотивированности в номинативном процессе современных языков не является доказательством, отрицающими потенции фонетической мотивированности в прошлом и сохранение ее проявлений в настоящем. В подтверждение этой мысли рассмотрим возможности этимологизирования наименований, в образовании которых важное значение имела система звукоизобразительности, исторически сформировавшаяся в казахском языке на основе объективных предпосылок и общих закономерностей исследуемого феномена.

Целью этимологического анализа является выявление фоносемантического этимона, который в соответствии с общей теорией звукоизобразительности может выступать как обобщенный фонемотип или как унифицированная фоносемантическая модель. Необходимость подобного анализа вызвана тем, что в этимологических словарях различных языков при лексикографировании звукоизобразительной лексики исследователи чаще всего ограничиваются пометами, указывающими на их изобразительное, а иногда просто неясное происхождение. В лучшем случае приводится ограниченное число параллелей из родственных языков⁵. «Это, — утверждает В. И. Абаев, — большая ошибка, существенно снижающая ценность многих этимологических словарей»⁶. Причина недостаточной разработанности принципов этимологизирования звукоизобразительных слов, как и вообще несколько недоверчивое отношение к данному пласту лексики, по Воронину, заключена в их относительной денатурализации, в некритическом принятии постулата Ф. де Соссюра о принципиальной произвольности языкового знака, а

⁵ См.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1; Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. Т. 1. М., 1971; Т. 2. М., 1976; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М., 1974; Т. 2. М., 1978; Т. 3. М., 1984; и др.

⁶ Абаев В. И. Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 37.

также в недостаточном использовании результатов фундаментальных исследований по звукоизобразительной лексике ряда языков⁷.

Вместе с тем при этимологизации некоторых современных слов, не относимых к звукоизобразительным, обнаруживаются их изобразительное происхождение, их фоносемантические истоки, претерпевшие значительные изменения в процессе семантического и морфологического развития. Сопоставительное изучение фоносемантического этимона с аналогичными формами неродственных языков основано на идее универсальности явления звукоизобразительности. Привлечение материалов неродственных языков помогает раскрыть не только звукоизобразительную функцию этимона, но и уточнить морфологическую структуру изобразительных слов, как правило, образованных от моносиллабических корней и основ. Кроме того, фонетическая и семантическая связь между фоносемантическим этимоном и денатурализованным производным указывает на мотивы номинации последних. Следовательно, этимологическая фоносемантика не только раскрывает механизм перехода звукоизобразительной лексики в изобразительно нейтральную, но и содействует историко-морфологическому анализу структуры слова.

Звукоизобразительность в орнитонимах, зоонимах, топонимах и гидронимах казахского языка

Как отмечалось выше, номинации предшествует выделение того или иного признака предмета. Он может быть существенным или несущественным, главной или неглавной его характерностью, отражающей конкретные свойства. Понятие главного или неглавного признака, как правило, относительно, так как предполагает системное отношение к совокупности всех имеющихся признаков. При выделении признака номинации возможны случайности, но совершенно невозможен выбор признака, не свойственного именуемому предмету.

⁷ Воронин С. В. Древнегерманские abstracta: (Фоносемантический этюд) // Системное описание лексики германских языков. Л., 1981. Вып. 4. С. 24, 27; см. так же: Климова С. В. Глаголы неясного происхождения в сокращенном оксфордском словаре: (элементы этимологической фоносемантики): Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1986. С. 3—5.

В том случае, когда наименование мотивировано внешними признаками предмета (формой, величиной, качеством и т. д.), характерными движениями и т. д., т. е. признаками, воспринимаемыми зрительно, номинация основывается на готовых названиях признаков; при этом в части наименований возможно функционирование звукосимволических элементов, отражающих естественную связь формы с содержанием. Название, имеющее звукосимволическое или звукоподражательное происхождение, со временем теряет свою отприродную связь и приобретает формальные и семантические компоненты конвенциональности, знаковости.

Обозначаемое знака включает, по В. М. Солнцеву, «как мыслительное содержание (значение), так и те объекты (реально существующие или мнимые), отражением которых является значение и которые в процессе общения обозначаются соответствующими знаками»⁸. В связи с этим «в лингвистическом анализе от второй части обозначаемого (тех или иных объектов) можно и нужно отвлечься... для лингвиста обозначаемое есть только некоторое мыслимое содержание — значение, хотя без учета второй части (предметной) обозначаемого иногда... невозможно объяснить механизм использования знаков»⁹.

Такой подход основан на понимании языка как системно-структурного образования. Но даже в этом случае раскрытие значения как результата номинативного процесса не исключает необходимости знания признаков особенностей денотата. Отсюда можно заключить, что общим моментом номинации при фонетической, морфологической и семантической мотивированности является выбор денотативного признака. Причем если последние два типа мотивированности связаны с обозначенным в языке признаком, то фонетическая проявляется в соотносительности акустических и/или артикуляторных характеристик звукового облика этимона с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата¹⁰. Данное положение достаточно четко прослеживается в тюркских орнитонимах, зоонимах, топонимах и гидронимах, этимо-

⁸ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 130.

⁹ Там же.

¹⁰ Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. С. 22, 45; и др.

логизирование которых помимо приемов лингвистического анализа иногда требует привлечения наблюдений биологов, географов, историков и других ученых. Особенно необходимо последнее при изучении орнитонимов звукоизобразительного происхождения.

Исследованием названий животных в тюркских языках занимались А. М. Щербак, Д. Х. Базарова, Э. Ф. Ишбердин, К. Т. Рамазанов, Д. С. Сетаров, М. М. Гинатулин, Қ. Ибрагимов, Л. П. Петров и др. Материалы по казахским названиям животных представлены как в исследованиях указанных ученых, так и во многих других работах по лексикологии тюркских языков. Топонимический пласт лексики казахского языка отражен в трудах Э. М. Мурзаева, Г. К. Конкашбаева, А. Абдрахманова, Е. Қойчубаева, Т. Джанузакова и др. Имни этимологизирован ряд названий, проведен сопоставительный анализ не только тюркских, но и других языков, выявлены факты заимствований, определены некоторые модели. Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено названиям звукоизобразительного происхождения. Лишь в работах М. М. Гинатулина и Д. Х. Базаровой тюркские орнитонимы исследованы с позиций, близких к фоносемантическим.

Рассмотрим некоторые казахские орнитонимы, топонимы и другие наименования, имеющие звукоподражательное или звуко-символическое происхождение. Взятые нами для анализа 19 орнитонимов, 4 зоонима, 1 фитоним, 3 гидронима и 2 топонима, естественно, не охватывают всего пласта звукоизобразительной лексики, а только иллюстрируют возможности распространения данной категории слов в казахском языке.

Көкек кукушка. То, что название кукушки является подражанием ее характерному крику, не встречающемуся у других птиц, отмечается многими исследователями¹¹. Ср.: тур. *кики*, *ки ук*; узб. *какку*; тат. *кйке*, *кукы*; шор., саг. *кõк*; башк. *көкүк*; балк. *гугук*; ног. *ковкек*; венг. *kakik*; коми *кõк*; морд. *кики*; мар. *куку*; эст. *kõko*; рус.

¹¹ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 506; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 1976. Т. 2. С. 404, 407; *Санжеев Г. Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели. Ч. 1 // Известия АН СССР. 1930. № 9. С. 679; *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 115; *Петров Л. П.* К этимологии чувашских орнитонимов. III // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1984. С. 63—64; и др.

кукушка; ст.-слав. *кукавица*; нем. *kuckuck*; перс. *kuiku*; англ. *cuckoo*; фр. *coucou*; монг. *кокиде*; маньчж. *кекике* и т. д. Как видим, характерным для морфологической структуры орнитонима является редупликация подражательной формы. В фонетическом плане наблюдается конкретное соответствие звуковому строю представленных языков, но даже в этом случае типичным как для родственных, так и неродственных языков является наличие в составе орнитонима глухого среднеязычного *к* и одного из губных гласных. Данный орнитоним настолько распространен, что, очевидно, его изучение в звукоизобразительном аспекте представляет меньший интерес, чем определение происхождения неподражательных названий этой птицы, например: туркм. *икаток* 'кукушка'¹² и др.

Үкі 'филин'. Ср.: узб. *укки*; кирг. *үкү*; к.-калп. *үки*; уйг. *үкә*; алт. *үкү*; тув., хак. *үгү*; чув. *үхё*; таг. *өкө* 'филин'; др.-тюрк. *uqi/üki* 'сова'; эст. *uhui*; картв. *вүи*; груз. *bi(ω)* 'филин'; исп. *buho*; итал. *gufo*; араб. *Buhme*.

В. Г. Егоров рассматривает чувашское *үхе* 'филин' как звукоподражательное¹³. Этого же мнения относительно происхождения данного орнитонима в тюркских языках придерживается Д. Х. Базарова, которая, кроме того, обнаруживает его типологическое сходство с аналогичными названиями в других языках¹⁴. Исследователь чувашских орнитонимов Л. П. Петров также относит рассматриваемый орнитоним к общетюркским, образованным в результате звукоподражания¹⁵.

В современном казахском языке встречаются имена *Үкіжан*, *Үкітай*, *Үкібай*, общим корнем для которых является *үкі* 'филин'. Другие производные: *үкілі* 'с украшением из перьев филина на головном уборе', *үкілеу* 'уханье филина', *үкі коз*, *үкі бас*, *үкі шоқ* названия растений.

¹² *Беляев И. А.* Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1913. С. 120.

¹³ *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. С. 282.

¹⁴ *Базарова Д. Х.* К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. 1975. № 4. С. 20.

¹⁵ *Петров Л. П.* К этимологии чувашских орнитонимов. Ч. 1 // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982. С. 71.

Әуіпідек 'выпь'. В основе названия лежит звук, издаваемый птицей, т. е. данное название имеет звукоподражательное происхождение, ср.: *әуіпідеу-* издавать звуки *әуп-әуп* (о выпы). В казахском языке есть междометие, выкрик при подъеме тяжести *әуп: әуп ет-* 'поднимать (ребенка) на руки': *Әуіпідек* < *әуп-іл-дек* букв. 'произносящий *әуп, әуп-әуп* говорящий'. Ср.: в туркм. *овуфф* подр. глубокому тяжелому вздоху (здесь фонетическое сходство, но не семантическое), гомогенное с указанным казахским *әуп ет-*.

Жек дуадақ 'джек'. Название данного вида дрофы состоит из звукоподражательного *жек*, соответствующего английским *jack* 'молодая галка' и *jetcock* 'гаршнеп' и отражающего характерный крик птицы, и *дуадақ* 'дрофа'¹⁶. Русское название *джек*, согласно Гинатулину, является заимствованием из казахского языка.

Қарға 'ворона'. Ср.: тур., тат., кирг. *qarğa*; уйг. *qarğa, qarğı, qağa*; к.-калп. *γarğa*; кумык. *къаргъа*; рус. *каркать*; нан. *гәки, гәк-гәк-* 'каркать'; морд. (мокшан) *qarğa* 'журавль'; саам. *qiorğa* 'журавль'; укр. (диал.) *кракун*; болг. *кроконъ*; полесск. *крук* ворон; англ. *crow*; дат. *kraai*; швед. *kraka*. Звукоподражательное происхождение названия вороны в указанных языках не вызывает сомнения.

Қарқара 'цапля'. Крик цапли звучит приблизительно как *арк-арк-арк*. При сопоставлении названий цапли в различных языках обнаруживается их значительная типологическая близость. Ср.: кир. *qarqyra, qarqyraq turna* (в южных диалектах) 'журавль-красавка'; узб. *qarqara* 'цапля'; уйг. *qaqira* 'цапля, журавль'; тур. *qurqura* 'цапля'; лит. *garnys* 'анст, цапля'; латыш. *qārnīs* 'анст, цапля'; санскр. *karāyikā* 'род журавля'. «Корневая часть названия, по-видимому, представляет собой звукоподражательную глагольную основу на *-ир*, а именно: *карк-ир-/карк-ыр-*, доказательством могут служить, например, кирг. *карк-карк/кырк-кырк* подражание крику журавля, *карк-ыл-да-* 'каркать, кричать (о журавлях)', *кыркк, кыр-р-рк* подражание протяжному крику журавля. Ср. также приведенный выше киргизский термин-словосочетание *карк-ыр-ак турна* 'журавль-красавка', узб. *қуруқ-*

¹⁶ Гинатулин М. М. Мотивация некоторых тюркских названий птиц // Советская тюркология. 1977. № 1. С. 38.

ур-а- 'курлыкать (о журавлях)'»¹⁷. Интересно отметить, что в арабском языке типологически сходная, аналогичная по звуковому составу звукоподражательная глагольная форма *каркара* имеет следующие значения: 'ворковать (о голубе)'; 'реветь (о верблюде)'; 'мурлыкать (о кошке)'; 'урчать (о собаке)'; 'хохотать'; 'грохотать, греметь (о громе)'; 'булькать (о кипящей воде)'¹⁸.

В казахском языке указанной модели соответствуют такие звукоподражательные слова, как *қарқ-қарқ ету*-, *қарқылда*- 'каркать; громко смеяться'. При дальнейшем семантическом развитии слова *қарқара* 'цапля' образовался следующий ряд производных: *ақ қарқара* 'белая цапля'¹⁹; *Қарқара* название реки, местности, совхоза в Алма-Атинской области; *Қарқаралы* название города в Карагандинской области, *қарқара* 'украшение в виде перьев птиц (филина и др.), прикрепляемое к верхней части женского головного убора'; *қарқара* 'головной убор девушек и молодых замужних женщин'²⁰; *қарқара* 'высокий головной убор'²¹; *қарқара* 'птица, находящаяся во главе треугольником летящей стаи журавлей или гусей'; *қарқара* 'вершина горы, очень высокой'; *қарқаралы қыз* 'девушка с украшением из птичьих перьев на головном уборе', перен. 'совершеннолетняя девушка'; *қарқарасы қисаған* // *қарқарасы тайған* 'лишенный счастья, богатства, власти'; *қарқаралы көш* 'пышно украшенная, величественно передвигающаяся процессия перекочевывающего на новое место богатого аула (с украшением из птичьих перьев на голове верблюда, идущего во главе каравана)'; *қарқара* 'очень дорогая, ценная вещь; вид орнамента, обработки ювелирного изделия'²².

Қызғыш 'чибис'. Ср.: узб. *qizgʻiɕ*; кирг. *qyzgʻyɕ* 'чибис, пигалица'. В словаре К. К. Юдахина отмечается общность значения слов: *qyzgʻyɕ*, *uzgʻyt*, *uzgʻyɕ* 'чибис, пигалица'. Сравнив данный орнитоним с приведенными фонетическими вариантами, а также с кирг. *узу* подражатель-

¹⁷ Базарова Д. Х. О словообразовательных моделях в системе тюркских звукоподражательных названий, образованных с помощью непродуктивных аффиксов *-аҕ-э*, *-(и)т* // Исследования по лексике и грамматике тюркских языков. Ташкент, 1980. С. 77.

¹⁸ Арабско-русский словарь. М., 1970. Т. 2. С. 812.

¹⁹ Мусакулов Т. Қазақша-орысша терминдік сөздік. Алматы, 1962. 16-б.

²⁰ Қазақ эпосы. 5-кітап. Алматы, 1957. 138-б.

²¹ Халиди К. Тауарих хамса шарихи. Оренбург, 1909. 588-б.

²² Материалы из сообщения Т. Омьракова на этнолингвистической конференции в 1985 г. в г. Алма-Ате.

ное слово, *uzyl-da-* 'издавать пронзительные звуки', *uzy-
*ǰuu** 'шум, гвалт, галдеж'; каз. *uzuŋ* 'жужжание, свист',
uzyldau- 'жужжать, свистеть', М. М. Гинатулин, на наш
взгляд вполне обоснованно, пришел к выводу, что *quz-
yūš* в указанных языках имеет звукоподражательную
природу, т. е. название птицы отражает назойливое, гну-
савое и жалобное *чыи-вы*. При этом автор отмечает, что
этимологизация через *қызыл* 'красный' в этом случае
совершенно невозможна, так как, по свидетельству орни-
тологов, в окраске оперенья чибиса отсутствует красный
цвет²³.

Күркетауық 'индейка'. Первая часть сложного слова
соответствует модели *к...рк*, рассмотренной в таких на-
званиях, как *қарғ-а*, *қарқ-ара*. Встречается во многих
тюркских языках: башк., тат., уйг. *күркә*; узб. *курка*;
хак. *күркiј* 'тетерев'. В основе наименования лежит зву-
коподражательное слово, которое сохранилось в ряде
тюркских языков: башк. *курк-курк* звукоподражание
голосу индюка²⁴; чув. *карк-карк* императивное междоме-
тие, употребляющееся для призыва индюков²⁵. В казах-
ском структурную близость с данными формами имеют
слова: *күркiл* 'хриплый кашель', *күркiр* 'гром, грохот'.
В других языках: сир. *kurkäjō* 'журавль'; семит. *kurkiј*
'журавль'; фин. *kurke* 'журавль'.

Кекілік 'каменная куропатка, кеклик'. Ср.: кирг. *ке-
килик* 'горная куропатка', *кекилик-кекилик* — звуко-
подражание пенно, крику каменной куропатки²⁶; туркм.
кәкеле 'каменная куропатка', *кәкеле-* 'кудахтать'²⁷; узб.
каклик (*какилла-* 'петь (о кекликах, куропатках)'). Со-
хранение корневой морфемы в глагольном и именном
образовании здесь объясняется фонетической мотивиро-
ванностью орнитонима: крик птицы служит как бы
самоназванием.

Тартар 'коростель'. Ср.: др.-тюрк. *tartar* 'небольшая

²³ Гинатулин М. М. Мотивация некоторых тюркских названий
птиц. С. 41.

²⁴ Ишмухамедов К. З. Звукоподражательные слова башкирского
языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970. С. 16.

²⁵ Сергеев Л. П. Об одной группе императивных междометий в
чувашском языке // Уч. зап. науч.-иссл. ин-та при Совете Минист-
ров ЧувАССР. 1970. Вып. 49: Филология. С. 176.

²⁶ Кудайбергенев С. Подражательные слова в киргизском язы-
ке. Фрунзе, 1957. С. 32.

²⁷ Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском язы-
ке. Ашхабад, 1962. С. 85.

птица, похожая на горлицу'; кирг., тат. *тартар*. В казахском, киргизском и многих других тюркских языках звукоизобразительный корень *тар* имеет целую группу производных, как глагольных, так и именных. Более того, часть производных представляют собой основы, от которых образованы другие части речи, например: кирг., каз. *тарқ* подр. тарахтению, громыханию, неприятным скрипучим звукам, *тарс* подр. сильному стуку, удару, *тарп* подр. шлепанию чего-л. грузного, *тарқыл*, *тарқылда*, *тарсыл*, *тарсылда*, *тарпыл*, *тарпылда*, *тарылда* и т. д. Ср. также кирг. *боз таркылдак* 'серая славка'. О звукоизобразительном происхождении орнитонима говорит также редуплицированная форма наименования.

Лэйлек 'аист'. Ср.: тат. *ләкләк*; узб. *лайлак*; кирг. *леклек*; туркм. *легле*; тур., азерб. *лэйләк* 'аист'. По Рясняну, данное слово заимствовано из арабского²⁸. Еще раньше о заимствованном характере *лэйләк*, *ләкләк* в тюркских языках писал Н. К. Дмитриев, который указал два значения арабского слова: 'аист', 'хлопанье клювом аиста'²⁹. Звукоподражательное происхождение слова отмечает и Д. С. Сетаров³⁰. Исследования о происхождении орнитонима подытожил Л. П. Петров: «...источником чувашского орнитонима *леклек* является арабский язык. Оттуда слово *леклек* получило распространение и в других тюркских языках. В узколокализованные говоры чувашского языка он проник, по-видимому, через татарский язык. Чужеродность (арабское происхождение) рассматриваемого термина доказывается, во-первых, тем, что пинципальный согласный «л» не встречается в собственно-тюркских словах, во-вторых, тем, что в большинстве случаев араб. *а* ~ чув. *е(э)*. Кроме тюркских, этот орнитоним распространен в славянских языках: укр. *лелека*, болг., сер.-хорв. *лелек* и т. д. исследователи относят к тюркским заимствованиям через русский язык»³¹. В казахском языке по сравнению с *лэйлек* как в научной, так и художественной

²⁸ *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969. S. 316.*

²⁹ *Дмитриев Н. К. Этимология слова // Доклады АН СССР. Вып. Сентябрь—октябрь. Л., 1926. С. 118.*

³⁰ *Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях птиц // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 74.*

³¹ *Петров Л. П. К этимологии чувашских орнитонимов. Ч. 1. // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. С. 61.*

литературе более широкое распространение получил тождественный по значению орнитоним *құтан*, который имеет, судя по морфологическому строению, явно тюркское происхождение (ср. *арстан* 'лев', *қабылан* 'леопард' и т. д.).

Тауық 'курица'. Ср.: др.-тюрк. *taquuqi, taquq*; башк. *tauuq*; кирг. *tooq*; узб. *tovuq*; башк. диал. *taxan*; хак. *ta-ṭax*; чув. *ṭāx*; монг. *taxia*; бурят. *taxja*; калм. *taqa*; кор. *tak*. М. М. Гинатулин считает, что данное слово на звукоподражательной основе сопоставимо с тат. *qytaqlau* 'кудахтать' и в качестве обоснования приводит татарскую поговорку *Qysyr tavuq küp qytaqlıj* 'Не несущая курица много кудахчет'³². В казахском *тауық* прежде всего необходимо выделить корень по аналогии с *тау* < *тағ/тақ*, *бау* < *бақ*. Следовательно, оно разложимо на *тақ-уқ*, где *уқ* — название признака, результата, средства, носителя процесса, действия³³, а *тақ* — подражание резко отрывистому стуку (>*taquyldau*, *taq-taq et-* 'стучать резко, отрывисто'). На мысль о звукоподражательном происхождении орнитонима наводят и материалы по монгольскому языку, где *тағ-тағ хийх*, *тачигнах*, *тас хийх* — 'стучать'³⁴. Ср.: чув. *ṭāxā*, *ṭāx* 'курица', *ṭāx-* 'клевать', *сасā* 'стук', *шакка-* 'стукнуть'.

Сүңқар 'сокол, кречет'. Встречается в ряде тюркских языков: башк. *шонқар* 'кречет'; уйг. *соңқур* 'сокол'; тур. *soğor* 'птица из рода соколиных'; гаг. *сунгарь* 'кречет'; чув. (диал.) *шанкар*; узб. *шўнқар*; к.-калп. *суңгар*; алт. *шонкор* 'сокол, кречет'. Тюркским названиям сокола в монгольских языках соответствуют: монг., калм., бур. *шонхор*. Существует мнение о проникновении орнитонима в некоторые тюркские языки из персидского, который в свою очередь заимствовал его из монгольского³⁵. Выявляя соответствия в различных языках, исследователи не указывают на его фактическое происхождение в конкретном языке. Исключение в этом отношении составляют Б. Ш. Катембаева и Д. Х. Базарова, по наблюде-

³² Гинатулин М. М. Мотивация некоторых тюркских названий птиц. С. 41.

³³ Дмитриева Л. В. Этюды по тюркскому словообразованию // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 66.

³⁴ Базылхан Б. Казакша-монголша сөздік. Уланбатыр, 1977.

³⁵ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I. Weisbaden, 1963. S. 360—362; Петров Л. П. К этимологии чувашских орнитонимов. 3 // Этимологические исследования по чувашскому языку. С. 79.

ниям которых, казахское название *сұңқар* и киргизское *шуңқар* имеют звукоизобразительное происхождение³⁶. Доказательством могут служить изобразительные основы *саңқ-саңқ/шаңк-шаңк* в казахском и киргизском языках, являющиеся подражаниями клетку сокола, беркута и других ловчих птиц³⁷. Звукоизобразительные формы со значением клетка ловчих птиц, в свою очередь, в фоносемантическом плане гомогенны подражаниям звону, звонкому голосу и т. д. в ряде тюркских языков. Ср.: каз. *саңқ ет-* 'вскрикнуть, издавать резкий и звонкий звук', *саңқылда-* 'кричать звонко и громко (о птицах), говорить звонким голосом четко, выразительно', *саңғырла-* 'звенеть, звякать, громко разговаривать (звонким голосом)', *саңғырық* 'крик птиц'; кирг. *шаңк-шаңк кул-* 'звонко смеяться', *шаңғырла-* 'громко, сильно звенеть', *чаңк* подр. стуку молота о наковальню; туркм. *шаңкылда-* 'звенеть', *шаңцы* 'звонкий, зычный'; як. *чаңырғаа-* 'кричать по-орлиному, резким металлическим голосом'; хак. *саң* 'колокол', *саңычах* 'колокольчик' и т. д. Образованный по распространенной модели звукоизобразительных основ орнитоним *сұңқар* в казахском и других тюркских языках отличается от подражательных форм со значением 'звон' лишь огласовкой, т. е. инлаутным гласным.

Тырна 'журавль'. Ср.: кирг., узб., уйг., кумык., ног., карач., тур., ойр., хак., *турна*; тат., башк. *торна*; к.-калп. *тырна*; аз., туркм. *дурна*; тув. *дурьяа*; як. *туруйа*; монг. *тогоруу*; бур. *тохоч'уун*; тунг. *карау*; эвенк. *карал*; чеш. *žerāv*; рус. *журавль*; англ. *crane*; швед. *trana*; санскр. *karāyikā* 'род журавля'; сир. *kurkəjo*; фин. *kurke*; кам. *kuro*; кор. *turim*; яп. *turū*. «Во всех приведенных наименованиях журавля, — пишет М. М. Гинатулин, — очевидна относительная устойчивость сочетания *tr/kr*, объясняющаяся отражением в них трубного курлыкающего крика журавля *kr-rooh* или *kr-r-r*»³⁸.

В. Г. Егоров, исследовав этимологию чувашского ор-

³⁶ Катембаева Б. Ш. Подражательные слова в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. С. 17; Базарова Д. Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. 1975. № 4. С. 46.

³⁷ Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Фрунзе, 1959. С. 171.

³⁸ Гинатулин М. М. Мотивация некоторых тюркских названий птиц. С. 42.

нитонима *tārna*, приходит к выводу о его звукоподражательном происхождении³⁹.

Д. Х. Базарова, разделяя мнение В. Г. Егорова, в качестве обоснования приводит наблюдения специалистов-орнитологов, согласно которым помимо трубного курлыкания журавли вблизи друг от друга издают более тихие звуки — *тюрр-тюрр*⁴⁰. Следовательно, возведение орнитонима к звукоподражательному слову основано, с одной стороны, на лингвистических фактах (выделение корня *tur-/tyr-* в тюркских языках относительно устойчивого сочетания согласных *tr/kr* в разносистемных языках), с другой — на экстралингвистических (относительное соответствие звукового комплекса в названии характерному крику журавля). Существуют и другие этимологизации орнитонима. По Рамstedту, калм. *turug* название какой-то птицы <*turug* 'худой, длинный и тощий' <др.-тюрк. *turuq* 'слабый, утомленный и то-

щий' >др.-тюрк. *turuna* 'журавль', общ.-тюрк. *turna* 'журавль'⁴¹. По Севортяну, старейшей формой является др.-уйг. *turujaja*, из которой закономерно развиваются остальные формы: >*туруйа/дуруйа*, *туруна* >*турна*: *туруйа/дуруйа* >*duruja* >*дуруйа*: *туруйа*/ >*turn'a*; -n'a является рефлексом -*jaja*, как и -*ja*. Весьма вероятно,

что исходная форма *turujaja* представляет собой стяжение, в котором участвует элемент *tur-* 'стоять (имея в виду характерную для журавля и аиста позу)⁴². Развитие общетюркской формы можно представить и следующим образом: **tura*+*un*+*aya* > **turaunya* > **turua-na* > *turna*⁴³.

Как видим, в принципе приведенные этимологии различных авторов опираются на фонетико-морфологический анализ корневой и аффиксальной морфем и определение мотивирующего признака — звука, внешнего вида, формы. Вместе с тем вполне очевидно, что если в мас-

³⁹ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. С. 239.

⁴⁰ Базарова Д. Х. К этимологии... С. 18, 19.

⁴¹ Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. S. 411.

⁴² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 3. М., 1980. С. 302.

⁴³ Петров Л. П. К этимологии чувашских орнитонимов. Ч. I // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. С. 70.

штабе тюркских языков с определенной степенью достоверности прослеживается развитие рассматриваемого слова, то в масштабе всех языков, приведенных в списке, это не удастся. Значит, можно предположить, что звуковое и семантическое сходство указанных слов объясняется либо генетической общностью в рамках ностратической макросемьи⁴⁴, либо типологическим соответствием звукоизобразительных по происхождению форм.

Баркылдак торғай 'сибирский дрозд'. В основе первой части составного орнитонима — звукоподражательное слово *бар(к)*, изображающее громкий грубый низкий голос. Ср.: кирг. *бар* или *бар-бар* подр. звуку на басовых нотах, *барк эт-* 'крикнуть, гаркнуть; сказать громко, властно', *баркылда-* 'громко кричать (о человеке, птицах)', *барқыра-* 'реветь, издавать рев', *барс-барс* подр. сильному хрусту, сильным ударами и т. д., *барсылда-* 'издавать громкий треск, резкий отрывистый звук', *барт* подр. отрывистому звуку на низких нотах, *барт кекир-* 'громко рыгать', *барылда-* 'издавать клокоцущие звуки, говорить громким низким голосом', *барылдак* 'пустомеля (с низким голосом)'; туркм. *варрык-варрык* подр. кваканью лягушки, *бар-бар* подр. громкому плачу, реву, *варк-варк* 'ква-ква' подр. отрывистому кваканью лягушки, *варра-вурра* подр. невнятной, неразборчивой, грубой речи; як. *бар*, *барк* подр. резкому, неожиданному звуку (грубого, низкого тона), *бардырҕаа-* 'испускать резкие громкие звуки, издавать сердитые выкрики', *барылаа-* 'производить мощные рокоцущие и дребезжащие звуки', *барчыгынаа-* 'громко трещать, сильно храпеть' и т. д. Интересно отметить, что в орнитониме *баркылдак (торғай)* отражена не трансформированная форма глагола с выпавшим вибрантом, а более древняя, сохранившая этот звук.

Шагала 'чайка'. В основе наименования лежат звуки, издаваемые птицей, которые по описаниям орнитологов представляют собой хохочущее *ха-га-га* (в полете), звонкое *йах-йах-йах* или горловое *кьяуу* (в воздухе при тревоге)⁴⁵. Ср.: др.-тюрк. изобразительные *џақ* 'отрывистый звук', *џақ-џиқ* 'отрывистые звуки' (ДТС, 140), *џау*

⁴⁴ Илич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. С. 292.

⁴⁵ Флинт В. Е., Беме Р. Л., Костин Ю. В., Кузнецов А. А. Птицы СССР. М., 1968. С. 298.

жау 'шум, суматоха'; каз. *сақ* подр. звукам при ударе, кипении воды, громкому раскатистому смеху; кирг. *шак* подр. резкому и отрывистому звуку, шелканью, шлепанью, *чак* то же, что *шак*, *кара чакылдак* 'лунь болотный'; туркм. *жаг-жаг* подр. громкому разговору, *жагак-жагак* подр. крикам фазана; узб. *чағирла-* 'стрекотать, щебетать, кричать (о птицах)', *чағир-чуғур* подр. стрекотанию, щебету, громкому разговору, шуму, гаму, гвалту; *чағ-чағ* подр. крику галки; як. *чағырҕаа-* 'кричать *чах-чах* (о горностае)'. Гомогенные звукоизобразительные формы в казахском языке образуют другие названия степных птиц, например *шақшақ* 'дрозд'.

Тоқылдак 'дятел'. Корневая морфема орнитонима имеет значение отрывистого приглушенного стука, характерного для стука клювом по дереву. Звукоизобразительный эффект приглушенности передается за счет широкого лабиального *о* в инлауте. В казахском языке однокоренными с данным орнитонимом являются *тоқпақ* 'колотушка', *тоқылда-* 'издавать резкий, отрывистый приглушенный звук; курлыкать, издавать резкие крики (о птицах); стучать', в киргизском — звукоизобразительные формы со значением стука и орнитоним 'дятел' с той лишь разницей, что в последнем появляется вулярный сонорный *ң*: ср. *ток-ток* 'тук-тук (напр., о дятле)' и *тоңкулдак/доңкулдак* 'дятел'. Сонорный *ң* имеется и в каз. *тоңқылда-* 'издавать глухой стук; бурчать под нос, говорить недовольным тоном', а в казахском орнитониме он выпал. В других тюркских языках, например в узб. *тўк*, тув. *дог*, хак. *тох*, туркм. *ток*, в др.-тюрк. *ток* соответствуют казахскому и киргизскому *тоқ* как по фонетической структуре, так и по семантике. Вопрос о первичности корневых морфем (*тоң* или *ток*), вероятно, может быть решен при сопоставлении с однозначными звукоизобразительными формами в монгольском языке, где параллельно употребляются два корня *тон* и *тог*: *тониших/тогиших-* 'стучать, издавать отрывистый звук'⁴⁶. Очевидно, киргизский орнитоним в соответствии с широко распространенной в тюркских языках моделью СГСС состоит из корневой морфемы *тоң* и модификатора *қ*. Звукоизобразительные корни типа СГС с *қ* в ауслауте соответствуют модели ранее выведенной при типологическом анализе подобных форм (ср. рус. *тук*).

⁴⁶ *Базылхан Б.* Қазақша-монғолша сөздік. Уланбатыр, 1977. 308 б.

Бытпылдак 'перепелка'. В основе орнитонима — звукоподражательное обозначение характерного крика птицы, отраженное в некоторых тюркских языках; например в кирг. *бытпылдык* 'крик перепелки'. В киргизском, как и в казахском, более распространенным является *бөдене*, а рассматриваемый орнитоним представляет собой разговорный дублет. В основе орнитонима лежит звукоизобразительный корень *быт*. Показательно, что в киргизском он сохранил значение 'чиркать, заливать трелью' в производном *бытылда-*. В казахском корень *быт* является подражанием негромкому шуму падения мелких предметов (напр., дробн, гороха, зерен) на твердую поверхность. В узбекском название птицы и ее характерного крика гетерогенно: *бедана* 'перепелка' — *битбилдик/питпилдик* подр. крику перепела.

Қарлығаш 'ласточка'. При сопоставлении моделей звукоизобразительных основ, от которых образованы некоторые орнитонимы тюркских языков, обнаруживаются отдельные параллели как в одном, так и нескольких тюркских языках. Так, широко распространенное в тюркских языках название птицы 'ласточка' в туркменском имеет форму *гарлавач*, где *гарла* — основа, *-вач* — аффикс, при этом *гар/кар* встречается в составе ряда других названий птиц и звукоизобразительных слов. Ср.: туркм. *гарга* 'ворона', каз. *қарға* 'ворона', *қарқара* 'цапля' и т. п. По мнению М. Худайкулиева, производные существительные, образованные с помощью суффикса *-вач*, указывают на название орудий действия, птиц и др.⁴⁷ Д. Х. Базарова дополняет его примерами из других тюркских языков: к.-калп. *ғар-ғар* подр. кряканью уток, *ғаркылдау-* 'крякать'; тат. *кор-кор* подр. клекоту, курлыканию; узб. *қарилла-* 'каркать'; чув. *кур-ак* 'грач'⁴⁸.

Бака 'общее название земноводных'. Ср.: в кирг. *бака* 'лягушка', *бак-бак эт-/бакылда-/бакыр-* 'горланить, орать, реветь'; каз. *бақыр-*, *ақыр-* 'громко кричать'; туркм. *багыр-* 'жалобно плакать, громко кричать (о человеке), кричать (о верблюде)'. От данного слова в казахском образованы *көлбақа* 'лягушка (озеро+бақа)', *тасбақа* 'черепаха (камень+бақа)', *құрбақа* 'жаба'

⁴⁷ Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. С. 83.

⁴⁸ Базарова Д. Х. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент, 1978. С. 49.

и т. д. Значение первого компонента составного наименования жабы в казахском языке, очевидно, можно вывести из значения глагола *құрқырла-* 'квакать', а также структурно сопоставимого с последним *құрқылда-* 'курлыкать; возбужденно кричать (о птицах)'. Ср. в туркм. *гур-сур* подр. продолжительному кваканью, *гуррук-гуррук* подр. многократному отрывистому кваканью лягушки, *гурбага* 'лягушка', *гурлауук* 'жаба'. Что касается корневой морфемы звукоизобразительного *бақа*, то, если она является гомогенной с глаголом *бақыр*, как указывалось ранее, ее надо возводить к исходной форме *бар-*, а форму *бак* рассматривать как позднее образование, в котором выпал вибрانت *p*. В противном случае *p* в звукоизобразительной основе необходимо рассматривать как результат метатезы *s* *k* в глаголе *бакыр-*.

Арыстан 'лев'. В современных тюркских языках: алт., кумык., ног., тат., туркм. *арслан*; башк., к.-калп. *арыслан*; кирг. *арыстан*; аз., гаг., тур., балк. *аслан*; тув. *арыслан*; узб. *арслон*; чув. *арӑслан*; чув. (диал.) *услан*. Ср.: монг., маньчж. *арслан*. В. Вербицкий делит слово *арслан* на две части *арсыл* 'дикий, свирепый, лютый' и *ан* 'зверь'⁴⁹. Г. Вамберн первый компонент возводит к *арыс* 'сильный', а второй — к *лан* 'зверь'⁵⁰. В. Банг выделяет составные *arsil* и *ilan*; значение общетюркского *ilan* определяет как 'крадущийся, ползущий зверь', образованного от *jil-* 'ползти, извиваться по земле'⁵¹. По мнению А. М. Щербака, *arслан* образовано от *arsyl* — форма интенсива от прилагательного *ar* (см. *aar* 'каштановый', МК 1, 80) и *ан* 'зверь'⁵². Более обоснованной как в фонетическом, так и в семантическом отношениях, на наш взгляд, является этимология, предложенная Г. И. Рамstedтом⁵³ и Э. В. Севортьяном⁵⁴, рассматривающих дан-

⁴⁹ Вербицкий В. Словарь алтайского, аладагского наречий. Казань, 1884. С. 26.

⁵⁰ Vambery H. Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig, 1879. S. 184.

⁵¹ Bang W. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen // Keleti-Szemle. XVII, 1—3. Budapest, 1916—1917. S. 130.

⁵² Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 137.

⁵³ Ramstedt G. H. Введение в алтайское языкознание. М., 1957. С. 201, 202.

⁵⁴ Севортьян Э. В. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков». М., 1966. С. 74.

ное слово как сложное образование, состоящее из *арс* подражательного слова со значением 'рычать, лаять' и аффикса *-лан*. Ср.: в каз., кирг., к.-калп. *арсылда*- 'рычать, лаять, гавкать'.

У многих тюркоязычных народов как в прошлом, так и в наши дни широко распространено имя, которое, как и у западноевропейских народов, дается сыновьям и символизирует храбрость, смелость, мужество, отвагу: ср. каз. *Арыстан*, *Арыстанбек*, туркм. *Арслан*, кирг. *Арстан* и т. д.

Кабылан 'леопард'. Встречается в ряде тюркских языков: башк. *каплан*; кумык. *кӀаплан*; ног., тат. *каплан*; узб. *коплан*; к.-калп. *каблан*; кирг. *кабылан*; туркм. *гаплан*. В некоторых из этих языков данное слово кроме указанного может иметь значения 'барс', 'пантера', 'тигр'. В значении 'тигр' *каплан* встречается и в древнетюркских памятниках⁵⁵. Морфологическая структура слова *кабылан* аналогична структуре слова *арыстан* и состоит из звукоизобразительного *қап*- 'хватать, кусать' и аффикса *-лан*.

Торсылдак 'леонтица Эверсмана' — растение, у которого в период созревания семян маленькая булавовидная вытянутая головка при малейшем прикосновении моментально разрывается и разбрасывает семена. Название растения подчеркивает характерный признак — резко разрывающуюся головку — посредством слова *торс* подр. резкому звуку. шуму взрыва. Ср. кирг. *шартылдак* 'погромок (растение)', *шартылда*- 'производить треск, звяканье, делать что-либо проворно, быстро', *шарт* подр. слово, выражающее решительное действие, резкое движение — фоносемантический вариант каз. *торс*; узб. *порсилдок*, употребляемое в том же значении (*порс/порт* подр. звукам взрыва, *портла*- 'взрываться, разрываться (о бомбе, снаряде и т. п.)'). В казахском звукоизобразительная основа *торс* состоит из подражательного корня *тор* подр. дребезжащим, грохочущим звукам, вибрирующим движениям (ср. *тыр*-, *тар*-, *дыр*-, *дар*-) и модификатора *с*, придающего корневой морфеме значение взрыва, лопанья и т. д. От данной основы в казахском языке образованы производные: *торсылда*- 'издавать приглушенный звук, надуться, обижаться',

⁵⁵ *Ибрагимов К.* Некоторые древнетюркские названия диких животных в современных тюркских языках // Советская тюркология. 1977. № 1. С. 47.

торсық 'бурдюк для хранения и перевозки жидкости', *торси-* 'вздуться, вспучиваться', *торсылдақ* 'рыбий пузырь'. Огубленная гласная корня символизирует выпуклость, вздутость.

Шегіртке 'кузнечик'. А. Н. Кононов предполагает, что в основе наименования лежит подражательное слово; ср. тур. *чекирге* 'саранча' от *чекир-чекир* подр. треску, стуку⁵⁶. На материале туркменского языка его поддерживает М. Худайкулиев, который туркм. *чекиртге* 'саранча, кузнечик' возводит к той же самой звукообразительной основе⁵⁷. В казахском языке название подсолнуха имеет два варианта — описательный *күнбағар* и звукообразительный *шекілдеуік*. Буквальное значение последнего — 'трескучий, трещащий'. Фонетическое сходство с *шегіртке* — очевидно, так как озвончение в интервокальной позиции глухого смычного *к* и чередование *р ~ л* в ауслауте подражательной основы часто встречаются в звукообразительных словах. Следовательно, и материалы по казахскому языку подтверждают предположение А. Н. Кононова о звукообразительном происхождении названия кузнечика в тех тюркских языках, в которых оно употребляется в форме, сходной с казахской.

Балқаш 'название озера, находящегося на границе Алма-Атинской, Талды-Курганской, Карагандинской и Джамбулской областей Казахстана'. С. П. Толстов предполагает, что данный гидроним восходит к одному из древнейших языков урало-алтайской семьи и связан с понятием 'вода'⁵⁸. С. Е. Малов, а также И. В. Сергеев рассматривают гидроним *балқаш* как связанный со значением 'болотистое место, зыбкое место, грязь'⁵⁹. Е. Койчубаев считает, что «слово *балқ* (<*балық*) вполне может быть субстантивированным прилагательным от существительного *балық* 'ил'. В устоявшихся словосочетаниях казахов слово *балық* помимо значения 'ил' и современного его значения 'рыба' сохранило значение

⁵⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. С. 121.

⁵⁷ Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. С. 79, 80.

⁵⁸ Толстов С. П. Города гузов: (Историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. С. 73.

⁵⁹ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1952. Т. 11, вып. 2. С. 368; Сергеев Н. В. Тайны географических названий. М., 1965. С. 80.

'вода'... Следовательно, в гидрониме *балқаш* мы имеем два синонимичных компонента: *балық* 'вода'... морфему *-аш*, которая означает тоже вода, т. е. 'водный бассейн'⁶⁰. А. Т. Кайдаров на основании фонетического и семантического сходства производных *балшық* 'жидкая грязь, вязкая глина', *балжыр* 'мокрый, намокший', *балдыр* 'водоросль' определяет *балқаш* как 'болотистая местность, топь'⁶¹.

Все приведенные этимологии слова *балқаш* близки по определению основного значения гидронима, так как исходят из семантики корневой морфемы, представленной в производных существительных и прилагательных и в принципе приемлемы. Вызывает сомнение толкование морфемы *-аш* в гидрониме *балқаш* как имеющей (пусть даже гипотетически) значение 'вода'.

Рассмотрим корневую морфему и основу данного слова в нескольких языках. Ср.: каз. (кроме указанных) *балғы-* 'плавиться, расплавляться', *балшылда-* 'разбрызгивать, разлетаться', *балбыра-* 'размякнуть, обмякнуть, развариться', *балдырла-* 'лепетать, лопотать', *балпылда-* 'неуместно болтать, молоть языком', *балпақ* 'разжиревший, рыхлый'; туркм. *балк-балк* подр. блеску влажных глаз, *бал*, *балк* подр. звуку падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы, *палчык* 'сырая глина', *палчылда-* 'издавать звук *палч*, *шлеп*, 'шмякнуться'; як. *бал*, *балк* подр. звуку падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы, *балдыгыраа-* 'учащенно издавать мягко хлюпающие звуки (о жидкой грязи, о мягком произношении звуков речи)'; узб. *палчик* 'жидкая глинистая грязь, ил', *балгам* 'мокрота'; кирг. *балкы-* 'расплавляться, размякать, размельть'; тув. *балар* 'тина, ил', *балалчак* 'запачканный, замазанный, грязный'; хак. *палгас*, *палчах* 'грязь (напр., дорожная)' и т. д.

Приведенный материал убеждает нас в правильности указанных этимологий гидронима *балқаш*. Более того, он проливает свет на морфологический состав гидронима, который, как видно, полностью совпадает с хакасским существительным *палгас* 'грязь'. Для определения морфологического состава в данном случае необходимо

⁶⁰ Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974. С. 53, 54.

⁶¹ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1985. С. 191.

сопоставить основу *балк/палк* с аналогичными основами типа СГСС, широко распространенными в звукоизобразительных формах *былқ-, шылқ-, булк-*, в которых, как отмечалось в первой главе, конечный согласный является модификатором вторичной подражательной основы, полученной путем сокращения именного образования (*былқыл, шылқыл, бүлкіл*). В свою очередь, модификатор *қ* восходит к аффиксу *-қ (ы)*, образованному от вспомогательного глагола *қыл*. Следовательно, морфологический состав гидронима *балқаш* определяется как соединение корневой морфемы *бал-*, глаголообразующего аффикса *-қ-*, соединительной гласной *-а-* и именного аффикса *-ш-*, который в современном казахском языке относится к малопродуктивным.

Интересно, что в якутском и туркменском языках звукоизобразительный корень *бал* в чистой форме, а в других тюркских языках в составе производных основ обозначает подражание хлопаящим, шлепающим звукам, получаемым путем прикосновения к жидкой массе.

Фоносемантическими вариантами указанных слов в тюркских и других языках являются звукоизобразительные формы, близкие по семантике и включающие в свой звуковой состав щелевой сонант *л*. Ср.: каз. *шалпылда-* 'плескаться, шлепать по воде', *шалшык* 'лужа, грязная вода, слякоть', *шалап* 'напиток, кислое молоко с добавлением воды', *шалкар* 'широкий, просторный, необъятный', *шылпылда-* 'хлопать', *шолпылда-* 'плескаться, хлопать по воде', *шелпек* 'лепешка'; др.-тюрк. *şalpaq* 'грязь, нечистоты' (МК 236₁₃); кирг. *шалпыр ич-* 'лакать', *шалп эт-* 'шлепнуться, бухнуться'; туркм. *чалпав* 'болото, лужа'; як. *чалк* подр. звуку падения слизистой массы или капли в жидкость, *чалыптаа-* 'всплескивать, булькать'; узб. *чалп, шалоп* подр. плеску, шлепанью, чавканью, *шалток* 'навозная жижа, грязь, слякоть'; тув. *шалбаа* 'лужа, болото', *шалдыла-* 'плескаться (о волнах)'; хак. *чалги-* 'лизать, вылизывать, лакать' и т. д. Образованные в результате метатезы анлаутной и ауслаутной согласных основы, некоторые из этих форм по фонетическому составу (но не по последовательности звуков) либо совершенно идентичны ранее рассмотренным основам, либо отличаются от них только огласовкой.

С приведенными тюркскими звукоизобразительными словами в других неродственных языках на уровне общего звуко-символического элемента сопоставимы следующие

шие слова: в значении 'плеск жидкости' — рус. *плеск-, полоск-*; тадж. *чалап-чалап, шилип-шилип, лап-лап*; осет. *c'ylling* и т. д.; в значении 'лаkanie' — рус. *лак-*; тадж. *лак-лак*; евр., араб. *LKK*; в значении 'лизание' — рус. *лиз-*; литов. *lyž(t), lež*; евр. *LHK*; сир. *LKH*; араб. *L'K, LWŠ, LBLB*; англ. *lick, lap* и т. д.

Семантическое сходство сравниваемых звукоизобразительных форм является следствием звуко-символической функции латерального сонорного *l*, общего для списка слов из самых различных языков. Иначе говоря, употребление этой фонемы в качестве основного корневого элемента, артикуляторным особенностям которого характерны определенные ощущения тактильной модальности, мотивирует звуко-символическое выражение указанных значений. Подобная мотивированность прослеживается и в звукоизобразительном этимоне *b/n...л*, от которого и происходит гидроним *Балқаш*.

Даңғырлақ название горного склона⁶², букв. 'грохочущий'. Ср.: каз. *даң* 'шум, гам, гомон, грохот', *даңгаза* 'шум, галдеж', *даңғыр* 'звон, шум, громыхание', *даңғыра* 'вид ударного музыкального инструмента; громыхать, звенеть, звякать', *даңдақ* 'пустая, бессодержательная речь', *даңдама* 'шумное веселье, многоголосый шум'; др.-тюрк. *даң-диң* подр. грохоту, грому (МК II, 357); кирг. *даң* подр. звуку удара о металлический предмет, сильноному и четко повторяющемуся звуку (напр., барабана); 'веселый шум, оживление'; як. *даң* подр. звуку колокола, гулкому звону; узб. *даңғилла-* 'издавать звон, звенеть, звонить (о колоколе)' и т. д. Звукоизобразительное происхождение данного названия совершенно очевидно.

Жаңғырык название речки и ущелья в Заилийском Алатау, букв. 'эхо'. По утверждению С. Е. Дмитриева и Е. Койчубаева, происхождение названия связано с шумом, грохотом горной реки, эхом, раздающимся по всему ущелью⁶³. Гидроним *жаңғырық* в качестве нарицательного существительного со значением 'эхо' имеет звукоизобразительное происхождение. Ср.: др.-тюрк. *јаңғыр-* 'звучать, звенеть', *јаңғи* 'шум, шорох, эхо' (ДТС, 233); каз. *жаң-жуң* 'звонкие голоса, резонирующее разноголо-

⁶² Койчубаев Е. Краткий толковый словарь... С. 77. К сожалению, автор не указывает месторасположения горного склона.

⁶³ Там же. С. 96.

сье'; кирг. *жаңыр-жаңгыра-* 'издавать громкий крик, звучать, отдаваться (об эхе), греметь'; туркм. *жаң* 'колокол, звонок'; узб. *жанг* 'бой, сражение, битва', *жангир* подр. звону, бряцанию, лязгу; тув. *чаңгы* 'эхо' и т. д.

Қорс название урочища в дельте р. Или в районе г. Баканас. Е. Койчубаев, ссылаясь на свидетельство В. Н. Шнитникова (путешествовавшего по данной местности в начале века) о том, что «когда пробираешься по этому месту, то раздается непрерывный треск от ломаемого скасула», указывает на звукоподражательное происхождение топонима⁶⁴. Интересно, что данный гидроним сохранился в форме подражательной основы с модификатором *с* в ауслауте, т. е. употреблен в усеченно-экспрессивной форме, что встречается крайне редко. Кроме того, *қорс* в значении резкого треска при ломке сучьев в казахском языке менее употребим по сравнению с *қорс* в значении 'хрюкать'.

Күркіреуік название водопада в Каскеленском р-не Алма-Атинской обл., источников в Актюбинской и Гурьевской обл. (букв. 'грохочущий')⁶⁵. Звукоизобразительный корень *күр* встречается во многих тюркских языках. Ср.: др.-тюрк. *kürlän-* 'греметь, грохотать' (МК II, 252); каз. *күрілде-* 'гудеть, шуметь, гроыхать, греметь'; кирг. *күрп-күрп* подр. шуму, грохоту (напр., ударяющейся о скалы бурной воды); туркм. *күрк* 'наседка, клушка'; як. *күр* подр. звуку при обвале, проваливании льда, сухой земли, мелких камней и т. д.

Приведенные лексикографические материалы по топонимике и зоонимике показывают, что определенную их часть составляют слова звукоизобразительного происхождения. Только в кратком словаре топонимов Е. Койчубаева их содержится около тридцати. Специальное изучение звукоизобразительного пласта зоонимов, топонимов и гидронимов Казахстана, несомненно, позволит выявить гораздо большее количество подражательных слов, легших в основу этих названий. Появление этих слов в той форме, в которой они функционируют, объясняется прежде всего наличием у объектов наименования отличительного признака, а именно того или иного характерного звука, выделенного человеком в процессе номинации. Их образование происходило путем ассоциа-

⁶⁴ Койчубаев Е. Краткий толковый словарь... С. 148.

⁶⁵ Там же. С. 158.

тивного переноса обозначений конкретных звучаний на объект номинации по определенным ранее сформировавшимся моделям. Так как фонетические особенности казахского языка (как и любого другого) ограничивают возможности адекватного подражания, этот процесс носит типизированный, аппроксимированный характер. В целом же в словах звукоподражательного и звукоименического происхождения довольно четко выделяется фоносемантический этимон, выраженный обобщенным фонемотипом или фонетической моделью, выполняющей ту или иную звукообразительную функцию.

Лексико-семантическая группа глаголов смеха и плача

С точки зрения физиологии, смех и плач являются естественными процессами в жизнедеятельности человека, выражающими его эмоциональное состояние. Возбуждение, вызванное той или иной ситуацией, приводящее человека в состояние радости или печали, в результате чего появляются слезы или раздается смех, имеет свои внешние признаки, связанные с мимическим и звуковым выражением. В конкретной ситуации эти признаки характеризуют человека, и по смеху или плачу можно определить с той или иной степенью точности возрастные и половые различия, особенности характера и т. д. Обобщение и понимание признаков эмоционального состояния смеющегося или плачущего при непосредственном наблюдении основывается на жизненном опыте, знании обстоятельств. В языке же все эти признаки чаще всего передаются описательно, и многое из того, что воспринимается глазом и ухом, остается за пределами обозначения. При этом интересно отметить, что в лексико-семантической структуре различных языков технически по-разному обозначаются одни и те же внешние признаки эмоционального состояния.

Специальные исследования обозначений смеха и плача в казахском и других тюркских языках ни в плане традиционного лексико-семантического изучения, ни тем более в плане фоносемантического анализа, насколько нам известно, до сих пор не проводились. В лексикографических трудах и работах, посвященных тюркским звукоподражаниям, данная группа слов зарегистрирована исполно и без определения звукообразительной функ-

ции компонентов фонетической структуры. Вместе с тем обозначения указанных эмоциональных состояний в лингвистическом и этнографическом отношении представляют определенный интерес. Не случайно преподаватель биологии западноберлинского университета К. Нимиц, изучающий психическое воздействие и коммуникативную функцию смеха, считает, что «смех для человека — своеобразный язык, обращенный к собеседнику, который в зависимости от обстоятельств и настроения бывает естественным, вызывающим симпатию, неестественным, заискивающим, ледяным и т. п.»⁶⁶.

В одном из немногочисленных исследований, посвященных анализу лексико-фразеологического поля обозначений смеха и плача, фактическим материалом служат глагольно-именные фразеосочетания и глагольные лексемы русского языка⁶⁷. В лексико-семантическое поле 'смеяться' вошли такие глагольные лексемы, как *прыскать, ржать, скалиться, склабиться, смеяться, улыбаться, усмехаться, фыркать, хихикать, щериться*. В лексико-семантическое поле 'плакать' — *вопить, всхлипывать, голосить, закатиться, канючить, кукусься, надсаживаться, ныть, плакать, прослезиться, реветь, скулить, стонать, стенать, орать, рыдать, хлюпать, хныкать*. Глагольные лексемы *смеяться* и *плакать* выступают здесь как наиболее общие, стилистически нейтральные названия выражений положительных и отрицательных эмоций с помощью мимики и голоса и по специально разработанным критериям определяются как ядерные лексемы. В соответствии с принципами комбинаторного анализа глагольные лексемы смеха по значению делятся на два множества: по наличию/отсутствию звука и по характеру оценки.

Дальнейшая конкретизация описания предполагает выделение ряда других элементов для каждого множества: для первого — «выражение эмоций мимикой губ, без звука; выражение эмоций мимикой губ в сопровождении шума; выражение эмоций мимикой губ в сопровождении голоса; для второго — положительная эмоциональная оценка смеха с позиции слушающего и отрицательная эмоциональная оценка смеха с позиции слушаю-

⁶⁶ Смех — это язык // *Вечерняя Алма-Ата*. 1986. 20 ноября.

⁶⁷ *Ротова М. С.* Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1985.

шего»⁶⁸. Кроме того, важными семантическими элементами глаголов смеха являются их характерности в отношении степени раскрытия рта и степени громкости звука.

Применение методов комбинаторного анализа в данном случае обусловлено, во-первых, стремлением к более глубокому и детальному описанию семантического поля во всех сложностях взаимоотношений конкретных единиц, во-вторых, лексико-семантическим своеобразием глаголов смеха и плача в русском языке, в котором преобладают описательные образования, а звукоизобразительные не отличаются большой информативностью и разнообразием. Например, *ха-ха-ха*, *хо-хо-хо*, *хи-хи-хи*, *хе-хе-хе* и т. д. не несут такой большой информации, какую имеют звукоизобразительные формы обозначения смеха в тюркских, в частности в казахском, языках. Правда, в тюркских языках звукоизображение смеха и плача часто резко различается, что, вероятно, объясняется историческим развитием отдельно взятого тюркского языка или его контактами с другими языками и т. д. Например, в якутском языке, по Харитонову, встречаются такие звукоизображения смеха, как *һы* (с носовым гласным) подр. звуку презрительной усмешки, *һы-һы* подр. сдержанному смеху, *һа-һа-һа* подр. раскатистому громкому смеху, *һэ-һэ-һэ* подр. самодовольному, злорадному смеху, *һи-һи* подр. смущенному смешку, *һо-һо-һо* подр. презрительно-насмешливому хохоту⁶⁹, в которых чувствуется сильное влияние русского языка. Вместе с тем среди заимствованных звукоизобразительных форм передачи смеха встречаются специфичные для одного или нескольких тюркских языков, например: узб. *пик-пик кул*- 'хихикать (в кулак), ехидно посмеиваться', *қах-қахла*- 'хохотать', *қих-ких кил*- 'хихикать'; кирг. *борс-борс кул*- 'смеяться громко и отрывисто' и др.

В казахском языке Ш. Ш. Сарыбаев насчитывает 15 видов звукоизобразительного обозначения смеха⁷⁰. Попытаемся определить природу их звукоизобразительности, т. е. связь подражательной основы глагола со звукоизобразительной системой казахского и других тюркских языков. Вместе с тем поскольку исследуемый

⁶⁸ Там же. С. 10.

⁶⁹ Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.: Л., 1954. С. 161.

⁷⁰ Сарыбаев Ш. Ш. Еліктеуіш сөздер: (Методическое пособие). Алматы, 1982. 9-6.

тип именной части составных глаголов в значительной степени информативен и связан с целым рядом экстралингвистических моментов, то представляется возможным раскрыть некоторые социальные функции глаголов смеха. Мы имеем в виду то, что в силу исторической традиции, сложившегося национального этикета тот или иной вид смеха может быть характерен для мужчин или женщин, для детей или стариков, быть приличным или неприличным, грубым или красивым и т. д. Все эти виды смеха в казахском языке получили звукоизобразительное обозначение. Подобная информативность звукоизобразительных форм широко используется казахскими писателями при описании того или иного персонажа, той или иной психологической ситуации. Только одним обозначением смеха можно кратко, лаконично, предельно выразительно охарактеризовать душевное состояние персонажа, его возраст, телосложение, а иногда и морально-этический уровень.

Из рассматриваемых 18 видов смеха 3 не являются звукоподражательными, но они близки к ним по структуре.

Прежде чем перейти к анализу подражательных форм, ознакомимся с описательными обозначениями смеха в казахском языке: *мейірбан күлкі* 'благодарный, добродушный смех', *кекесін күлкі* 'злой, саркастический смех (злопамятного человека)', *шат-шадыман күлкісі* 'радостный, жизнерадостный смех', *мысқыл күлкі* 'ехидный, подтрунивающий смех, смешок', *қошемет күлкісі* 'подбадривающий, приветствующий смех', *аяр күлкі* 'льстивый, угодливый, лакейский смех', *сыңғырлаған (күмістей) күлкі* 'серебристый смех (букв. как звенящее серебро)', *ойын-сауық күлкісі* 'радостный многоголосый смех во время массового веселья, игр, пиршества и т. д.', *ерке күлкісі* 'беззаботный, беспечный смех', *өтірік күлкі* 'искусственный, нарочитый, нескренный смех', *әжуа-мазақ күлкі* 'передразнивающий, копирующий кого-либо смех', *ақ жарқын ашық күлкі* 'открытый, добродушный смех', *қалжың күлкісі* 'шутливый, иронизирующий смех', *ибалы күлкі* 'смех скромного, тактичного, воспитанного человека', *имене күл* 'смеяться боязливо, нерешительно, трусливо, опасливо', *дарақы күлкі* 'неуместный, глупый, беспечный смех', *ойнақы күлкі* 'игривый, шутливый смех', *жымия күл* - 'смеяться, сильно прищутив глаза и расплываясь в улыбке', *күлімде* - 'посмеиваться, ухмы-

ляться, улыбаться', *ызалы кулкі* 'злобный, саркастиче-ский, злорадный смех', *мығынан кул-* 'смеяться надмен-но, ухмыляться свысока', *долы кулкі* 'смех сварливого, взбалмошного, злобного человека', *аденті кулкі* 'смех тактичного, скромного, воспитанного человека, тонко чувствующего нормы и правила традиционного, истори-чески сложившегося этикета казахского народа' и др.

К звукоизобразительным глаголам, обозначающим различные виды смеха в казахском языке, относятся приведенные ниже аналитические образования.

Ду кул- 'взорваться смехом, одновременно громко засмеяться, захохотать (о смехе группы людей, толпы, аудитории, зрительного зала и т. д.)'. Этот тип смеха выражает бурную реакцию группы людей на конкретные слова или действия лица, привлечшего всеобщее внима-ние. Бурный, радостный смех группы людей предполагает возбужденное, эмоциональное состояние, вызванное смешным словом, острым выражением, комичными дви-жениями или ситуацией.

Первый компонент составного глагола *ду кул* пред-ставляет собой звукоподражательное слово, в казахском языке употребляющееся самостоятельно и в сочетании с другими словами: *ду* 'внезапный шум, гам, взрыв голо-сов (группы людей)', *ду-ду* 'шум, гам, галдеж', *ду ет-* 'внезапно зашуметь, дружно заголосить', *дуылда-* 'шу-меть, говорить разгоряченно, гореть, зудеть (о лице)' и т. д.

В других тюркских языках данный корень может приобретать помимо указанных и некоторые другие зна-чения, однако все они имеют определенную семантиче-скую близость, т. е. являются производными от одного общего значения, охватывающего многие разновидности шума, резкого звука, отличающегося определенной дли-тельностью звучания. Ср.: кирг. *дуу* 'шум, гул, гвалт', *дуула-*, *дуулда-* 'шуметь, гудеть, гомонить; оживленно разговаривать; пользоваться славой; быть во множест-ве', *дуу кулуп жибер-* 'разразиться хохотом', *кулку дуу дей түштү-* 'раздался взрыв хохота'; туркм. *дув* подр. звуку пламени (напр., в самоварной трубе и т. п.); як. *доогунаа-* (<доо) 'звонко гудеть (о пении густым голо-сом, о полете шмеля)'; узб. *дудула-* 'гудеть, дудеть', *дув, дувуллаб* 'дружно, разом, валом'.

Жырк-жырк кул- 'смеяться беспричинно, смеяться осклабясь; некстати расплываться в улыбке'. Этот вид

смеха характерен в основном для людей несерьезных, легкомысленных, поверхностных. Так беспричинно и неуместно смеются люди, не способные понять ту или иную конкретную ситуацию, обстановку либо в силу слабости натуры, характера вынужденные испуганно, растерянно заискивать перед окружающими. Так может смеяться человек, удовлетворенный удачным сведением счетов со своим врагом, соперником или явной победой в словесном споре, диспуте. Иногда такой смех женщины в разговоре с мужчиной выражает ее несдержанность, непристойность, легкость поведения. Чаще же всего рассматриваемый глагол обозначает неуместный, беспричинный, легкомысленный смех.

Изобразительный компонент рассматриваемого глагола смеха соответствует широко распространенной модели подражательных слов типа СГСС со значением быстрого, моментального, отрывистого движения или действия. В основе значения глагола лежит обозначение двигательного момента, мимического выражения конкретной эмоции человека, которое в свою очередь мотивированно обозначением звуков при разрывании, резком разделении и т. п. действий.

В казахском языке корень *жыр* имеет ряд производных со значениями, близкими или же отдаленными от основного значения корневой морфемы: *жырқ-жырқ ет* — то же, что *жырқ-жырқ күл*-, *жырқылда*- — менее экспрессивный вариант глагола *жырқ-жырқ күл*, *жыр*- 'разъединять; пахать, прочертить' и др. (*жырт*, *жыра жырық* и т. д.).

В других тюркских языках наряду с сохранением общего значения наблюдается и его дальнейшая дифференциация: кирг. *жырт*- 'рвать, разрывать', *жыртаңда*-, *жыртақта*- 'некстати расплываться в улыбке, смеяться осклабясь'; туркм. *жырла*- 'рвать с треском', *жырым-жырым* 'разорванный в клочья (напр., ткань, бумага и т. п.)', *йырт* 'рвать, разрывать, расцарапать', *йыршармак*- 'ухмыляться', *йыри этмек*- 'расплыться в улыбке'; як. *ырбай*- 'раскрываться продольной щелью (о губах, о ране), растягивать губы в улыбке, улыбаться беспечно, легкомысленно (о девочке)', *ыргай*-, *ыгтай*- 'приподнимать и растягивать верхнюю губу, беспечно улыбаться'; узб. *йирик* 'щель, расщелина', *иржай*- 'ухмыляться, улыбаться, скалить зубы'; тув. *чыртай*- 'слегка подниматься (об уголках рта при улыбке)' и т. д.

Кеңк-кеңк күл- 'смеяться негромко, отрывисто, как бы покашливая: *кхе-кхе-кхе*'. Этот вид смеха чаще всего характерен для человека высокого о себе мнения, важного, своими неторопливыми движениями, жестами, манерой говорить представляющего собой воплощение степенства, значительности и самодовольства. Такие люди не отличаются простотой, искренностью, откровенностью. Сочувствие, сопереживание их, как правило, формально и продиктовано схематизмом тактичного отношения культурного человека. Вне рамок данного человеческого типажа такой смех может содержать оттенки многозначительности или некоторого сарказма, злорадства. Кроме того, негромко, отрывисто, как бы покашливая, может смеяться человек больной, слабый, состарившийся, физически не способный смеяться громко и раскатисто.

Отдельно взятая подражательная основа *кеңк* обозначает 'отрывистый, достаточно громкий звук', который в казахском, киргизском и других тюркских языках выражает не только описанный вид смеха, но и отрывистый, громкий плач, плач навзрыд, рыдание: *кеңк-кеңк ет, кеңкілде* - 'отрывисто плакать; отрывисто смеяться', *кеңкіл* 'отрывистый смех'. Гомогенными с ней в казахском и некоторых других тюркских языках являются слова: *кеңірдек* 'трахея, дыхательное горло', *кеңірдекте* - 'насыщаться; хватать за грудки' и т. д. В указанных значениях данная основа встречается и в других тюркских языках: кирг. *кеңк* подр. отрывистому и громкому звуку, *кеңкілде* - 'издавать отрывистые и громкие звуки', *кеңкілдеп ыйла* - 'плакать навзрыд', *кеңк этип чүчкүр* - 'громко и отрывисто чихать'; туркм. *кентлевук* 'нёбо', *гаты кентлевук* 'твердое нёбо', *юмшак кентлевук* 'мягкое нёбо', *хеңкир* - 'громко плакать, рыдать, реветь, голосить, орать, кричать'; як. *киңинэй* - 'бурчать, ворчать под нос', *киңкинй* - 'ворчать, роптать негодуя; *киңкинээ* - 'гулко звенеть, гудеть'; узб. *хиқилдоқ* 'гортань, горло', *хиқ-хиқ* подр. нкоте, сдавленным отрывистым звуком, *хиқилла* - 'икать; хныкать'; тув. *кеңгирге* уст. 'барабан, бубен, литавры'.

Карк-карк күл- 'хохотать, смеяться громко, раскатисто'. Это смех веселый, радостный, выражающий высшую меру полноты удовольствия. Чаще всего он свойствен людям добродушным, непосредственным. Это смех людей, умеющих веселиться от души, наслаждаться прекрасным. Это смех чуткого, внимательного и любяще-

го отца, восторженно реагирующего на забавные действия или слова ребенка. Это смех взрослого человека, получающего большое удовольствие от веселой шутки, остроты, тонкого юмора или хорошего анекдота собеседника. Это смех человека, способного на время забыть, отвлечься от грустных мыслей, трудностей, жизненных невзгод и предаться веселью, ощущению радости. По исторически сложившейся национальной традиции у казахов этот смех более характерен для мужчин, но не является их привилегией, так как встречается и у женщин. У слушающего такой смех поднимает настроение и зачастую он сам начинает смеяться.

В казахском языке от звукоподражательного корня *қар* образован целый ряд производных, в основном глаголов звуковыражения (низкой тональности, грубых, резких) или названий производителей этих звуков: *қарқ-қарқ ет-*, *қарқылда-* 'каркать, громко смеяться, хохотать', *қарға* 'ворона', *қарға-* 'проклинать', *қарлық-* 'охрипнуть', *қарлығыш* 'ласточка', *қарқара* 'цапля' и т. д. В большинстве тюркских языков значение рассматриваемого корня сохраняется в пределах звукоподражания специфичному низкому грубому звуку, при этом возможны случаи выпадения *р*, указывающего на продолжительность резкого звучания. Ср.: кирг. *карк* подр. громкому и грубому выкрику, крику журавля, *карк-карк* подр. курлыканию, *как* подр. карканию вороны, *каркылда-* 'каркать, гоготать, кричать', *каркыра* 'журавль-красавка', *карк-карк күл-* 'громко и отрывисто захохотать', *карт-карт күл-* 'хохотать, громко смеяться', *карга* 'ворона'; туркм. *гарк-гарк* подр. кряканию, крику гусей, *гаркылда-* 'гоготать', *гак-гак* подр. карканию вороны, *гарга* 'ворона', *ках-ках* подр. громкому раскатистому смеху, *ках-ках ур-* 'хохотать'; як. *даах*, *хаах* подр. крику вороны, *хар* подр. звуку сочного кашля, клокотанию бурно кипящей каши, масла и пр., *хаагыргаа-* 'каркать, гракать', *хаахтаа* 'харкать, выхаркивать'; узб. *фартилла-* 'гудеть, трубить, реветь, греметь (напр., о звуках карная)', *фарғара қил-* 'полоскать горло, издавать предсмертный хрип'; тув. *каргыра-* 'хрипеть, бурлить', *каргыраа* 'вид горлового пения'; хак. *харых-* 'храпеть' и т. д.

Мырс-мырс күл- 'смеяться тихо; улыбаться, усмехаться, ухмыляться'. В казахском языке этот вид смеха традиционно считается выражением скромности, воспитан-

ности, сдержанности, а иногда застенчивости. Для людей с таким смехом не характерно бурное и шумное выражение своих эмоций, они тихи и незаметны. Веселость их настроения чаще можно заметить по игриво прищуренным глазам и слегка растянутым в улыбку уголкам губ. Свойственный мужчинам и женщинам, этот вид смеха наряду с удовольствием может выражать и легкую, не злобную, добродушную иронию.

Сопоставление ряда производных с корневой морфемой подражательной основы *мырс*, где конечный согласный обозначает краткость, скоротечность действия или звучания, а анлаутный губно-губной сонант выполняет основную звукоизобразительную функцию, позволяет определить общее значение слова, имеющее тесную связь со звукоимовизмом фонетического состава: ср.: каз. *мырс ет-*, *мырсылда-* — то же, что *мырс-мырс күл*-, *мыршым* 'устаревшая национальная игра, участники которой состязаются с кольцом во рту, т. е. молчаливо'. В плане общего значения молчания, сомкнутого, сжатого положения губ, а при вокализации — произнесения сонорных, гнусавых звуков с указанными словами сопоставимы и такие образования, как *мысқыл* 'легкая ирония, веселая шутка, безобидная колкость' и даже такие, более отдаленные по семантике слова, как *мылқау* 'глухонемой', *мұрт* 'усы' и т. д. Та же символизация идеи сонорности сохраняется и в других словах тюркских языков: туркм. *мыс-мыс* подр. беззвучному смеху, *мыс-мыс гүлмек-* 'смеяться тихо, беззвучно', *мыр-мыр* подр. мурлыканью, *мырла-* 'мурлыкать'; кирг. *мырылда-* 'мурлыкать', *мырыңда-* 'гундосить'.

Сақ-сақ күл- 'смеяться громко, звонко, отрывисто'. По силе звучания и экспрессивности этот вид смеха сходен с *қарқ-қарқ күл-*, вместе с тем в нем более выражены молодость, задор, энергия смеющегося. Характер такого человека решительный, волевой, смелый. Этот вид смеха в значительной степени характерен для джигита, способного победить на скачках, мужчин в расцвете физических возможностей, полных энергии и уверенности в своих действиях. Обычно старикам и физически слабым людям такой смех не под силу, да и по традиционному казахскому национальному этикету старым, умудренным жизненным опытом людям непристойно смеяться громко, звонко, раскатисто, подобно молодым жизнерадостным джигитам.

В современном казахском языке от звукоподражательного корня *сақ* образован ряд производных со значениями, передающими резкие, отрывистые звучания различных источников: *сақ-сақ ет-* 'издавать резкие, отрывистые, щелкающие звуки (напр., о зубах или других твердых предметах)', *сақылда-, сақырла-* то же, что *сақ-сақ ет-*, 'бурно, шумно кипеть (о жидкости)', *сақылықта-* то же, что *сақ-сақ күл-, сақыр-сақыр* подр. многократным повторяющимся звукам кипящей жидкости, *сақыр-сұқыр* подр. многократным, но не однообразным звукам кипящей жидкости, *сақылдаған сары аяз* 'трескучий мороз' и др. Сила звука с данным корнем становится особенно наглядной при сравнении с другим звукоподражательным корнем *сық* подр. тихому, отрывистому звуку (>*сықыр* 'скрип', *сықылықта-* 'смеяться звонко, тихо, негромко, отрывисто (серебристым смехом)').

Значение 'резкий, отрывистый звук' в некоторых тюркских языках, выступая как основное, дополняется другими производными значениями. Ср.: кирг. *шак* подр. резкому и отрывистому звуку щелканья, шлепанья, удара, громкому смеху и т. п., *шака-шак* подр. мерному стучку, *шак-шак эт-, шакылда-* 'бурлить, хлокотать; издавать резкий четкий стук; трещать (о сороке); болтать, много и громко говорить', *шакылықта-* 'щелкать, стрекотать (о птицах)'; туркм. *сакы-сакы, сакыр-сакыр* подр. непрерывной надоедливой болтовне, *сакырды* 'болтовня', *шаг* подр. шуму большого потока воды или шуму сильного ветра, *жак-жак* подр. громкому смеху, *жакырда-, чак-чак ур-* 'громко смеяться, хохотать'; як. *саһыгыраа-* 'громко смеяться, хохотать', *саккыраа-* 'струиться, течь, сочиться', *чаккыраа-* 'звучно падать, течь струями или обильными каплями', *чағаарый-* 'говорить чрезмерно громко и протяжно высоким голосом', *чағыргaa-* 'кричать *чак-чак* (о горностае)', *чаһыгыраа* 'учащенно произносить звуки *час-час-час* (о детском смехе)'; узб. *жагилла-* 'шипеть, шуметь (напр., о закипающем самоваре)', *чак-чак* подр. капанью и т. д.

Саңк-саңк күл- 'смеяться громко, звонко, заразительно'. Этот вид смеха имеет много общего с предыдущим (*сақ-сақ*), вместе с тем в нем больше мелодичности, мягкого тона. Последнее в наименовании достигается за счет сонорного *ң*. При попытке определения типажа, обладающего данным видом смеха, обычно представляется человек общительный, открытый, способный и словом, и

делом завоевать симпатии людей. Его чистый и заразительный смех является как бы отражением его порядочности, доброжелательности и благородства. В его звонком смехе есть что-то призывное, заразительное, притягивающее: очевидно, не случайно звукоподражательное наименование этого вида смеха в казахском и некоторых других тюркских языках созвучно подражанию клетоту сокола, беркута и других сильных птиц. Например: *саңқ ет* - 'издавать резкий, пронзительный звук (о птицах, людях или других источниках)', *саңқ-саңқ ет*-, *саңқылда* - 'издавать резкие, повторяющиеся звонкие звуки, клетотать; громко говорить звонким голосом, звонко чеканить слова', *саңғырла* - 'звенеть, звякать, лязгать, резонировать; громко гулко говорить', *саңқ-сұңқ* подр. различным повторяющимся резким, звонким звукам, *шаңқылда* - 'клетотать, издавать резкие пронзительные звуки', *шаңғауық* 'музыкальный инструмент', *шаңқ-шұңқ* подр. повторяющимся резким звукам, звонкому разноголосью, лязгу и др.

Чередование глухого щелевого *с* и глухого плоскощелевого *ш* в анлауте звукоизобразительных слов в семантическом отношении индифферентно. Открытость звука, характерного для данного вида смеха, как и в случае с основой *қарқ* и корнем *сақ*, передается за счет широкого инлаутного *а*. Модификатор *қ*, как увулярный смычный, обозначает отрывистость, резкость звучания. Аналогичная звукоизобразительность наблюдается в гомогенных основах других тюркских языков. Ср.: кирг. *шаңқ этип күл*-, *шаңқ-шаңқ күл* - 'звонко смеяться', *шаңқ-шаңқ* подр. клетотанию (беркута), *шаңқ-шуңқ* 'гам, гомон', *шаңқылда*-, *шыңқылда* - 'говорить звонко', *шаңқылдаган аял* 'женщина со звонким голосом, говорящая четко, отчетливо', *шаңғыра*-, *шаңғырла* - 'громко звенеть', *чаңқ* подр. стуку молота о наковальню; туркм. *жаң* 'колокол, звонок', *заң* 'колокол, звонок; лязг, бой (часов)', *жаңқырда* - 'звенеть', *шаңқы* 'звонкий, зычный', *шаңқылды* 'звук, возникающий от удара (напр., молота о наковальню)', *шаңқылда* - 'звенеть'; як. *чаң* подр. резкому звуку удара по массивному металлическому предмету, *чаңкынаа* - 'издавать резкие, пронзительно звенящие звуки (о голосе)', *чаңый* - 'кричать пронзительно резким голосом', *чаңыргаа* - 'кричать по-орлиному, резким металлическим голосом' и т. д.

Селк-селк күл - 'смеяться негромко, трясясь и вздра-

гивая всем телом'. Основной особенностью данного вида смеха является то, что человек не издает резких и громких звуков, но при этом либо из-за того, что напрягается во время смеха (в то время как в большинстве подобных случаев люди расслабляются), либо по какой-то другой причине он начинает довольно резко и учащенно трястись (головой, руками, телом). У некоторых при таком смехе лицо становится красным, рот искривленным, шея раздутой и общий вид весьма несимпатичным. У других же трясущиеся движения хоть и наблюдаются, но не так явно, так как больше всего обращает на себя внимание душевный, радостный смех веселого человека с не очень широко раскрытым ртом, сильно прищуренными (иногда даже с зажмуренными) глазами. Такой смех более характерен для взрослых. Положительная или отрицательная оценка такого смеха с позиции слушающего зависит от его отношения к смеющемуся, а в случае с незнакомым человеком — от его внешности.

Структура основы *селк* совпадает с моделью СГСС звукоподражательных слов, широко распространенных как в казахском, так и во многих других тюркских языках. При этом краткость, отрывистость действия или звучания достигается за счет глухого смычного *к*.

Производные от *селк* в казахском языке: *селк ет- 'вздвогнуть, содрогнуться'*, *селкилде- 'трястись, содрогаться'* и др. В других тюркских языках к основному значению имеются некоторые производные. Ср.: кирг. *селк эт- 'встряхнуться'*, *селкилде- 'качаться, колебаться, трястись'* (напр., на телеге по неровной дороге); сгибаться и разгибаться корпусом (напр., на качелях)', *селкинчек 'качели'*; туркм. *селк-селк 'праздное шатание, бездельничанье; шевеление, дрожание бороды при езде'*, *селкилде- 'трястись, дрожать; слоняться, шляться без дела, бездельничать'*. К. К. Юдахин и М. Худайкулиев⁷¹ соответственно в киргизском и туркменском языках рассматривают основу *селк* как подражательную. Однако, как отмечалось выше, подобные основы сходны со звукоизобразительными часто только формально, а семантически — лишь в плане экспрессивности. Звукосимволизм гласного *е* проявляется лишь в сравнении с однотипными образованиями с другой огласовкой, например *солк*, о котором речь пойдет ниже.

⁷¹ Худайкулиев М. Подражательные слова в туркменском языке. С. 124.

Солқ-солқ күл- 'смеяться громко, сотрясаясь грузным телом'. Этот вид смеха представляет собой усиленный вариант предыдущего. Различие заключается в том, что в данном случае голос смеющегося чаще всего грубый, низкого тона, резкий. Движения мощные. Это смех грузного, массивного человека, сотрясающегося всем телом, особенно большим, сильно выпирающим животом. Во время смеха создается впечатление, что от мощных движений и голоса смеющегося сотрясается все вокруг. Такой вид смеха не характеризует человека с отрицательной стороны (имеется в виду полнота), а, как правило, подчеркивает его мощь и силу. Естественно, для стариков и юношей такой смех не свойствен.

Структура основы *солқ* совпадает со структурой предыдущей основы *селк*, также передающей отрывистость движения. Признак мягкости/твердость для рассматриваемой пары основ выступает как релевантный в плане символизации различия в значении: вариант с мягкими согласными и более передним гласным (*селк*) обозначает мелкие, учащенные движения, а с твердыми согласными и с задним огубленным гласным (*солқ*) — движения более грубые, утяжеленные, менее резкие.

Данное значение в казахском языке объединяет производные: *солқ-солқ ет-*, *солқылда-* 'трястись, сотрясать, стучать, пульсировать, колебаться', *солқылдақ* 'колеблющийся, шатающийся; нерешительный, беспринципный'. Ср. в других тюркских языках: кирг. *солк эт-* 'вдрогнуть, дрогнуть', *ыйлап, солк этти-* 'плача, она вздрагивала', *жүрөгү солк этти-* 'у него сердце екнуло', *солкулда-* 'пружиниться, быть упругим, колебаться, дрожать, трястись'. По Юдахину, *солк*—подражательное слово. В як. *чолк* подр. резкому звуку падения в жидкость маленького тяжелого предмета или большой капли.

Сық-сық күл- 'смеяться тихо, сдержанно; хихикать'. Характерностью этого вида смеха является негромкий, тихо издаваемый звук. Так смеются чаще всего при определенных обстоятельствах, не позволяющих смеяться громко, хохотать, либо в силу своей застенчивости, предельной скромности, стыдливости. Довольно высокая тональность звучания данного вида смеха иногда делает голос мужчины похожим на женский. Иногда этот тихий, сдержанный смех является как бы прелюдией, началом громкого, бурного, радостного смеха.

Воспроизведение звуков высокой тональности в арти-

куляторном плане, как известно, требует достаточно сильного напряжения органов речи (языка, мягкого нёба и всего ротового резонатора), посредством чего создается узкая щель для издаваемого звука. Наличие в подражательном корне *сық* анлаутного свистящего *с* и узкого *ы* способствует звукоимовительному выражению звуков, типологически сходных с высоким тоном, свистом, писком и т. д. В связи с этим в звукоизобразительном плане ассоциативно сопоставимыми в казахском языке, на наш взгляд, являются следующие образования: *сықыл-* 'тесниться, сжиматься', *сықылда-* (разг.), *сықылдықта-* то же, что *сық-сық күл-*, *сықырла-* 'скрипеть', *ысқыр-* 'свистеть', *сықта-* 'горько плакать', *сықсыңда-* 'плакать негромко, всхлипывая', *сықси-* 'смотреть с прищуренными глазами, прищурить глаза', *сықпа* 'получаемое в результате сдавливания', *сық-* 'сжимать, сдавливать'. Ср. в других тюркских языках: туркм. *сык* 'давить, жать, сжимать, сдавливать, выжимать, выдавливать', *сык* 'плотный, частый', *сыклык* 'плотность', *сыкылык* 'свист, посвист, иволга'; кирг. *сык* 'жать, выжимать', *сыкма* 'то, что получается при выдавливании', *сыкта-* 'горько плакать, горевать', *кан сыктат-* 'доводить до горьких (букв. кровавых) слез'; 'хихикать'; як. *сыһыгыраа-* 'смеяться сдержанным смехом, хихикать'.

Сылк-сылк күл- 'смеяться тихо, умиленно'. Иногда этот вид смеха по своей выразительности и силе звука сходен с предыдущим (*сық-сық күл*). Такой смех представляется несколько более протяжным, со сравнительно большой долготой произнесения тонового элемента. Свойствен и мужчинам и женщинам самого различного возраста. Какие-либо типичные особенности характера, связанные с данным видом смеха, выделить, на наш взгляд, трудно, так как в большинстве случаев подобное выражение эмоций связано с конкретными обстоятельством. Одной из таких ситуаций может быть момент, когда человек, испытывая чувство радости и удовлетворенности удачным завершением какого-либо дела в недавнем прошлом, с большим удовольствием вспоминает о нем, и как бы заново переживает приятные ощущения. Встречаются и другие ситуации, для которых данный вид смеха является характерным.

Звукоизобразительная модель рассматриваемой основы соответствует СГСС, где *л* обозначает мягкость, относительную продолжительность, а сама основа пред-

ставляет собой гомогенное образование со следующими словами казахского и других тюркских языков: *сылқылда* — то же, что *сылқ-сылқ күл* — 'тихо журчать (о воде), струиться, хлюпать, расслабиться, шататься'; *сылқ-сылқ жұт* — 'звучно, с шумом пить, глотать (жидкость)', *сылқыл* — 'журчащий, звенящий звук (напр., о ручье, домбре)'; кирг. *шылк* подр. слово, выражающее хлябанье, быстрое ослабление, *шылкый* — 'быть в очень расслабленном состоянии', *шылкылда* — 'хлябать (напр., о слабо прибитой подкове)'; як. *чылыр* подр. бряканью связки ключей, мелких металлических предметов, *чыллыгыраа* — 'звенеть, звучно брякать', *чыллыргаа* — 'издавать звуки *чылк-чылк* (о жидких и слизистых веществах, о мелких металлических предметах)' и т. д.

Таңқ-таңқ күл — 'смеяться громко, звонко, отрывисто'. Звуковая характеристика данного вида смеха часто связана с голосовыми особенностями человека: звонко чекающий, «шелкающий» каждое слово в речи обычно и смеется звонко, как бы чекая громкие отрывистые звуки. Смеющиеся таким образом люди, как правило, не лишены хвастливости, самонадеянности, самоуверенности. Иногда в смехе таких людей чувствуется неискренность, искусственность, притворство. Громко захохотав, они иногда оказываются в неловком положении, так как окружающие, почувствовав их неискренность, не поддерживают их, не смеются вместе.

Звукоизобразительная модель раздражительной основы **таңқ** — СГСС. Сонорный *ң*, как и во многих других корневых морфемах (*даң, шаң* и т. д.), совместно с гласным указывает на звонкость, тягучесть звука. Конечный *қ* по известной модели, наоборот, является индикатором отрывистого, резкого звучания. В комплексе звуковой состав модели, сопоставимый со многими образованиями, включающими характерный сонорный и взрывной в постпозиции, обозначает краткий, громкий, звонкий звук. Обозначение конкретного вида смеха с помощью звукоизобразительного слова, естественно, вторично, так как первичным в данном случае является обозначение звуков удара, стука о различные твердые предметы. Ср.: каз. *таңқылда*-, *таңқылдап сөйле* — 'говорить звонким голосом, четко, громко', *таңдай* — 'небо', *тақылда* — 'стучать, трещать, говорить без умолку, звонким голосом, громко, тараторить'; туркм. **таңқ-таңқ** подр. сильному отрывистому звуку при ударе о медные или

жестяные предметы, *таңка* 'чугунный или медный кувшин для кипячения воды', *таңкылды* 'лязг, звон' (ср. также *паңк* подр. резкому звуку при шумном моментальном лопании какого-либо предмета, *тоңк* подр. ружейному выстрелу или громкому стуку). В киргизском языке со звукоизобразительной основой *таңк* сопоставимы отличающиеся огласовкой образования типа: *тоңкулдат* 'производить ударом глухой стук (напр., о дятле)', *тоңкулдак*, *доңкулдак* 'дятел'; як. *таң*, *тың-таң* подр. звуку удара по металлу, звуку струны, *таңкынаа*- 'издавать резкий, гудящий звук (о крупных металлических предметах)', *тиңинээ-таңынаа*- 'шуметь, греметь, производить разнообразный гулкий шум' и т. д.

Тарк-тарк күл- 'смеяться громко, неуместно, грубым, неприятным голосом'. Этот вид смеха, по сравнению с предыдущим, более грубый и неприятный. Он чаще всего свойствен людям грубым, нетактичным, невоспитанным. Такие люди нередко болтливы, любят повторять сказанное, занудливы. Когда смеется сильный мира сего, они первыми из множества других угодливо поддерживают его громким раскатистым смехом. В художественной литературе такой смех, как правило, характеризует отрицательность, негативность мужского персонажа.

Звукоизобразительная основа состоит из подражательного корня *тар* и модификатора *қ*. Громкость звучания выражена широким негубным *а* в инляуте корневой морфемы, занимающим в составе гласных при обозначении силы подражаемого звучания высшее положение, т. е. этот гласный по своим акустическим особенностям является наиболее типичным при передаче сильного, громкого звука. Ауслаутный вибрант *р* также в силу своей физической характерности придает звукоизобразительному корню значение грубости. Модификатор *қ* в соответствии с ранее рассмотренной моделью СГСС обозначает прерывность и в данном случае усиливает эффект грубости и резкости отражаемого звучания в смехе вышеуказанного типажа.

Исторически звукоизобразительная основа *тарқ* восходит к именной основе *тарқыл* и является ее сокращенным экспрессивным вариантом. В формальном и семантическом планах рассматриваемая подражательная основа ассоциируется в казахском языке с однородными основами с корнем *тар*, но с другими модификаторами, ср.: *тарқылда*- 'громко смеяться, хохотать', *тарсылда*-

'стучать, тарабанить, колотить', *тарпылдап жүр-* 'ходить, шаркая ногами, гроыхая' и т. д.

В других тюркских языках звукоизобразительные основы и слова, произошедшие от корня *тар*, имеют ряд отличительных и общих моментов с казахскими: кирг. *тарк* подр. треску, резкому отрывистому звуку, *таркылда-* 'издавать неприятный, скрипучий звук, болтать, говорить ерунду (неприятным голосом)'; туркм. *тарк* подр. звуку ружейного выстрела, резкого стука, грохота, *тарка* 'резко с шумом', *таркылда-* 'грохотать, стучать, выстрелить (напр., из винтовки)', *тар-тар* подр. тарахтению трактора, бульдозера; як. *таарк*, *таарт* подр. резкому звуку цапанания, скобления, а также всхрапыванию лошади, *тарк* подр. резкому звуку шоркания или цапанания, *тарылаа-* 'издавать звук *тarr*, звонко трещать, дребезжать', *тардыгынаа-* 'тарахтеть, трещать'; узб. *ха-ха тарала* 'радостный смех, веселье', *тарақ* подр. треску, грохоту, *тарақла-* 'грохотать, трещать, стучать, барабанить' и т. д.

Тырк-тырк күл- 'смеяться негромко, вместе с тем глупо и неуместно'. Этот вид смеха, отличаясь силой звучания, имеет и некоторое сходство с предыдущим, так как наиболее характерен для людей нетактичных, нескромных, невоспитанных. Кроме того, этот смех говорит о несерьезности, легкомысленности человека, о его неспособности чутко, с пониманием отнестись к конкретной ситуации, положению: может смеяться, в то время как группа людей беседует на серьезную тему, обсуждает какой-либо жизненно важный вопрос, тем самым выказывая неуважение к собранию и серьезному вопросу. Рассматриваемый вид смеха может встречаться у людей самого различного возраста, но наиболее характерен он для юности и молодых женщин.

По фонетическому составу звукоизобразительная основа *тырқ* отличается от предыдущей основы *тарқ* лишь инлаутной гласной, при этом узкий гласный в соответствии с градационным рядом обозначает звучание меньшей силы. Основная семантическая нагрузка падает на ауслатный вибрант *р*, который в данном случае, как и во всех других звукоизобразительных корнях обозначает вибрирующие, дребезжащие звуки. В семантическом и морфологическом отношении основа *тырқ* является производной от звукоизобразительного корня *тыр* и входит в семантическое поле, образуемое несколькими

однокоренными словами казахского языка: *тырыл* 'дребезжание, гул мотора, трескотня', *тырсыл* 'легкий стук, звук падающего предмета (напр., капли)', *тырпылда* 'шаркать, стучать тяжелой просторной обувью'. От данного корня образуются и некоторые единицы нейтральной лексики, например *тырна-* 'царапать', *тырнақ* 'ноготь', *тыртық* 'шрам' и т. д., восходящие к звукоизобразительному этимону.

В других тюркских языках при сохранении общего значения корня наблюдаются некоторые различия в семантике производных подражательных форм: кирг. *тыркыра-/дыркыра-* 'разлетаться вдребезги, бушевать'; туркм. *тырк-тырк* подр. негромким отрывистым звукам (при постукивании); як. *тырк, тырт* подр. легкому моментальному треску (при легком разрыве ткани, резком моментальном движении и т. п.), *тырдыргаа-* 'трещать, потрескивать', *тырыкынай-* 'трещать, биться с легким треском'; тув. *тырыла-* 'вибрировать, производить вибрирующий звук'; хак. *тырбахти-* 'царапать, царапаться'; *тырсыла-* 'щелкать, издавать щелкающие звуки, давать щелчки'; узб. *тириқла-* 'стучать (тихо, негромко)' и т. д.

Кик-кик күл- 'смеяться писклявым, визгливым голосом; смеяться до коликов в животе, до хрипоты давиться смехом'. Этот вид смеха является обычно результатом безудержного, продолжительного хохота, когда после сильного напряжения смех переходит в писк, визг, хрипоту или кашель. Такой смех чаще всего характерен для взрослых мужчин и женщин, в большинстве своем несдержанных, не управляющих своими эмоциями. В соответствии с казахским национальным этикетом этот смех не свойствен людям пожилого и преклонного возраста. Иногда такой смех зависит от голоса смеющегося или его физического состояния.

Графемный ряд данного звукоизображения не соответствует его фонетической структуре, которую более точно отражает форма *қыйқ*. Звукоизобразительность языкового обозначения этого вида смеха тесно связана с самим характером звуковыражения. Наличие в подражательной основе увулярных смычных в анлауте и ауслауте и узкого заднерядного в инлауте обусловлено заднеязычной смычкой, имеющей место в артикуляции звуков рассматриваемого смеха. Напряжение, создающееся при этом смехе, наиболее адекватно передается отмеченными звуками речи. Звукоизобразительное его

обозначение в казахском языке вторично по отношению к подражательному корню и его производным. Ср.: каз. *қиқ* подр. пронзительному звуку, крику, *қиқу* 'клетот, крик журавлей и других птиц, гиканье', *қиқ-шиқ* подр. скрипу, писку и т. д.; як. *һы-һык* подр. звуку подавленного, сдавленного смеха, *кыык* подр. крику птицы, скрипу двери, *кыккыраа-* 'протяжно и громко скрипеть', *кыкырдаа-* 'производить отрывистый повторяющийся скрип', *кыйда-* 'кричать, пугать, отгонять криком', *кылан-* 'пронзительно кричать, вопить'; туркм. *гыгыр-* 'кричать истошным голосом, орать, звать, кричать (о петухе); давать гудок, сигнал (о паровозе, автомобиле)', *гыкув* 'крик', *кикир-кикир* подр. хихиканью; кирг. *кыйк* подр. скрипу, *кыйкылда-* 'издавать сдавленные звуки (напр., о подавившемся человеке), затрудненно и хрипло дышать', *кыйкыр-* 'кричать, окрикивать', *кыйк-чыйк* 'писк, пронзительный скрип, пиликанье (на скрипке)'; узб. *қийқир-* 'кричать, вопить'; хак. *хыйчы* 'крик'; тув. *кыйч* 'клич, зов, крик, возглас' и т. д.

Шик-шик күл- 'смеяться пискляво, визгливо, смеяться до коликов в животе'. Этот вид смеха часто связан с особенностями голоса человека — писклявым, тонким. Впрочем, возможны ситуации, при которых практически любого человека доводят до такого смеха. Например, у казахов до сравнительно недавнего прошлого традиционными были шутки, розыгрыши между молодухами и младшими братьями их мужей. Иногда несколько молодух, шутя и играя с младшим братом одного из мужей, набрасывались на него и, свалив, начинали щекотать до тех пор, пока его смех не переходил в сплошной писк или визг, пока обессиленный молодой человек полностью не признавал себя побежденным. Такая шутливая игра, в сущности представляющая собой один из элементов сближения некровных родственников, была возможна и со стороны нескольких молодых джигитов в отношении жены старшего брата.

В звукоизобразительном плане данный вид смеха очень близок к ранее рассмотренной форме *қиқ-қиқ күл*; не случайно в парном образовании *қиқ-шиқ* подр. сдавленным писклявым, скрипучим звукам *қиқ* и *шиқ* выступают как компоненты, передающие однотипные, но несколько отличающиеся друг от друга звуки. Плоскошелевой характер артикуляции переднеязычного глухого *ш* и смычная артикуляция вулярного *қ* представляют в

соответствующих подражательных корнях семантически дифференциальный признак. Как и в случае с *қыйқ*, более точной фонетической формой звукоизобразительной основы в казахском языке будет *шыйқ*. Аналитическим способом образованный глагол *шиқ-шиқ күл-* от однозначного *шиқылдап күл-* отличается своей экспрессивностью. Исходное значение подражательной основы *шыйқ* широко представлено во многих тюркских языках. Ср.: каз. *шиқылда-* скрипеть, издавать тонкий скрипучий звук (напр., дверь, телега и т. д.); пищать, протяжно чирикать (о птицах)'; хак. *сыыхт-* 'пищать'; тув. *сыйт* подр. чириканью, писку; кирг. *чийк* подр. скрипу, визгу, *чий эт-* 'пискнуть, взвизгнуть', *чийпылда-* 'чирикать, пищать', *чийпылдак* 'пискун', *чийылда-*, *чийкылда-* 'визжать, верещать, пронзительно кричать, сильно скрипеть', *чийп-чийп* подр. писку цыплят; туркм. *жик-жик* подр. чириканью, *жүйк-жүйк* подр. писку цыпленка, щебетанию птиц, пенню жаворонка, *шыг* подр. свисту, шуму (напр., чайника перед закипанием); як. *чычы-гыраа-* 'напряженно потрескивать, скрипеть' и т. д.

Ыржаң-ыржаң күл- 'смеяться беззвучно, осклабясь, обнажив зубы и десны'. Название смеха отражает внешний вид, мимику смеющегося. Наряду с этим во многих случаях в значении этого подражательного глагола содержится явно выраженный оттенок негативности, т. е. указывается на беспричинность, легкомысленность, глупость смеха. Встречаются также случаи выражения более нейтрального его значения: скованность, застенчивость младшего в общении со старшими или же неловкость, стыдливость и растерянность влюбленных при встрече друг с другом. Для пожилых казахов этот вид смеха не свойствен.

Если исходить из того, что звукоизобразительным корнем здесь является *ыр*, от которого в казахском языке имеется ряд производных (*ыр ет-* 'зарычать', *ырылда-* 'рычать', *ырылдас-* 'рычать друг на друга, ругаться, скандалить, кричать друг на друга', *ырың-жырың* 'скандал, ссора, недовольство, перебранка'), то становится очевидным, что с присоединением суффиксов *-ши-*, *-жи-*, *-си-*, *-пи-*, *-би-* (*шый-*, *-жый-*, *-сый-*, *-пый-*, *-бый-*) образуются императивы глаголов с нейтральным, незвукоизобразительным значением, восходящие к глаголам звучания, например: *ыржи-* 'осклабиться, оскалить зубы', *ырби-* 'гримасничать, кривить рот', *ырси-* 'скалить зубы,

раскрываться (напр., о ране)'. Самостоятельно такие образования в форме подражательного корня с модификатором в казахском языке не употребляются. Исключением составляет звукоизобразительная основа *ырс* > *ырсыр* *ет-* 'пыхтеть, тяжело дышать, запыхаться'. В других тюркских языках однозначные подражательные корни и основы в анлауте могут иметь спирант *х* или глухой смычный *т*, а присоединяемые модификаторы могут переводить и не переводить звукоизобразительный корень в разряд образоподражаний. Ср.: кирг. *ыр* подр. ворчанию собаки; слово, которым дразнят собаку, *ырылда-* 'злобно реветь, рычать', *ыржый-*, *ырсый-* 'оскалить зубы (при смехе)'; туркм. *хыр-хыр* подр. ворчанию, рычанию, урчанию, *хырла-* 'рычать, урчать (о собаке)'; як. *ыр* подр. ворчанию, предостерегающему рычанию собаки, *ырдыргаа-* 'сердито огрызаться, ворчать', *ырмай-* 'оскалить зубы', *ырдыгынаа-* 'ворчать угрожающе, *ырыры* (о собаке)'; узб. *тыржай-* 'скалить зубы, расплываться в улыбке'; тув. *ырман-* 'рычать', *ырманна-* 'смеяться, улыбаться (осклабясь); шалить, баловаться, вести себя безрассудно'; хак. *ыыран-* 'рычать, ворчать' и т. д.

Э. В. Севортян на основе более широкого сопоставления фактического материала и источников определяет основные значения форм *ыржай-*, *ырсай-*, *ырмай-* 'осклабиться, выступать, выпячиваться, улыбаться, смеяться', а сами эти формы рассматривает как производные глаголы, образованные с помощью аффиксов *-чай-*, *-жай-*, *-жый-*, *-сай-*, *-сый-*, *-тай-* от основы **ыр* ~ **ар* в образно-подражательном значении. К образно-подражательным он относит и *ур-* в алт. *урсыл* 'клыкастый', кроме того, раскрывает общность данной основы для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков⁷². Однако, как указывалось выше, рассматриваемые формы *ар-*, *ыр-*, *ур-*, с точки зрения звукоизобразительности, представляя собой не образно-, а звукоподражательные корни, о чем говорят многие глагольные образования с ними в значении 'рычать, рывкать, лаять'. Переход звукоизобразительной формы в образно-подражательную происходит за счет аффиксального словообразования.

Ырк-ырк күл- 'смеяться сотрясаясь телом, особенно чрезмерно толстым животом'. Название этого вида сме-

⁷² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. М., 1974. С. 663, 664.

ха по своему значению сходно с рассмотренным выше глаголом *солқ-солқ кул-* и является усиленным вариантом последнего. Такой смех характерен для людей очень полных, толстых, грузных, страдающих ожирением. Если это женщина, то о ней говорят, что она *бес биенің сабасындай*, т. е. 'подобна кожаному сосуду, в который можно залить молоко пяти кобылиц', а если мужчина, то — *төбедей* (как гора, подобный горе) или *шөккен нардай* (как верблюд, поджавший под себя ноги). Создается впечатление, что эти массивные люди от громкого раскатистого смеха могут лопнуть, не выдержать напряжения и поэтому они смеются сотрясаясь, но не резко, а мягко и плавно, подобно рыхлой, студенистой массе.

По своей фонетической структуре подражательная основа *ырқ* совпадает со звукоизобразительными основами, состоящими из звукоподражательного корня и модификатора. Однако семантика основы не позволяет отнести ее к последним. Гомогенной формой в казахском и других тюркских языках является *іркілде-* 'колыхаться, колебаться, слегка дрожать (о студенистой массе)', которая происходит от глагольной основы *ірі-* 'гнить, разлагаться, киснуть', отсюда *ірің* 'гной', *іріген (сүт)* 'прокисшее (молоко)' и т. д. Глагол *іркілде* в указанном значении в казахском языке употребляется в отношении различных предметов. Что же касается человека, то при описании его рыхлости, чрезмерной полноты и связанных с подобным телосложением движений чаще употребляются *ырқылда-* 'двигаться, вздрагивать, подобно рыхлой, студенистой массе'. Форма *ырқ* является экспрессивным вариантом именной основы *ырқыл*.

Рассмотрение 15 звукоизобразительных глаголов и 3 структурно сходных с ними составных глаголов смеха в казахском языке и их сопоставление с гомогенными формами других тюркских языков убеждают в том, что в семантическом плане образование звукоизобразительных глаголов смеха основано на метафоричной связи с глаголами звукоподражания. Обладая значительной экспрессивностью, звукоизобразительные основы типа СГСС чаще всего представляют собой усеченные формы глагольно-именных единиц с одним или несколькими аффиксами, нейтрализующими экспрессивность корня или основы. Звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке, как уже говорилось, в значительной сте-

пени информативны и вследствие этого весьма эффективно используются при художественном, образном описании.

* * *

Лексико-семантическая группа слов, обозначающих различные виды плача, так же как и смеха, имеет целый ряд семантических признаков, одним из которых является наличие (отсутствие) слез, причем выражение горестных эмоций с наличием слез можно дифференцировать по степени на слабую, среднюю, сильную и максимальную. Семантический признак со звучанием и без звучания голоса, как и предыдущий, делится на четыре степени. Наконец, по критериям, разработанным М. С. Ротовой⁷³, каждый вид плача может иметь или не иметь какую-либо дополнительную характеристику, отражающую особенности мимического выражения, специфические звуки, степень экспрессивности или ситуативное своеобразие выражения горестных эмоций. Наряду с этим казахские глаголы плача часто связаны со звукоизобразительной системой. Проследим закономерности семантического развития многозначных звукоизобразительных форм в плане отражения плача и других естественных звучаний.

Аңырап жыла- 'реветь благим матом, ревямя реветь' (о женщине; голос громкий, протяжный, звук открытый, сильный; рот раскрыт предельно; слезы умеренные или обильные; плач женщины, потерявшей близких, оставшейся в одиночестве).

В тюркских и монгольских языках от корня *аң* образуется ряд производных. Ср.: кирг. *аңгыра-* 'реветь, кричать (об осле), выть, голосить, орать; разинуть пасть, зиять; быть необитаемым', *аңырай-* 'разверзаться, зиять', *аңыр-* 'быть в недоумении, растеряться, опешить'; туркм. *аңқ бол-* 'удивляться, поражаться', *аңқал-* 'удивляться, изумляться, зазеваться'; тув. *аңқай-* 'открываться, распаиваться'; хак. *аңмай-* 'опешить, разинуть рот'; узб. *аңқай-* 'удивленно смотреть, растерянно озираться'; монг. *аң* 'щель, трещина, расщелина', *аңда-* 'зиять, быть раскрытым'; эв. *аңа-* 'открывать (рот, глаза)'. В словаре Э. В. Севортыяна⁷⁴, кроме того, приводится несколько

⁷³ Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля... С. 11—14.

⁷⁴ Севортыян Э. В. Этимологический словарь... Т. 1. С. 154—156.

производных со значениями 'дурак, ротозей, ошалелый, глупый'. К ним, очевидно, необходимо добавить и такие формы, как кирг. *аңкылда*- 'скулить (о собаке)', *аңкуш* 'писк (сурка)'; як. *аң* подр. отрывистому лаю, крику собаки, *аңаатын*- 'громко издавать протяжные гнусавые звуки' и т. д.

В казахском языке данный корень лежит в основе таких производных, как *аңқ ет*- 'издавать резкий отрывистый звук, отзываться звонким эхом', *аңкылда*- 'говорить громко, простодушно, наивно, доверчиво; громко раздаваться, звучать; сильно дуть (о ветре)', *аңқый*- 'быть раскрытым, распахнутым; удивляться', *аңқау* 'бесхитростный, ротозей', *аңыра*- 'голосить, реветь, громко кричать, громко плакать; сильно дуть (о ветре)' и т. д.

Как пишет Э. В. Севортян, «по своему семантическому типу корень всех приведенных производных, т. е. глагол *аң*- ~ *а:ң*-, примыкает к мимеографическим лексемам, выражающим облик, вид, позу, положение, состояние живых существ, главным образом человека — в данном случае облик опешившего, изумленного человека»⁷⁵. Исследователь считает, что значение 'быть широко открытым, открываться, широко растворяться' у глагола *аңкай* может быть вторичным, обобщенным от значения, 'удивленно смотреть, тарашить глаза'. Исходным значением у **аң*, по его мнению, было 'изумленный, растерянный' и т. п.⁷⁶

В связи с этим обращают на себя внимание два момента. Во-первых, то, что в якутском сохранилась чистая форма *аң* подр. отрывистому лаю собаки, в киргизском — *анк*- с модификатором *к* в том же значении, в казахском — звукоизобразительное *анқ* подр. резкому отрывистому звуку, структурно близкие с такими звукоподражательными корнями, как *ың*, *ең*, *ің*, со значением различных гнусавых звуков, от которых *аң* в градационном ряду отличается лишь более открытым и громким звучанием. Во-вторых, наличие в монгольском чистой формы *аң* 'щель, трещина, расщелина', в маньчжурском *аң* 'крик'⁷⁷, в эвенкийском *аңа* 'открывать (рот, глаза)', от которых образуется ряд производных со сходными значениями. Эти два момента, по-видимому, позволяют предполо-

⁷⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь... Т. I. С. 155.

⁷⁶ Там же. С. 156.

⁷⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цицинус. Л., 1975. Т. I. С. 45.

жить, что *аң-* в древности, на уровне алтайской эпохи могло представлять собой синкретичное образование со значением чего-то открытого, зияющего и подражания открытому громкому звуку. Второе значение сохранилось в казахском глаголе *аңыра-* 'голосить, реветь, громко кричать, громко плакать' и т. д.; в узб. *ҳангра-* 'реветь, кричать (об осле), орать, кричать во все горло, горланить'; в кирг. *аңгыра-* в том же значении. Другое значение сохранилось в каз. *аңырай-* 'быть открытым, зияющим' и в других тюркских языках.

Бақырып жыла- 'плакать громко, голосисто' (только о детях; чаще с широко раскрытым ртом; иногда без слез; плач капризного, разбалованного ребенка, требующего удовлетворения его желаний; плач ребенка от сильной боли и т. д.).

Звуконзобразительный глагол *бақыр-* рассматривался нами в разделе, посвященном анализу морфологического состава глаголов на *-қыр-*, где отмечалось, что *бақыр-* происходит от *барқыр(а)*, в котором к звукоподражательному корню *бар-* присоединен сложный аффикс *-қыр-*, состоящий из *-қ-* (от *қыл-*, *кі-*, *гі-* 'делать'), соединительной гласной, аффикса императива *-р-*. В семантическом плане с данным глаголом в казахском языке близок звуконзобразительный глагол *ақыр-* 'кричать, горланить, реветь', в структурно-семантическом — глагол *шақыр-* 'звать, кричать, приглашать'.

Э. В. Севортян указывает на историческую связь производных *боқурдақ*, *боқуртлақ*, *боғуздақ* в значении 'горло, гортань, кадык, глотка' с производящей основой *боқур-* < *бо-қур-* 'орать, реветь'⁷⁸. Дальнейший морфологический анализ производящей основы в диахроническом плане не дается.

Бозда- 'реветь, надрывно кричать, горько плакать, плакать горючими слезами' (о верблюдице, верблюжонке, о матери, потерявшей ребенка, об осиротевшем ребенке; голос надрывный, громкий, рот раскрыт, слезы обильные).

Э. В. Севортян приводит несколько гомогенных форм: *бозна-*, *бозда-*, *боздо-*, *позда-*, *посто-*, *бузла-*, *бужла-*, *буста-*, *муста-*, *пуста-*, встречающихся в современных тюркских языках и письменных памятниках со значениями: 'реветь, кричать (о верблюде, верблюдице, верблю-

⁷⁸ Севортян Э. В. Этимологический словарь... Т. 2. С. 184.

жонке), плакать, рыдать, стонать плачущим голосом, стенать, причитать, умолять жалобным голосом; скучать о чем-либо, стремиться'. В связи с этим он высказывает следующее предположение: «Глагол *бозла* можно было бы рассматривать как производное, образовавшееся от обозначения детеныша домашних животных + глаголообразующий аффикс *-ла-*. Начальную форму предполагаемого глагола можно было бы представить в виде *бозу-ла*: ср., например: лоб. *бозула*- 'реветь, плакать, кричать', туркм. диал. *бозу-ла*- 'реветь (о верблюде), реветь подобно верблюду, издавать резкие, горестные звуки, кричать, плакать', *бозо-лаш*- 'блеять'. Производящую основу глагола, т. е. *бозу*, *бозо* можно отождествить с обозначениями для телят, в частности с *бозо*, где второе — *о* может быть лишь производным (а не исходным), поскольку некомбинаторное *о* в непервых слогах невозможно в абсолютном большинстве тюркских языков. Для *бозу*, *бозо* ср. тюрк. диал. *бузо*, *бузов*, *бузой*, *бозағ* и т. п. — все со значением 'теленки'. Однако в древнетюркском словаре и соответственно в памятниках встречается глагол *бозла*, рядом с которым для телят в тех же источниках употребляется форма *бузағы* и т. п. Форма же *бозу* отмечается лишь в современных языках. Это обстоятельство, — считает Севортян, — ослабляет высказанное выше предположение»⁷⁹.

Вместе с тем если исходить из того, что общим исходным значением *буз-*, *боз-* является 'реветь, кричать (о верблюде)', то значением производных *бузо*, *бузов*, *бузау*, *бозағ* и т. п. будет 'ревуший, кричащий', со временем получивших именную статус со значением 'теленки'. Более того, если учесть, что чередования *р* и *з* возможны не только на межъязыковом уровне, но и в одном языке (ср. каз. *бозар-* 'белеть, светлеть, становиться серым', *бурылдан-* 'седеть, покрываться сединой'), то и *бур-* (отсюда *бура* 'верблюдо-производитель (двугорбый)') будет иметь то же значение, что и *буз-*, *боз-*, т. е. 'реветь, кричать'. Междометным выражением крика, рева домашних животных, как известно, не только в тюркских, но и в других языках являются формы *мөө*, *муу*, *моо*, *бөө*, *бее* и т. д. Исходя из семантической близости между лексическими и междометными выражениями крика, рева, а также из того, что, как отмечалось выше, *боз-*

⁷⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь... Т. 2. С. 175, 176.

означает не только 'реветь', но и 'блеять' по-видимому, вполне реальным будет предположение, по которому *боз-, буз-, бур-* необходимо рассматривать как звукоизобразительные формы, представляющие собой лексикализованные образования от соответствующих междометий со значением 'реветь, кричать (напр., о верблюде)'

Дауыстап жыла- 'плакать в голос, голосить' (приехавший на похороны, приблизившись к аулу, на довольно далеком расстоянии спешивается с коня и, подходя к дому умершего, начинает громко и протяжно голосить, чаще всего произнося *Ой бай, бауырым* 'О мой родственник'; голос громкий, со слезами, чаще без слез, в отдельных областях и в наши дни такой плач характерен не только для женщин, но и для мужчин (напр., у семиреченских казахов).

В основе названия плача лежит существительное *дауыс* 'голос'. Гомогенность существительных *дауыс* 'голос' и *дыбыс* 'звук' не вызывает сомнений. Учитывая, что круглощелевой губно-губной сонорный *y* в казахском языке восходит к одному из смычных согласных (*tau* < < *taŋ*), по-видимому, форму *д(ы)б* необходимо рассматривать как более раннюю. Существительное *дыбыс* состоит из корневой морфемы *дыб* и именного аффикса *-ыс/-ыш-* (ср.: *ұтыс* 'выгрыш', *шығыс* 'выход, восток' и т. д.), которому в кирг. соответствует *дыб-ыш*, в башк. *тауыш*, уйг. *тавуш*, узб. *товуш*. В фонетико-морфологическом плане гомогенными с данными вариантами корня являются формы *дыб-, даб-, тып-, топ-, тап-* со значением подражания топоту, стуку копыт. С присоединением к данным звукоизобразительным корням именного аффикса *-(ы)р* со значением названия многократного действия образуются существительные—вторичные звукоподражательные основы, различающиеся огласовкой, силой звучания: *дыб-ыр, даб-ыр, тып-ыр, топ-ыр, тап-ыр* со значением 'многократный, продолжительный топот, шум, суматоха' и т. д.

По Севортяну, «рассматриваемый глагол — производное, вероятно, от звукоподражательной основы **та:n*, имитирующей шум шагов, топот и означающей поспешность, как о том можно заключить по *тап* 'вмиг, сразу', алт. диал. *тап етип* 'быстро, опрометью'; туркм. *дабыр-да* 'скакать, мчаться (издавая топот)'. С тюркской подражательной основой, по-видимому, гомогенно монг.

dab/дав наречная частица, указывающая на неожиданное или резкое движение... Производящая основа глагола *да:быра-* та же, что и в существительном *да:бан* 'подошва' (ср. каз. *табан* < *тан-* 'топать'. — К. Х.). Но она применена здесь не в понятийном значении, а в подражательной функции, имитируя топот подошв... Как следует из всего рассмотренного материала, глагол *табыра* и т. д. вместе со своей производящей односложной основой в звукоподражательной функции принадлежит древнейшему слою тюркской лексики⁸⁰.

Следовательно, на первый взгляд нейтральное в звукообразительном плане существительное *дауыс* 'голос' исторически восходит к звукоподражательному корню *тан-/дан-* 'топать, стучать (копытами)'

Кеңкілдеп жыла- 'плакать негромко, отрывисто, вздрагивая, слегка трясая плечами'. Такой плач более характеризует мужчин, иногда встречается у детей. Звукообразительность основы *кеңк* нами была разобрана при анализе подражательного глагола смеха *кеңк-кеңк- кул*. Здесь отметим, что наличие смычных *к* в анлауте в звукообразительном плане способствует более выразительному обозначению отрывистого звука, характерного для данного вида плача.

Еңкілдеп жыла- 'плакать негромко, издавая отрывистые стоны' (иногда без слез; чаще о мужчинах). Выпадение анлаутного глухого смычного *к* привело к большей акцентуации сонорного *ң*, часто встречающегося в звукоподражательных словах со значением подражания резонирующим, назальным звукам хныканья, стоны, стенания, бормотания под нос, заунывного напева и т. д. Гласный *е*, передающий негромкое звучание, соответствует несильному голосу. Модификатор *к* в звукообразительной основе выполняет ту же функцию, что и в предыдущем варианте.

Еңіреп жыла- 'рыдать, голосить' (слезы обильные, голос громкий, протяжный; чаще о женщинах среднего и пожилого возраста). В звукообразительном плане глагол *еңіре* отличается от рассмотренного *еңкілде* прежде всего модификатором / аффиксом, в качестве которого здесь выступает вибрант *р*. Модификатор *р*, как уже говорилось, обозначает многократность, продолжительность действия.

⁸⁰ Севортян Э. В. Этимологический словарь... Т. 3. С. 113, 114.

Қыңқылдап жыла- 'хныкать, плакать тихим, гнусавым голосом' (о больном или капризном ребенке; со слезами и без слез; рот слегка раскрытый; плач ребенка, назойливо пристающего к родителям с какой-либо просьбой, каким-либо капризом).

Звукоизобразительность основы *қыңқ* хорошо раскрывается при сопоставлении ее форм и значений в таких тюркских языках, как каз. *қыңқылда-* 'хныкать, назойливо просить о чем-либо', *қыңсыла-* 'скулить, жалобно завывать', *қыңқ ет-* 'издавать резкий, отрывистый, приглушенный звук', *қыңқыл-сыңқыл* 'легкое заболевание, недомогание (букв. стоны и т. п.)'; кирг. *қың* подр. тихому стону, *қыңк-қыңк* подр. брэнчанию, *қыңгыра-* 'брэнчать, позвякивать', туркм. *хың* подр. стону, ворчанию собаки; як. *қыңынай-* 'сердито бурчать, ворчать под нос, говорит невнятно, в нос', *қыңыраа-* 'брэнчать (о металлических предметах)'; узб. *фингилла-* 'жужжать, плаксиво жаловаться, ныть, хныкать, надоедать (бесперывным хныканьем)'; тув. *қыңгыра-* 'звенеть, звонить'; хак. *хыңзы-* 'хныкать', *хыңқан-* 'тихо напевать, мурлыкать' и т. д.

Өкіріп жыла- 'плакать во весь голос, реветь благим матом, ревьмя реветь' (чаще о мужчинах; голос грубый, протяжный; слезы обильные; плакать, выражая чувство безутешного горя).

Исходное значение звукоизобразительного глагола в тюркских языках связано с ревом животного, что явно выражено во многих производных. Ср.: др.-тюрк. *kökrä-* 'реветь' (МК III, 282); каз. *өкір-* 'реветь (о быке), реветь, голосить, рыдать, громко плакать', *өкірік* 'рев, крик, мычание'; кирг. *өкур-* 'реветь (о быке), громко плакать и причитать (о мужчине)'; туркм. *бөгур-* 'реветь, мычать (о быке), громко плакать'; як. *өөх* подр. реву напуганной или раненой скотины, звуку, издаваемому при рвоте; узб. *огур-* 'реветь, кричать (о косуле)', *өк* 'гортань, глотка' и т. д.

Өксіп жыла- 'плакать негромко, всхлипывая, задыхаясь, сильно вздрагивая' (чаще об обиженном ребенке, подростке; слезы не обильные; иногда такой плач бывает после продолжительного громкого рыдания, когда человек уже начинает успокаиваться).

Звукоизобразительность глагола *өксі-* в целом совпадает с рассмотренным *өкір*, при этом различие наблюдается в модификаторах, уточняющих оттенки звукоизображения.

Шарылдап жыла- 'резко, неожиданно заголосить (о крике только что родившегося ребенка)'. Основное значение звукоизобразительного корня *шар-* 'шумно, бурно течь, бурлить'; с прибавлением модификаторов образуется ряд производных значений. Ср.: каз. *шарылда-* 'шуметь, бурлить (о потоке воды), пронзительно кричать', *шартылда-* 'издавать резкий, отрывистый звук, трещать, хрустеть, резко разрываться'; др.-тюрк. *šar-šar* подр. звуку сильного дождя или потока воды (МК I, 324); *šarla-* 'громко плакать, реветь' (ДТС, 141); кирг. *шар* 'быстрое, бурное течение, стремнина'; туркм. *шарла-* 'бурлить, журчать', *шарлавук* 'водопад'; як. *чар* подр. звуку падающей струи воды; узб. *шарилла-* 'журчать, урчать, трещать, быстро, обильно и шумно течь'; тув. *шаала-* 'шуметь, рокотать (напр., о море, водопаде)' и т. д.

Шыңгырып жыла- 'плакать тонким, визгливым голосом, визжать' (о грудном ребенке; слезы обильные, рот широко раскрытый). Значения звукоизобразительного корня *шың*, в основном связанные с подражательной функцией сонорного *ң*, чаще всего передают звонкие, бренчащие, звякающие звуки. Ср.: др.-тюрк. *šīŋ* подр. звону, звяканию (МК 600.); кирг. *шыңгыр* подр. звонкому звуку, *чың* подр. шуму в ушах; туркм. *шаңқыр-шуңқыр* подр. бренчанию множества металлических украшений; як. *чың* подр. звукам резкого удара молотом по наковальне; узб. *шинғилла-* 'звенеть, звякать'; тув. *шыңгыра-* 'звенеть' и т. д.

Шырылдап жыла- 'плакать громко, голосить' (о ребенке; голос высокий, протяжный, открытый; рот сильно раскрытый; со слезами или без слез; плач голодного или больного грудного ребенка). Название плача происходит от звукоизобразительного корня *шыр*, имеющего в тюркских языках следующие значения: каз. *шырылда-* 'чирикать, щебетать, сильно плакать (о ребенке); проявлять заботу, беспокоиться (чаще о матери в отношении ребенка)', *шырқа-* 'петь литься песней, затянуть красивую мелодию'; кирг. *чырк-чырк* подр. чириканью, *чырр* подр. прерывистому звуку, свисту; туркм. *чыр-чыр* подр. чириканью, высокому голосу детского плача; як. *чырытынай-* 'учащенно, усиленно чирикать, свирестеть'; узб. *чирилла-* 'стрекотать, щебетать, чирикать'; тув. *чириле-* 'щебетать, издавать шум, гомон, чирикать' и т. д.

Ышқынып жыла- 'плакать визгливым голосом' (ча-

ще о детях и женщинах; воспроизводимый звук высокой тональности; рот раскрыт, но не сильно; слезы могут быть и не быть; мышцы шеи и горло сильно напряжены; плач сильно возбужденного человека, бурно выражающего чувство яростного возмущения, негодования). Звукоизобразительному обозначению визгливого голоса способствует подражательная функция плоскощелевого *и* и узкого гласного *ы*.

Помимо звукоизобразительных форм обозначения различных видов плача в казахском языке часто встречаются и такие, которые описывают внешний облик, движения, а также содержат другую информацию о плачушем. Рассмотрим некоторые из них.

Солкылдап жыла- 'плакать, трясая плечами или сотрясаясь всем телом' (чаще о мужчинах; голос грубый, иногда отрывистый, но может быть и протяжным; со слезами, но не очень обильными); соответствует по внешним признакам *солқ-солқ күл-* 'смеяться, сотрясаясь всем телом'.

Тұншығып жыла- 'плакать беззвучно или издавая тихие стонущие звуки' (о сдавленном, приглушенном плаче человека, напрягшегося всем телом, сжавшего зубы, сдерживающего свои эмоции и, как бы ему ни было тяжело, не выражающего свои чувства перед людьми) от каз. *тұншық-* 'задышаться'.

Көрісіп жыла- 'плакать вместе с кем-либо' (при похоронах — плач родственника, знакомого, соседа и т. д., выражающих сочувствие близким умершего; сопереживающих, разделяющих их горе; при встрече с близким, дорогим человеком, родственником — плач радости и боли, плач счастья и страдания; голос громкий и протяжный, заунывный, со слезами, иногда без слез); от *көр-* 'видеть, смотреть', *көріс* — взаимная, совместная форма от *көр-*.

Күйлеп жыла- 'напевать заунывную, плачевную, грустную мелодию, рассказывая песней о своем горе, печали, страданиях'; от каз. *күй* 'мелодия, звучание'.

Талықсып жыла- 'заходиться в плаче, задышаться от слез, давиться' (чаще о женщине; слезы обильные, голос тихий, иногда беззвучно, рот открывающийся и закрывающийся); от каз. *тал-* 'падать в обморок, терять сознание'.

Жоқтап жыла- 'плакать причитая об умершем, громко рыдать, голосить' (чаще о женщине, плачущей исте-

рично, безутешно, иногда рвя на себе одежду, волосы, царапая лицо, шею, грудь; голос громкий, слезы обильные). По традиции женщина (чаще жена или мать) на протяжении сорока дней оплакивала покойного, заунывно, надрывно причитая об умершем, исполняя обрядовую погребальную песню *жоқтау*.

Кемсеңдеп жыла- 'плакать, тихо всхлипывая' (голос тихий; слезы умеренные; рот раскрыт несильно, нижняя губа вздрагивающая; всхлипывающие, периодически повторяющиеся вздохи) от каз. *кемси-* 'иметь впадный, беззубый рот'.

Зарлап жыла- 'громко голосить, рыдать' (прерывая протяжный грудной голос причитаниями, жалобами на судьбу, рассказом о своем горе; слезы обильные, голос громкий, душераздирающий; только о женщинах). Ср. каз. (от иранского) *зар* 'рыдание, горький плач, вопль, стон, скорбь', *зар еңіре-* 'рыдать во весь голос', *зар заман* 'тяжелая година, трудный период', *зар айт-*, *зар қақсат-*, *зар қақ-*, *зар төк-*, *зар ұр-*, *зарла-* 'плача, рыдая, громким надрывным голосом рассказывать о своем горе, скорби (жалуясь на судьбу, обращаясь к богу, к окружающим)'; узб. *зор* 'рыдание, жалобный вопль, жалоба, сетование' и т. д.

Исследование звукоизобразительных глаголов смеха и плача в казахском языке показало, что оба лексико-семантических поля имеют ряд общих черт и различий. Многие признаки, например такие, как мимика, голос, имеют место в обоих случаях, при этом некоторые формы звукоизображения полностью совпадают. Глаголы смеха могут быть выражены как подражательной моделью в виде экспрессивно-сокращенной основы со вспомогательным глаголом, так и глаголом, образованным аффиксальным способом. Глаголы плача в связи со спецификой заунывного звучания экспрессивно-сокращенных форм в казахском языке в подавляющем большинстве случаев не имеют. Многие звукоизобразительные глаголы смеха и плача в казахском языке отличаются большой информативностью, образностью, отражают историко-этнографические особенности и традиционные понятия об этических нормах казахского народа. Сопоставительное изучение глаголов смеха и плача в общетюркском масштабе, очевидно, будет способствовать исследованию некоторых вопросов глоттогенеза и этнографии тюркоязычных народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ морфологического состава, фонетической структуры и звукоизобразительной функции казахских подражательных корней и основ с аналогичными формами других языков, исследование природы звукоимеизма и звукоподражания в номинативном процессе и в плане этимологии показали, что в звукоизобразительных словах казахского языка, как и многих других родственных и неродственных языков, проявляется определенная системность, представляющая собой последовательную соотнесенность акустических и/или артикуляторных характеристик звукового облика ряда слов с сенсорно-эмоциональными характеристиками денотата.

Звукоизобразительная система казахского языка состоит из двух подсистем — звукоподражательной, охватывающей большую часть лексикой звукообозначения, мотивированной ощущениями слуховой модальности, и звукоимеизмической, отражающей движение, форму, величину, душевное состояние и другие понятия, связанные с ощущениями всех других модальностей.

В лексико-семантическом отношении звукоподражательные корни казахского языка дифференцируются на имеющие статус самостоятельного употребления и выделяемые лишь путем поморфемного анализа, встречающиеся в составе разных частей речи, чаще всего в глаголах. Компоненты звукового комплекса подражательных слов на современном этапе их развития регламентированы составом фонем и закономерностями их дистрибуции, а их структура соответствует ранее сформировавшимся моделям.

В современном казахском языке звукоизобразительные корни в реально выраженной форме с семантической соотнесенностью с тем или иным звуком объективной действительности встречаются в трех фонетических раз-

новидностях: ГС, СГ, СГС. Наиболее распространенным структурным типом является последний. Анлаутные согласные казахских подражательных корней типа СГС несут различные звукоизобразительные функции, конкретное выражение которых зависит от акустико-артикуляторных дифференциальных признаков (глухость/звонкость, твердость/мягкость, лабиальность/нелабиальность и т. д.), при этом они менее выразительны, чем согласные ауслаута. В отличие от анлаута корней типа СГС инлаут в звукоизобразительном отношении более систематизирован. Дифференциация значений в случае чередования инлаутных гласных происходит по признаку вертикальной вариации. Как показывает анализ корневых морфем типа СГС, звукоизобразительная функция при общей значимости всего звукокомплекса в основном выполняется ауслаутными согласными и инлаутными гласными.

В тюркских, семитских и индоевропейских языках семантически близкие звукоизобразительные корни типа СГС и основы типа СГСС со взаимоперемещенными анлаутными и ауслаутными согласными — часто при одном и том же гласном в инлауте. Фонетические вариации указанного типа, наблюдаемые как в межъязыковых, так и во внутриязыковых соответствиях, ни к комбинаторным, ни к случайным не относятся. Их необходимо рассматривать как метатезные или фоносемантические варианты, отражающие один из древнейших способов корнеобразования в данных языковых семьях. Параллельное функционирование в группе родственных языков первоначально однозначных, фонетически равносоставных корневых морфем с характерной перестановкой анлаутных и ауслаутных согласных обусловлено объективными особенностями рецепторного поведения человека, т. е. восприятием двух звуковых комплексов со взаимоперемещенными согласными в виде фоносемантического единства, варьирующегося в пределах равнокомпонентного состава цельного звукового образа.

В тюркских языках аффиксальный способ образования звукоизобразительных глаголов достаточно четко отражает исторически сложившееся своеобразие их морфологического строя. Проблема выделения корня или основы звукоизобразительных слов тесно связана с определением аффиксальной морфемы как в синхроническом, так и в диахроническом планах. Факты струк-

турного сходства звукоизобразительных слов в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках свидетельствуют о значительной устойчивости их словообразовательных моделей, что, несомненно, говорит об их древности, уходящей к прототюркской или даже к протоалтайской эпохам. Сравнение тюркских моделей с однозначными формами в рамках алтайских языков помимо определения хронологических особенностей способствует изучению морфологического состава ряда подражательных основ, выделению их корневых и аффиксальных элементов, затемненных в современных производных образованиях.

Принципиально важным для понимания сущности и механизма образования звукоизобразительных основ типа СГСС является то, что они не являются результатом механического соединения корневой морфемы СГС с модификатором С, а представляют собой **усеченный вариант** глагольного или именного образования. Целью и причиной подобного усечения является **создание экспрессивной формы** звукоизобразительных слов, отличающей их от изобразительно нейтральной лексики в современных тюркских языках. Звукоизобразительная функция модификатора — результат его последующего ассоциирования с конкретными видами звучания в окружающей среде. В семантическом плане общность функции модификаторов заключается в передаче таких особенностей изображаемого звука, как отрывистость, резкость, краткость, что достигается за счет акустико-артикуляторных признаков модификаторов. Кроме указанных значений модификаторы имеют и другую специализацию, направленную на обозначение конкретных особенностей звуков. Однако в общетюркском масштабе наряду с последовательным семантическим соответствием в употреблении модификаторов в однозначных звукоизобразительных основах встречаются и случаи разнобоя. Иначе говоря, присоединение одного и того же модификатора к одному и тому же корню на межъязыковом уровне не всегда дает семантически тождественный результат. В рамках же одного из тюркских языков подражательная основа с тем или иным модификатором ассоциируется с конкретными звуками окружающей среды. При этом значение исходной формы остается в той или иной степени общим и отражает обобщенную характерность типологически сходных звуков. Подражатель-

ные основы с одним из модификаторов в тюркских языках не во всех случаях представляют собой конечные производные, после которых звукоизобразительность утрачивает свою функцию и образуются изобразительно нейтральные лексикализованные формы. В звукоизобразительных словах с вторичным наиболее часто встречающимся модификатором *p*, фактически являющимся аффиксом продолжительного действия, вместе с обозначением продолжительности, повтора он выполняет и определенную звукоизобразительную функцию, сущность которой заключается в отражении длительного, гремящего, грохочущего, громыхающего, трескучего звука. Данная функция непосредственно связана с вибрирующим характером сонанта *p* и как бы дополняет изобразительную функцию ауслатного вибранта корневой морфемы.

Сравнительно-типологический анализ звукоподражательных слов казахского языка с однозначными или семантически сходными формами ряда алтайских, индоевропейских и других языков показал однотипность многих фонетических структур звукообозначения. При этом близость или тождество значения выражается либо полным совпадением звукового состава, либо наличием общего, звукоизобразительно наиболее содержательного элемента, что, в свою очередь, указывает на степень универсальности определенных структурных моделей или звукоизобразительной функции отдельных фонемотипов.

В связи с тем, что звукоизобразительные слова постоянно подвергаются процессу денатурализации — ассимиляции фонетической и морфологической структурой конкретного языка — степень совпадения, сходства звукоподражательных форм в различных языках на данном этапе их развития не одинакова. Вместе с тем само существование формальных и семантических соответствий особенно в неродственных, разносистемных языках говорит о сохранении определенных функций фонетической мотивированности в современных языках.

Как уже говорилось, при определении сущности звуко-символизма в диахронии необходимо учитывать тенденцию развития примарно мотивированного знака к условности под действием коммуникативной функции языка. Признание примарной мотивированности позволяет логично объяснять наличие как первичного, так и вторичного звуко-символизма направленным развитием

звуковой оболочки не только по законам морфологии и фонетики конкретного языка, но и по закону постоянного противоречия, по которому форма слова-знака в процессе своего развития утрачивает связь со значением, затем на каком-то этапе может развиваться в направлении соответствия значению. В восприятии человека-носителя конкретного языка значение и звучание, выступающие как единство понятийного и материального, как определенная единица информации, возможно, подсознательно, но все же в какой-то степени рассматриваются как предопределяющие друг друга. Предложенная С. В. Ворониным интерпретация синестемии как психофизиологической основы звукоимовизма в языке последовательно объясняет механизм звукоимовических элементов номинации. В связи с этим отпадает вопрос о причинах образования звукоизобразительной лексики, являющейся обозначением так называемых «молчащих» денотатов.

В отличие от звукоподражательных слов, в которых признак номинации определяется достаточно легко, признаки номинации звукоимовических слов не имеют четких границ, хотя могут быть ограничены рамками восприятия не слуховой модальности.

На основе анализа ряда звукоизобразительных форм казахского языка в сравнении с аналогичными формами других языков можно заключить, что наличие одного и того же звукоимовического элемента в словах самых различных языков, не имеющих ни генетических, ни типологических сходств, говорит об универсальности явления звукоимовизма, его естественной мотивированности. Одним из признаков звукоизобразительных слов и критериев их идентификации является редупликация, широко распространенная в тюркских и других языках. Чистые повторы представляют собой структурно-звукоимовический способ образования значения множественности. Эта семантическая особенность редуплицированных образований основана на последовательном соположении, линейной взаимосвязи семантически и формально тождественных звуковых комплексов.

Фоносемантический анализ ряда казахских слов, не относимых до настоящего времени к звукоизобразительным, выявляет их этимоны, представляющие собой обобщенный фонемотип или унифицированную фоносемантическую модель.

Наблюдения над фонетическими и морфологическими особенностями названий птиц, зверей, растений, гор, рек и т. д., встречающихся в современном казахском языке, убеждают, что определенную часть этих названий составляют слова звукоизобразительного происхождения, мотивированные отличительным признаком — характерным звуком, выделенным человеком в процессе номинации. При этом основная особенность денотата может быть воспроизведена ассоциативно, с помощью имеющихся в языке звукоизобразительных слов и их моделей.

К звукоизобразительным словам в казахском языке относится и лексико-семантическая группа глаголов смеха и плача. Казахские подражательные обозначения смеха и плача в силу исторической традиции, сложившегося национального этикета могут содержать информацию о возрастном и половом различии, внешности и этической или нравственной стороне человека.

В морфологическом отношении звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке однотипны с аналитическими конструкциями звукоподражательных глаголов с усеченно-экспрессивной основой в качестве именной части.

Помимо рассмотренных наименований, образованных от звукоизобразительных корней, в казахском языке имеется большое количество других слов, имеющих ту же природу происхождения, выявление и изучение которых еще предстоит.

В плане исследования общих и частных проблем звукоизобразительности в казахском языке на современном этапе представляется актуальным дальнейшее расширение количества фактов, углубление поиска изобразительных слов и их фоносемантических элементов, проведение психолингвистических и статолингвистических экспериментов по самым различным современным методикам, выявление изобразительных корней и основ в словах, относимых к изобразительно нейтральным в современном казахском языке, и т. д.

СПИСОК ЯЗЫКОВ, ФАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ В РАБОТЕ

абх. — абхазский
аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
англ. — английский
араб. — арабский
арам. — арамейский
балк. — балкарский
башк. — башкирский
болг. — болгарский
бур.-монг. — бурят-монгольский
бурят. — бурятский
венг. — венгерский
вепс. — вепсский
гаг. — гагаузский
гот. — готский
гр. — греческий
груз. — грузинский
дат. — датский
драв. — дравидийский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-исл. — древнеисландский
др.-прусск. — древнепрусский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
евр. — еврейский
и.-е. — индоевропейский
индонез. — индонезийский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
итал. — итальянский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кам. — камасинский
карач. — карачаевский
картв. — картвельский

кирг. — киргизский
к.-калп. — каракалпакский
кодагу — кодагу
коми — коми
кор. — корейский
кумык. — кумыкский
лат. — латинский
латыш. — латышский
литов. — литовский
лоб. — лобнорский
малай. — малайский
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
монг. — монгольский
мордов. — мордовский
нан. — нанайский
нганасан. — нганасанский
нем. — немецкий
ненецк. — ненецкий
ног. — ногайский
ностр. — ностратический
обш.-тюрк. — общетюркский
ойр. — ойротский
орок. — орокский
ороч. — ороцкий
осет. — осетинский
перс. — персидский
полесск. — полесский
рус. — русский
саам. — саамский
самодийск. — самодийский
санск. — санскрит
сван. — сванский
селькуп. — селькупский
семит. — семитский
сер.-хорв. — сербохорватский

сир. — сирийский
сол. — солонский
ст.-слав. — старославянский
тадж. — таджикский
тамил. — тамильский
тат. — татарский
тув. — тувинский
тунг. — тунгусский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
угарит. — угаритский
удм. — удмуртский
уд. — удэгейский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
ульч. — ульчский

фин. — финский
фр. — французский
хак. — хакасский
хотан. — хотанский
чаг. — чагатайский
чеш. — чешский
чув. — чувашский
цимши — цимши
швед. — шведский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
эст. — эстонский
эфиоп. — эфиопский
юж.-араб. — южноарабский
юж.-драв. — южнодравидий-
як. — якутский
яп. — японский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Азербайджанско-русский словарь / Под ред. Г. Гусейнова. Баку, 1941.
- Азербайджанско-русский словарь / Отв. ред. М. Т. Тагиев. Т. 1. Баку, 1986.
- Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1977.
- Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань; Чебоксары, 1928—1950.
- Базылхан Б. Қазақша-монғолша сөздік. Уланбатыр, 1977.
- Башкирско-русский словарь / Под ред. К. З. Ахмерова, Т. Г. Баншева, Р. Г. Каримова, А. А. Юлдашева. М., 1958.
- Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, II. СПб., 1869, 1871.
- Гагаузско-руско-молдавский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1973.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Иллч-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Т. I—III. М., 1971—1984.
- Кенесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977.
- Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966.
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. I—X. Алматы, 1974—1986.
- Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958.
- Махмудов Х., Мусабаяев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.
- Монгольско-русский словарь / Под ред. Лувсандэндэва. М., 1957.
- Ногайско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
- Ойротско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1947.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л., 1907—1930.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. I—II. Л., 1975—1977.

- Татарско-русский словарь. М., 1966.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. А. А. Паямбаха. М., 1955.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.
- Турецко-русский словарь / Под ред. В. А. Гордлевского. М., 1945.
- Турецко-русский словарь. М., 1977.
- Туркменско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Карыева, М. Я. Хамзаева. М., 1968.
- Узбекско-русский словарь / Под ред. А. Қ. Боровкова, С. Ф. Акбаирова, З. М. Магфурова, А. Т. Ходжаханова. М., 1959.
- Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I—IV. М., 1964—1973.
- Хакасско-русский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1963.
- Чувашско-русский словарь / Под ред. М. Я. Сироткина. М., 1961.
- Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. М., 1982.
- Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Этимологический словарь тюркских языков. Т. I—III. М., 1974—1980.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Глава I. Морфологическая структура и звукоизобразительная функция подражательных слов	28
Фонетическая структура и звукоизобразительная функция элементов корня	29
Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня	44
Морфологический состав звукоизобразительных основ	55
Глава II. Типология звукоподражаний	82
Звукоподражание в психологическом и лингвистическом аспектах	82
Сравнительно-типологический анализ звукоподражательных слов	90
Глава III. Звуко-символизм в казахском языке	128
Глава IV. Этимология звукоизобразительных слов	162
Звукоизобразительность в орнитонимах, зоонимах, топонимах и гидронимах казахского языка	165
Лексико-семантическая группа глаголов смеха и плача	186
Заключение	218
Список языков	224
Список словарей	226

Кобей Шахметович Хусайнов

**ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ
В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института языкознания Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктора филологических наук *А. Н. Нурмагамбетов,*
Р. Г. Сыздыкова

Зав. редакцией *Г. М. Ким*
Редактор *Л. Ф. Любенко*
Художественный редактор *В. М. Грущаков*
Оформление художника *А. Ю. Черных*
Технический редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *С. Г. Жанабекова*

ИБ № 2614. Монография.

Сдано в набор 21.10.87. Подписано в печать 22.01.88. УГ11018.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 12,18. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 13,33.
Тираж 1000. Заказ 215. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28

НОВЫЕ КНИГИ

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
1988

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абилхасимов Б. Письменные источники казахского литературного языка XVIII—XIX вв. На каз. яз. 8,42 л. 1 р. 10 к. 1300 экз.

Кратко характеризуются письменные источники, отражающие особенности казахского литературного языка XVIII—XIX вв., приводятся образцы письменной литературы различного стиля, а именно художественного, публицистического, научно-популярного и официально-делового. Все тексты транскрибированы на основе современного казахского алфавита, им даны текстологические объяснения.

Для филологов, языковедов, преподавателей и студентов филологических факультетов вузов и широкого круга читателей.

Айтбаев У. А. Становление и развитие казахской терминологии: (на материале общественно-политической литературы). На каз. яз. 11 л. 1 р. 80 к. 1300 экз.

Книга посвящена изучению истории возникновения, состава и способов образования общественно-политических терминов казахского языка. На большом фактическом материале рассматриваются принципы, спорные вопросы создания терминов и анализируются теоретические работы по данной проблеме, определяется сущность объекта. Основное внимание уделяется лингвистическим аспектам образования терминов. Объектом изучения является также вопрос о периодизации и систематизации терминов.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, учителей школ, работников печати, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного казахского литературного языка.

Аралбаев Ж. А. Этюды по казахской фонетике. На каз. яз. 9,7 л. 1 р. 90 к. 1000 экз.

Рассматривается фонетическая система современного казахского литературного языка с использованием приемов структурно-функциональной лингвистики в синхронном, а отчасти в историческом аспектах. При этом фонетический анализ звуков казахской речи дается в парадигматическом и синтагматическом планах. Определяются состав фонем и их основные варианты, а также чередование и сочетание звуков. Фонемы казахского языка исследуются в сравнении со звуками других тюркских языков.

Рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов вузов.

Демесинова Н. Х. Синтаксическая стилистика современного казахского языка. На каз. и рус. яз. 5 л. 80 коп. 700 экз.

Дается теоретическое и фактическое обоснование развития в процессе становления различных функциональных стилей синтаксических конструкций, идентичных по содержанию, а также системное исследование конструкций, выражающих определенные синтаксические отношения: атрибутивные, обстоятельственные и др.

Для лингвистов, переводчиков, преподавателей высших учебных заведений, учителей, студентов.

Исследования по уйгурскому языку/Под ред. Г. С. Садвакасова. На уйг. и рус. яз. 15 л. 1 р. 70 к. 1000 экз.

Рассматриваются вопросы уйгурского языкознания. В сборник включены статьи по лексике, фонетике, грамматике, а также по диалектологии и антропонимии.

Для научных работников, преподавателей и студентов филологических факультетов вузов, аспирантов и учителей.

Интерференция в русской речи казахов: (Проблемы казахско-русского двуязычия)/Под ред. Н. Х. Демесиновой. На рус. яз. 9 л. 1 р. 60 к.

Исследуются фразеологические и синтаксические ошибки в русской речи казахов, намечены перспективы дальнейшего изучения проблем казахско-русского двуязычия.

Для преподавателей русского языка в казахской аудитории, специалистов в области двуязычия, а также для всех интересующихся проблемами взаимодействия языков.

Калиев Б. К. Названия растений в казахском языке. На каз. яз. 10 л. 1 р. 30 к. 1200 экз.

Рассматривается около двух тысяч казахских названий растений и анализируется их интерпретация в десятичном толковом словаре казахского языка. Особое внимание уделяется народным, научным и диалектным названиям растений, их классификации, написанию, путям и способам подачи в одноязычном словаре, а также определению их значений.

Для научных работников: филологов, ботаников, лексикографов, а также для широкого круга читателей.

Оралбаева Н. О. Словообразование числительных в казахском языке. На каз. яз. 5,92 л. 1 д. 10 к. 1000 экз.

В работе дается общая характеристика словообразовательной системы языка и анализируются способы образования числительных. Особое внимание уделяется сложным числительным и их структуре, а также словообразовательным моделям сложных числительных, которые впервые вводятся в научный оборот. Детально исследуются способы словообразования семантических групп числительных.

Для специалистов-языковедов, а также для преподавателей вузов и учителей школ.

